

18+

Эмили и Волшебное Королевство

Луна Ашборн

Луна Ашборн

Эмили и Волшебное Королевство

«Издательские решения»

Ашборн Л.

Эмили и Волшебное Королевство / Л. Ашборн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988768-9

Сказка, в которой путь не менее важен, чем то, куда он может привести. Сказка об истинной свободе, волшебстве и Эмили. Ей предстоит стать сильной и храброй девушкой, чтобы спасти мир, в который трудно поверить, но который всегда был ей знаком. В путешествии она найдёт друзей и врагов, захватывающие приключения и опасности, но сможет ли она в гуще событий отыскать себя?

ISBN 978-5-44-988768-9

© Ашборн Л.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
• МЭЙНБУР •	8
Глава 1. Мечты	8
Глава 2. Кукла и животное	14
Глава 3. Ярмарка	18
Глава 4. Сэнрик	26
Глава 5. Лиза	32
Глава 6. Свадьбе быть	36
Глава 7. С Днём Рождения, Эмили!	42
Глава 8. Новости	48
Глава 9. «Не держите на меня зла»	56
• БЕСКРАЙНИЙ ЛЕС •	59
Глава 1. В лесу	59
Глава 2. Красный дуб	66
Глава 3. Старые новые знакомства	69
Глава 4. Трудности	75
Глава 5. Преодоление	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Эмили и Волшебное Королевство

Луна Ашборн

© Луна Ашборн, 2020

ISBN 978-5-4498-8768-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Давным-давно, когда на земле ещё были разбросаны королевства и повсюду царила монархия, в отдалённом уголке земли, с богатой плодородной почвой, рядом с болотными топями, было основано королевство. И дали ему название – Мэйнбур. Оно было небольшим, если уж сравнивать с самыми выдающимися по масштабу королевствами того времени, но людей было достаточно, и жизнь шла там своим чередом. Королевство разделилось на территории, которые мы вполне можем назвать герцогствами, в соотношении с герцогствами других королевств столь же небольшими, что и сам Мэйнбур, их объединяющий. Всё же не будем преуменьшать их значимость, тем более что каждое из них – а всего их было пять – получило своё собственное гордое название.

С каждого из графств в герцогствах собирался определённый денежный налог, а также, помимо него, собирались части честно заработанного продовольствия и затем свозились в главный город, где, собственно, и находился замок с населяющими его королевской семьёй, множеством слуг и придворных. Город этот звался Мэйн Тауном.

Рядом, присоединённым к нему, возвели Графбур, который стал самым богатым из пяти герцогств. Там всегда было вдоволь продовольствия, денег и прочих ресурсов. И даже если жители не могли добыть достаточное количество, к примеру, древесины или руды, главе Графбура не составляло труда обратиться к другим герцогствам и заплатить им за оказанную услугу. Так и получилось, что жили там не бедно, а если уж и попадались где-то на дороге бедняки, то с ними обращались крайне прискорбно, считая, что они позорят славное имя Графбура, либо же и вовсе никто не замечал протянутых трясущихся рук. Конечно, не все люди были с чёрствыми сердцами и слепыми душами, но, к несчастью, это была большая часть населения.

Вообще, в Мэйнбуре очень любили иерархию и всяческое распределение по главенству, а потому следующим по значению герцогством можно назвать Фенсбур, который, чего уж таить, прежде был обыкновенным городом, но вскоре, благодаря своим заслугам и, конечно же, городскому главе, обратил на себя внимание короля с королевой, расширил земли, получив несколько близлежащих территорий и, таким образом, стал полноправным герцогством. Фенсбур производил самую лучшую и качественную одежду, и королевство очень щедро награждало его за сшитые наряды и искусно изготовленную ткань. Фенсбур находился рядом с полями, усеянными в отдельных местах льном, а также с небольшими озёрами, возле которых росли крепкие ивы. Из ивовых прутьев получались отличные одежды, но не для холодной погоды. Тёплые вещи чаще всего изготавливались из сосновых шишек, за которыми мастерам приходилось ездить в другое королевство.

Дальше, несомненно, стоит отметить Капитайбур, к юго-востоку от Мэйнбура. Именно в этом герцогстве и начнётся наша история, в одном из небольших баронств. Однако прежде всего, я думаю, необходимо закончить урок географии, чтобы читатель имел представление о мире, в который будет вынужден погрузиться.

В Капитайбуре основным промыслом являлась охота. Но земли там были одни из самых плодородных, поэтому жители выращивали также пшеницу и ячмень, часть урожая которых вывозилась после переработки в зёрна в королевство. Также вывозились некоторые травы, которые распространены в виде приправ у местного населения, и мясо. Правда, в последнее время мяса добывалось всё меньше, а часть, которую необходимо было отдавать, оставалась неизменной. Поэтому периодически жителям приходилось голодать, заменяя мясные блюда на столах на прочие, из овощей, круп и трав. Эту проблему, которая доселе не возникала вовсе, теперь пытались решить все охотники Капитайбура.

Следующим по количеству населения и, пожалуй, по отдалённости от Мэйн Тауна, было герцогство Келлийское, единственное, отличавшееся от всех других, не только по названию,

но и по некоторым другим признакам, включая менталитет. Местные жители считали себя особенными, в большей мере приближёнными по духовности к королю и его дворцу. Признаться, несмотря на не особо богатую жизнь, Келлийцы с трепетом относились к своему дому. И если кто-то хотел полюбоваться на красивые дома, интересные изделия, необычные улочки, то обычно съезжались именно сюда. К тому же, здесь часто обитали люди весьма творческие, ищущие вдохновения в местной природе и знающие, что здесь их творения оценят, даже если из королевства их гнали взашей за бездарность и безработицу. Возможно, излишек поэтов, музыкантов и прочих деятелей культуры как раз и обеднял Келию в материальном плане. Рабочих было недостаточно, а после вывоза товаров в Мэйнбур жителям оставалось очень мало от того, что они наработали. Единственным надёжным источником дохода в те непростые времена были, как они назывались в простонародье, «Святые обители», получавшие ежегодную прибыль от короля, поскольку вера тогда ценилась так, как сейчас нам с вами и представить трудно. Она была тем единственным богатством, которого никто не мог отобрать, и которое было доступно даже нищим и обездоленным. Более того, над Святыми обителями работали лучшие мастера, которых только удалось найти, поэтому приезжие всегда спешили посмотреть главное достояние герцогства Келлийского, само собой, оставляя кто скромное, а кто и не очень пожертвование, не забыв помолиться об искуплении собственных прегрешений.

И последним герцогством в нашем маленьком путешествии будет такой же маленький и незаметный Литбур. Вот где было больше бедняков, так это там. В Графбуре здешних жителей считали отбросами, и их отдалённость от королевства и расположенность ближе к болотам лишь усиливала отвращение вельмож. Новый глава Литбура пытался сделать всё возможное, чтобы вернуть былую славу мелкого и доброго герцогства, теперь больше похожего на обыкновенный, ничем не примечательный, провинциальный городок, но прежде знаменитого вышедшими оттуда блестящими умами человечества, рецептами лечебных снадобий и изобретениями, облегчающими жизнь народа, а также своим фирменным блюдом – сахарным морсом из диких ягод, настолько вкусным, что слава его давно вышла за пределы Литбура. Однако земли здесь были менее плодовитые, а искусные лекари и ученые, сбегая от нищеты, перебирались поближе к королю и его семье, приглашённые в лучшие места, те, где больше платят. Так, Литбур постепенно разоряли, забирая у него то лучшее, что в нём было, и когда лекарей стало предостаточно в прочих герцогствах, тем, которые остались здесь, не дали и шанса. Разорившись, жителям нечем стало платить короне, и практически нечем было зарабатывать, и так Литбург стал самым бедным из пяти герцогств. Глава, о котором было упомянуто чуть ранее, при чьём деде его дом начал разоряться, и при чьём отце он дошёл до такого состояния, в котором пребывал теперь, вскоре и сам потерял надежду, оставив себя, свою семью и всех жителей на произвол судьбы – пусть король решает их участь. Если в Графбуре, самом «элитном» герцогстве, считают их отбросами, то, пожалуй, так оно и есть. Многие из молодых людей, живущих в Литбуре, стремились уехать оттуда куда-нибудь ближе к Мэйн Тауну, но не всем удавалось это сделать. У большинства не было денег на переезд, а те, кто, отчаявшись, шёл пешком, чаще всего становились бедняками и в других герцогствах.

Так складывалась и текла в своём привычном русле жизнь в королевстве под названием Мэйнбур. Большинство людей там стали одинаковы под гнётом утвердившихся устоев и норм того времени, общества. Поэтому мало что на протяжении многих лет менялось хоть в одном из уголков королевства. Что уж говорить про выход «во внешний мир». Для многих пересечение границы было чем-то пугающим, недостижимым и возможным только для королевской семьи. Но кто бы знал, что чтобы увидеть новый, полный чудес и волшебства мир, не нужно было уезжать. Достаточно было бы просто взглянуть на всё под другим углом и довериться зову сердца.

• МЭЙНБУР •

Глава 1. Мечты

В одну из прекрасных весенних ночей в одном из домов небольшого баронства где-то к югу от Капитайбура родился ребёнок. Погода после долгих дождей сменилась, лёгкий ветерок блуждал по улочкам, тревожа листву деревьев, а с неба, которое больше не заволакивали тучи, светила яркая луна. И как только ребёнок появился на свет, одна звезда, став для него добрым знаком, упала с неба и пролетела за самый горизонт. Девочку, такую крохотную и хрупкую, назвали Эмили, и родители полюбили её больше всего на свете. Они часто рассказывали своей прекрасной дочери сказки, одна из которых стала ей особенно дорога. Эту сказку рассказывал ей отец, когда Эмили немного подросла. Бывая дома, он часто садился возле небольшой кровати, локоть одной руки опирая на подоконник, а второй рукой гладя пшеничные волосы притихшего ребёнка. Той было уже около четырёх лет.

Улыбаясь, она натягивала себе розовое одеяльце до подбородка и смотрела на своего отца.

– Кажи свою сказку, – тонким голосочком, не до конца проговаривая все слова, попросила она.

– Я так часто тебе её рассказываю, – мужчина улыбнулся.

– Она моя любимая.

– Ну раз любимая, – он сел поудобнее и принялся рассказывать, – давным-давно на свете появилось королевство. Похожее на наше, но гораздо-гораздо больше. То королевство населяли волшебные существа, и правил им мудрый и сильный король. Это место было обителью магии. Обителью любви. В нём все были счастливы. Как-то раз один человек узнал про волшебное королевство и вторгнулся в него, позвав за собою воинов со всех земель. Они хотели схватить волшебных существ и продавать их на рынках, – отец Эмили сделал жест руками, делая сказку более устрашающей, – вместе, они свергли доброго короля, и на его трон сел другой, злой, полный обиды и ненависти. С тех пор прекрасные земли обнищали и погрузились во мрак, и с тех пор невиданные создания, полные жизни и магической силы, ждут, когда их освободят. Но злой король закрыл вход от прочих людей, чтобы никто не смог помешать ему править. Однако надежда есть! Легенда гласит, что один-единственный герой, сильный и смелый, сможет, несмотря на тёмные чары, отыскать Волшебное королевство и одержать победу над злом.

– А де находится то королевство? – с огоньком любопытства в глазах спросила девочка.

– Оно находится далеко-далеко отсюда. За густым лесом, за широкой бездонной рекою, за двумя снежными вершинами в третьей горе, сотканной из льда. Не каждый сможет добраться туда.

– А я? Смогу?

– Я уверен в этом, – мужчина улыбнулся и, поцеловав дочь в лоб, поднялся с места, – а теперь спи, дорогая.

– Эмили, не убегай далеко! – с самого утра мать ласково предупреждала непослушную Эмили. Сама она убирала за скотом и кормила его. Животных у них было не так уж много. Петух, две курицы, одна из которых была уже совсем стара, не несла яиц, а её мясо было слишком жёстким, чтобы убивать её для стола. Вторая была моложе и время от времени несла хорошие крупные яйца. Следующим зверем в их доме была корова, к сожалению, не самых молодых лет, но исправно дававшая вкусное молоко. И, конечно, лошадь. Если быть точнее,

это был конь по имени Гром, сильно истощавший за последнее время так, что у него были видны только мускулы, которые он нарастил, будучи постоянно в движении. Раньше он, принадлежавший отцу семейства, был чуть ли не самым сильным конём во всём Капитайбуре, на нём часто выезжали на охоту. Сейчас же он помогал по хозяйству и вряд ли чувствовал себя так же хорошо, как тогда, когда ему приходилось рассекать по лесу в погоне за кабаном или оленем. Но, несмотря на снисходительное отношение мужа и жены к Грому, Эмили, их маленькое чадо, видела в Громе большую и сильную «лошадку», на которой она однажды будет скакать по широким просторам Капитайбура, где они и жили семьёй. И хотя за его пределами герцогство считалось вполне себе уважаемым, здесь его привыкли видеть, как просто один большой-пребольшой город, и даже внутреннее территориальное разделение местными жителями не признавалось. Все считались семьёй, где каждый друг друга так или иначе знал.

Эмили была упрямым ребёнком. Она твёрдо знала, что если чего-то очень-очень хочет, то однажды это исполнится, как по волшебству феи. Конечно, сейчас эту черту характера она не могла направить в полезное русло. Единственное, от чего она не отступала, это от мечты залезть на Грома и прокатиться на нём. Но как бы она ни пыталась достичь этого, ей не удавалось. Конь был огромен для маленького ребёнка, и залезть можно было только с какого-нибудь выступа. А как только она сооружала этот самый выступ или просто забиралась кое-как по забору, её мать тут же это замечала и уводила её от животного. Однако, хотя Гром и был сильным и строгим конём, с Эмили он всегда был ласков. Наверное, по отношению к ней у него и возникла та самая «животная преданность», которая порой была сильнее человеческой. И преданность эту подкрепляла сладкая морковь, которой Эмили, как только та появлялась в доме, спешила с ним делиться.

Сегодня же девочка оставила на время свою мечту забраться на Грома и убежала к другим детям, игравшим неподалёку.

Дома и улочки в Капитайбуре располагались в слишком хаотичном нестрогом порядке. Кое-где они сбивались в кучу, а кое-где отдалялись от других на очень большое расстояние. И поэтому дети делили ближайшую к их домам территорию на «дворы», и каждый двор периодически воевал с другим за право Главного двора недели. Данный титул обеспечивал власть победителям и подчинение им проигравших. Взрослые, скорее всего, не замечали этого, но в, с виду маленьком, а на деле огромном мире детского воображения создавалась целая страна, с её иерархией и законами.

– Эмили, быстрее, не дай ему уйти! – держа палку в руке, играющую роль меча, неслась растрёпанная девочка, с серьёзным и хмурым взглядом, устремлённым на бегущего впереди мальчика, и её непослушные тёмные волосы выбились из причёски и уже давно развивались на ветру.

– Я стараюсь! – Эмили отставала от неё, но пыталась бежать как можно быстрее, тратя на это все силы. И когда их уже не оставалось, а спина мальчика была так близка к ней, она вытянула руку вперёд, чтобы схватить его за платье, но от усталости одна её нога заплелась о другую, и Эмили упала, проехавшись лицом по земле и оставив на щеке и плече царапины. Она даже не успела вскрикнуть от боли, а потом боль уже не играла никакой роли. Эмили проиграла и дала «вору королевской короны» сбежать. А ведь она была защитником самого короля, вместе со своей подругой, Лизой.

В конечном итоге, Лиза догнала Маркуса, и они вместе повалились на землю, изображая драку, но в самом деле лишь отпихивая друг друга руками. Игра закончилась. Победила королевская стража.

В игре были задействованы ещё семь детей, и все они играли свои роли. Кто-то был королём и раздавал приказы, ещё трое – защитниками короля, которые должны были находиться рядом, а остальные – разбойниками, которые нападали на самого главного человека в их воображаемом королевстве. По ходу того, как к игре присоединялись ещё дети, появлялись всё

новые и новые роли, а после игра сменялась на другую, но, так или иначе, главные принципы оставались теми же: драма, погоня и счастливый для какой-нибудь из сторон финал. Никаких «ничьих» просто не существовало.

– Эмили, ты слишком нерасторопная, нужно быть быстрее! – сердилась Лиза. – Если бы не ты, я бы не упала и не ударились.

– Но ведь я тоже упала и ударились, – нахмурилась Эмили.

– Да, но это потому, что ты слабая, а я упала потому, что поймала вора! – Лиза хмыкнула и ускорила шаг, отдаляясь от девочки. А та, в свою очередь, остановилась, обиженно посмотрела в пол, на ноги, и убежала домой. У неё уже не было настроения играть.

Но как только она подбежала к дому, она услышала счастливые восклицания взрослых позади. Среди этих криков можно было разобрать «ура!», «они вернулись!» и «охотники!». Эмили сразу поняла, в чём дело. Её глаза расширились и заблестели, влажные от подступающих слёз. Но она изо всех сил старалась подавить слёзы, потому что они считались признаком слабости, а она вовсе не была слабой. Она просто была крайне эмоциональным ребёнком.

Что касается охотников, то это были люди, специально обученные их предшественниками, которые три раза в месяц при благоприятных условиях (и чаще при неблагоприятных) выезжали из Капитайбура в лес, а возвращались с дичью, привязанной к лошадям и тащившейся сзади на специально сооружённых «носилках», чтобы не быть изваянной в земле. В числе таких охотников был и отец Эмили, уважаемый всеми человек.

И вот, он ехал верхом на своём коне, впереди всех остальных. Всадники двигались ровным строем, солнце позади них освещало их фигуры, тем самым создавая впечатление, что они есть само порождение льющегося на землю света; что они выходят из ниоткуда и несут благие вести. Эмили побежала навстречу им, нарушая атмосферу торжества и благоговения. Но, подойдя ближе, она не увидела никаких носилок, и на казавшихся издали гордыми и строгими лицах охотников теперь отражалась неудовлетворённость и хмурость. Тут и солнце зашло за облака, и его лучи исчезли из-за могучих спин. Судя по всему, охота оказалась неудачной.

Увидев дочь, первый всадник спешил и отошёл в сторону, ведя за собой коня. Расставив руки в стороны, он принял малютку в объятия.

– Папа, что случилось? – обеспокоенно спросила Эмили.

– Представляешь, мы проворонили кабана, – губы мужчины изогнулись в улыбке, его сердце было согрето трепетным взглядом собственного ребёнка.

– Кажи! Кажи! – воодушевлённо упрашивала девочка, вновь коверкая слова. И как ей было отказать?

– Едем мы, значит, по лесу, – активно жестикулируя, рассказывал ей отец историю неудачной охоты, – уже долгое время выслеживаем одного кабана, поздно, вечер, едва видно коряги, на которые нельзя наступать – а то услышит! Все едут молча, чтобы не спугнуть зверя. И вот, подошли мы к месту его обитания. Ну, половина наших расставила сети, вторая отправилась подальше в лес, на случай, если кабан даст дёру – нужно же его поймать! Ждём мы, выжидаем... Кто знает, сколько времени прошло, пока мы слышали шорох и поросёнычье хрюканье... – мужчина на секунду замолчал, ловя внимательный взгляд от интереса затаившей дыхание Эмили, а потом резко схватил её и начал кружить в воздухе, – а потом раз! Раз! Схватили его! Вот так!

Эмили залилась громким смехом.

В это время они втроём, считая молодого коня Резвого, кому сейчас и уступал всеми любимый, но забытый для охоты Гром, уже подходили к их дому. Оттуда, из трубы валил дым, а через открытое окно доносился аромат чего-то вкусного.

Когда лошадиные шаги с улицы стали слышны в самом доме, дверь с порога открылась, и оттуда вышла мать Эмили.

– Тед! – воскликнула она и бросилась к мужу, одной рукой обвивая его шею, а второй обнимая Эмили. Семья воссоединилась, и в доме воцарился небывалый уют и покой. Пахло свежее испечённым хлебом, тыквенной кашей и вкуснейшим компотом с брусникой. За обедом Теодор рассказывал Нине, своей жене, и Эмили истории со своей охоты, и эти истории были рассказаны настолько живо и интересно, что малютка, глядя восхищённым взглядом на своего отца, воображала себя на месте одного из охотников, на могучем Громе, с кинжалом в руках. Ну, или без кинжала, мама ведь не одобрит этого... Но обязательно с какой-нибудь верёвкой, чтобы ловить кабанов или оленей.

Когда все досыта наелись, Нина взяла Эмили на руки и отнесла к кровати, укладывая её и накрывая сверху одеялом.

– А можно я ещё с вами посижу? – робко попросила Эмили.

– Папа никуда не денется, поспи, а как проснёшься, вместе отправимся во двор, – мать ласково улыбнулась ей и поцеловала в лоб, – закрывай глазки, а я спою тебе, хорошо?

После детского удовлетворённого кивка в небольшой комнатке разлилась песня, звучащая нежным мелодичным женским голосом. И эта песня уносила Эмили в далёкий мир грёз, где она была и охотником, и взрослой девушкой, которая достаёт до Грома, и которая умеет сражаться на мечях, и главным заводилой во дворе. Проваливаясь в сон и мечтая, ей даже удалось поймать Маркуса, пока Лиза бежала где-то позади них.

*«Закрой глаза.
Встреть сладкий сон,
О как чудесен он.
Закрой глаза.
Ты видишь? – там,
Где под горой есть дверь,
Внизу, огромный тебя ждёт
И одинокий зверь.
Его не бойся, я с тобой,
Ничто нам не грозит,
Зверь не нарушит твой покой,
Он вместе с тобой спит.
Он охраняет тебя днём
И ночью стережёт,
И в холода своим огнём
Костёр вам разожжёт.
Он – твой хранитель в мире снов,
Пусть страх уходит прочь.
Ты засытай, тебя укроет
Заботливая Ночь»*

Допев последние слова, Нина улыбнулась, кажется, сама себе, от осознания собственного счастья. Но она понимала, что у Теодора для неё были и плохие новости, которые при ребёнке он просто не озвучивал, не желая обременять детское сознание какими-либо тяготами. Охотники ничего не привезли, об этом знали уже все. А это значило, что им снова нужно будет уйти на охоту. Снова оставить семью и отправиться в Бескрайний лес, как он назывался в народе. И каждый раз, когда муж уходил туда, Нина утешала себя одной только мыслью: он там не один. А когда за твоей спиной целая команда, где никто не бросает товарища в беде, ничего не страшно.

– Скоро выдвигаетесь? – обняв мужа за шею, спросила она.

– Завтра, утром уйдём. У меня совсем немного времени, – Теодор мрачно усмехнулся. И те же мрачные оттенки он почувствовал в настроении Нины. – Не волнуйся, мы вернёмся буквально через пару дней. В этот раз удача будет на нашей стороне, – воодушевился он.

– Не знаю, беспокойно мне. И как же Эмили? Она долго тебя ждала, – отвлечённо смотря куда-то в сторону, говорила Нина.

– Эмили сильная девочка, она справится. Нина, всё будет хорошо, – он крепко обнял жену.

Эмили проснулась через четыре с небольшим часа. Протерев глаза, она тут же подскочила с кровати и выбежала из комнаты. Увидев только свою мать, она побежала во двор, пока та не посадила её за кашу или не запретила чего-нибудь. И во дворе, к её огромному счастью, был её отец. Она-то уж испугалась, что он уехал куда-нибудь. А он здесь. Он дома. С ней и мамой.

– Папа, поиграем!

Теодор, возившийся в тот момент с Резвым, оставил коня и согласился на игру с дочерью. Он никогда не мог отказать ей. И Эмили, чувствувавшая это, всегда этим пользовалась. По-детски, без каких-либо задних мыслей. Она просто знала, что если ей чего-нибудь хотелось, то лучше попросить у отца, а не у матери. И тогда она с большей вероятностью это получит.

– Во что ты играла, пока меня не было? – с улыбкой поинтересовался Теодор у дочери.

– Мы играли в погони! Кражи! Королей и защитников! Маркус украл у Фреда, нашего короля, королевские богатства, а мы с Лизой его догоняли!

– И как, поймали?

– Да! – внезапно Эмили потупила взгляд, вспомнив свою неудачу. – Ну, Лиза поймала... Я упала.

– И ты расстроилась?

– Немного, – призналась Эмили.

– Тебе хотелось поймать его самой, я понимаю. Но и я не всегда могу поймать добычу в одиночку. Это невероятно трудно, поэтому мы работаем в команде, понимаешь? – объяснял ей отец.

– Лиза не умеет работать в команде, – Эмили топнула ногой.

– А ты научи её. Покажи ей, как нужно. Но если вдруг случится так, что тебе придётся самой ловить Маркуса, – Теодор сделал такое выражение лица, как будто хотел рассказать дочери какую-то тайну, которую не знает никто в целом свете. Эмили распахнула глаза, прижала крохотные кулачки к груди и приготовилась слушать. Мурашки пробежали по её коже. Она ждала, что сейчас отец сделает из неё охотницу, что он научит её чему-то, что знает сам, и тогда она точно уж поймает и Маркуса, и всех остальных!

– Тогда нельзя никогда сдаваться, слышишь? – полушепотом говорил он. – Это очень важно! Я верю в тебя, Эмили, ты невероятно смелая девочка, но как только засомневаешься в себе, хоть на самый короткий миг – сразу потеряешь цель из виду. Пока мы уверены в победе, нам легче её достичь, – торжественно заключил Теодор.

Он выждал минуту, пока Эмили переваривала и усваивала всё сказанное им. И когда она вновь подняла на него глаза, он увидел, как она пытается сделать уверенный вид. От этого она напряглась, чуть сгорбилась и не разжимала кулачков. Даже пальцы босых ног побелели от того, что она сильно их сжала.

Теодор рассмеялся и выпрямился.

– Не переусердствуй. А теперь, может, потренируемся? – зная, что только этого Эмили и ждала, он задал вопрос, точно зная ответ на него.

– Да! Да! Да!

И снова началась игра. Он подхватывал Эмили на руки, кружил её, поддавался ей, падая на землю, чтобы она могла ощутить себя победителем, упираясь руками в его грудь. Он даже, когда она, уже уставшая, но безумно довольная, попросила его об этом, посадил её на Грома.

Конечно, придерживая. Но когда Эмили оказалась на спине своей самой любимой на свете лошади, когда она оказалась, более того, так высоко над землёй, она ощутила себя так, как никогда раньше. Она словно была птицей и рыцарем. Рыцарем-птицей. Она развела руки в воздухе, расставив их по разным сторонам сбоку, и представила, что летит. Она смотрела чётко на горизонт и видела там что-то знакомое и такое вдохновляющее. Вроде бы Эмили была всё там же: в родном краю, у родного дома. Но сейчас это было какое-то другое место. Не её прежний дом. Но новый дом, куда она так хотела попасть.

– Па, скажи про Волшебное королевство? Там правда красиво?

– О, там очень красиво, – Теодор улыбнулся, – так красиво, как нигде в целом свете. Возможно, однажды мы с тобой съездим туда.

– Да?! – воскликнула Эмили и резко повернулась, чуть не свалившись с коня. Если бы её не держали, она бы наверняка упала.

– Осторожнее, – рассмеялся он, – да. Ты увидишь его собственными глазами. Но помни, что твой дом здесь. И, главное, никому не рассказывай о Волшебном королевстве, только если не будешь уверена, что ничего плохого не произойдёт.

Эмили не слышала последние слова отца. В её памяти осталось только громко звучащее «ты увидишь его», и она вновь предалась мечтам о том, как попадает туда и живёт счастливо. С мамой и папой. И Громом, разумеется.

Вообще, Теодор часто рассказывал ей про Волшебное королевство. Но его рассказ всегда отличался от того, как рассказывала ей ту же самую историю её мама. Они говорили словно на разных языках. В словах отца она чувствовала большую долю правды и верила всему, что он говорил. И поскольку эта сказка стала её любимой, они с Теодором часто играли в неё, представляя, как пробираются через лес, проплывают через реку, где их хотят укусить за ногу большие рыбыны, как мёрзнут в горах, но твёрдо идут к цели, и как, наконец, достигают её. Эти путешествия были значимой частью мира воображения ребёнка, и в отсутствие отца она всегда строила планы, как бы им добраться до заветного места.

Но вот, момент вдохновения и мечтаний кончился. Отец снял дочь с коня, сказав, что сейчас Гром не для неё, но однажды он обязательно научит её езде верхом.

– Я буду кататься на Громе! – упоительно прошептала она сама себе.

– Или на Резвом, – улыбнулся Теодор, – я думаю, он будет не против.

– Нет, Гром, – заявила она.

На том они и порешили. Когда стемнело, они зашли домой. Все вместе зажгли пару свечей, поставили на стол и приготовились к ужину. После него Эмили, как и всегда, рассказали сказку на ночь, и она уснула, не подозревая, что уже завтра её отец уедет. Ей казалось, что в этот раз он останется с ней надолго. Может, навсегда. Не важно, что они не привезли добычи. В Капитайбуре ведь и так была еда. Зачем им больше? Главное, что они втроём были вместе, и её папа был рядом. Эта мысль грела маленькое храброе сердце.

Глава 2. Кукла и животное

– Будь осторожен, Тед, – говорила Нина своему мужу на следующий день. Было раннее утро, птицы только начинали сонно щебетать где-то вдали, и по небу разливалась тонкая розовая полоска, перетекающая в ярко-голубое небо. Солнце поднималось из-за горизонта, стремясь оказаться всё выше и выше. Но, несмотря на яркий свет его широких лучей, простирающихся над землёй, было холодно. Листья деревьев шелестели на ветру, а их верхушки обеспокоенно покачивались из стороны в сторону. Нина поправила шаль на спине.

– Как всегда, – Теодор улыбнулся ей. За этим последовали полные любви объятия, и он развернулся, уже готовый отправляться в путь. Но его вдруг остановило детское «папа!», выкрикнутое откуда-то позади.

Эмили проснулась очень рано, и она успела застать отца до того, как он уехал. Наверное, справедливо было бы разбудить её, чтобы попрощаться. Но Теодор не любил прощаться. Он всегда знал, что вернётся к дочери, и всегда говорил ей, что ни за что её не оставит. А слова прощания лишь привносят сомнения в сердца тех, кто расстаётся на время.

– Куда ты? – Эмили бросилась к отцу и крепко обняла его. Теодор присел на корточки и объяснил ей необходимость своего отъезда.

– Мы не можем без еды, дорогая. Нам нужно мясо, а поскольку мы не смогли поймать ничего в лесу в прошлый раз, мы отправляемся туда снова.

– Тебе обязательно уходить? – с сожалением взглянула она на отца. Ей не хотелось расставаться с ним так быстро, после того, как она ждала его с предыдущей охоты.

– Обязательно, – он поцеловал её в лоб. – Помнишь, что я говорил? Ты сильная, и ты справишься без меня здесь, а потом я вернусь. Я же всегда возвращался?

– Всегда.

Но, если бы кто знал, что в этот раз Теодору не суждено было вернуться. Два дня дома селения накрывал страшный ветер, холодный, он приносил с собой одну пыль. Дети не выходили на улицу. Ночью лил сильный дождь, размягчивший землю, по которой на следующее утро невозможно было ходить. На какое-то время жизнь здесь словно приостановила свой ход, и все были заняты своими делами лишь дома. Только пастухам пришлось выгнать скот в поле, но твёрдая земля превратилась в грязевую кашу, и коров позднее приходилось отмывать, чтобы не запачкать все стойла.

На третий день земля подсохла, и по ней можно было свободно ходить. Кое-где только оставались лужи, но они вряд ли кого-то беспокоили. Ветер не приносил больше с собой вихри, но, хоть он и поутих, он всё ещё проносился меж домов и закрадывался в щелки окон, обдавая людей холодным потоком. Ближе к обеду воздух чуть согрелся от дневного солнца, которое, наконец, выглянуло из-за туч. И пока его свет разливался на земле, вдали показались фигуры. Охотники возвращались, и на этот раз с добычей. Крупный олень лежал на носилках, скользящих по земле за последней парой коней. Люди вышли из домов, чтобы встретить охотников. И те, кто оказался ближе всего к ним, первыми заметили, что одного не достаёт. Охотники шли мрачнее тучи. Охота вновь не удалась.

Нина расчёсывала недавно высохшие после купания волосы дочери, когда услышала шум за окном. Подойдя к нему, она увидела всадников и готова была уже бежать им навстречу, бежать навстречу Теодору, как заметила, что Теодора там и нет.

– Посиди здесь, милая, я скоро буду, – сказала она Эмили и, обеспокоенная, выбежала из дома. Эмили подбежала к окну, подвинула туда небольшой стульчик и взобралась на него. Она увидела бегущую навстречу лошадам мать, после она увидела, как та закрывает лицо руками, падая на колени и склоняясь к земле. Какой-то всадник, мужчина крупного телосложения с длинными усами, слез с коня и подал ей руку. Они начали о чём-то говорить, и её

мать утирала рукой слёзы. В эти мгновения сердце Эмили билось, как сумасшедшее. Её охватил страх. И ей было не к кому прижаться в данную минуту. Она знала, что случилось что-то плохое, и отчаянно пыталась думать о чём-то другом. Но она не отводила взгляда от окна. И, не выдержав, заплакала.

Не только жизнь без отца, а сама мысль о том, что его больше не будет в жизни Эмили, пугала её до чёртиков, до неприятного скручивания где-то в животе, до мурашек по коже. Ей было так мало лет, и она уже столкнулась с такой трагедией. И это происшествие твёрдо врезалось в её память, пробуждая в мозгу дурные сны ночью и яркие картинки того, как мог заблудиться её отец в лесу, днём, как его могли съесть волки, или как он сейчас бродит по лесу и голодает, не в силах вернуться к семье. Казалось бы, это слишком жестокие представления обо всём этом для ребёнка, но кто бы знал, что ребёнок своим умом ничем не отличается от взрослого, а отличается разве что опытом, но никак не воображением, и если уж Нина не находила себе места, Эмили и подавно. Нина улыбалась ребёнку и успокаивала её, объясняя, что папа просто задерживается, и он обязательно вернётся, но Эмили, как очень наблюдательный ребёнок, видела, что её мать сильно переживает, слышала, как она тихо всхлипывает по ночам и боялась, что однажды они обе потеряют веру.

Эмили перестала играть с детьми. Сначала она выходила к своей прежней компании, но всё казалось ей до ужаса скучным, и как назло в голове произвольно проскальзывали мысли о том, что с папой играть интереснее. Ухудшало ситуацию ещё и то, что не все ребята старались относиться к ней со снисхождением, сопереживая. Многие из них перешёптывались, явно глядя в её сторону, а кто-то и вовсе открыто высказывал все мысли по поводу случившегося, от чего Эмили чувствовала себя неполноценной. Именно так она могла описать это для себя. Как будто от неё оторвали невидимый кусок, и она теперь уродливее всех. И чтобы не чувствовать этого, она выходила только к Грому, чтобы постоять и поговорить с ним. Кто бы что ни говорил, а лошади отличные слушатели. Они никогда не перебьют и будут молча стоять, только изредка перерывая копытами землю. А если вы переживаете, они ещё потрясут ушами в знак поддержки.

Нина видела, как Эмили «затухает». Она видела ребёнка, который ищет утешения в матери, в коне, в соломенной кукле. И Нина переживала, что недостаточно хорошая мать, раз ребёнок отказывается от настоящих человеческих друзей и находит себе компанию в кукле и животном. Но Нина и не знала, что сейчас для Эмили это была лучшая компания. Кукла и животное.

– Эмили, милая, зайди в дом, – попросила она свою дочь как-то достаточно солнечным, но прохладным днём. Эмили вновь разговаривала с Громом, но ей пришлось прервать своё занятие и вернуться к матери.

– Да, мамочка?

– А твоей кукле... Ей не одиноко? – спросила Нина, улыбнувшись. – А то с ней кое-кто очень хочет подружиться.

– Кто? – удивилась Эмили, и её лицо просияло, когда она увидела перед собой ещё одну соломенную куклу, с ленточкой на поясе. Улыбка была вышита на её лице, и Эмили, взяв её из рук матери, положила к другой кукле своего очередного друга.

– Спасибо, – раскачиваясь с носок на пятки, смущённо произнесла девочка, – мам, а можно я тебе секрет расскажу? – она залезла к матери на колени и обняла её за шею.

– Конечно Расскажи. Я буду держать его в тайне.

– Гром мне сказал, что папа вернётся, – прошептала Эмили, и сердце Нины сжалось так сильно, что она чуть не заплакала. Она и сама не давала своему ребёнку терять надежды, но в то же время она испугалась, что Эмили будет жить только этой надеждой, и она не знала, плохо это или хорошо. Как не знала, плохо или хорошо то, что в этой истории замешан ещё

и говорящий конь. Конечно, всё для детей такого возраста может научиться говорить, даже обычный стул. Но о подобных вещах обычно олицетворённые существа не говорят.

– Ну откуда же Грому знать, – постаралась как-то смягчить волнение в собственной груди Нина.

– А помнишь, папа рассказывал про Волшебное королевство? Он обещал мне, что мы туда с ним поедём. Мы с Громом подумали, что он может быть там. Просто заблудился и вышел к феям, а не к нам. Так же может быть?

– Эмили, – Нина провела рукой по волосам дочери, с трудом подбирая слова. – В жизни может быть что угодно. Но я не думаю, что наш папа там. Он бы никогда нас не оставил.

– Он и не оставил, – пожалала плечами девочка. – Он вернётся. Или я сама найду его, когда вырасту.

– Дорогая, мы должны жить здесь, сейчас. И смотреть в будущее, а не в прошлое. Тебя ждёт удивительная жизнь. Ты вырастешь, найдёшь себе доброго и заботливого жениха, у вас появится семья...

– Не хочу жениха! – Эмили сложила руки на груди и надула губы. К её глазам начали подступать слёзы. – Хочу, чтобы папа нашёлся.

– Мы должны быть готовы и к тому, что он больше никогда не вернётся, понимаешь? – как со взрослой, Нина говорила со своей дочерью, видя в глазах последней понимание её слов.

– Он обещал мне, – Эмили продолжала плакать. Она вырвалась из рук матери и убежала к своей кровати. Забравшись на неё, она укрылась одеялом с головой и обняла свою старую куклу.

Позже Нине удалось приласкать ребёнка и вернуть прежнее расположение к себе. Они провели весь день вместе, играя, готовя и рассказывая друг другу какие-нибудь интересные истории, которые с ними случались. Однако теперь голова маленькой девочки была забита взрослыми вещами. Она силилась понять, как это, когда её отец умер и больше не вернётся. Со временем она свыкнется с этой утратой, и, хотя он навсегда останется в её сердце, она будет иногда тосковать по нему, а в её памяти прочно засядут его слова о волшебном мире, где все живут счастливо и не знают боли. Сейчас Эмили отчаянно нуждалась в каком-нибудь «маяке», за который можно будет уцепиться, чтобы не оставаться наедине с одним лишь горем. И этим маяком стала страна, полная надежд и магии. Волшебное королевство, куда она однажды обязательно попадёт. Как и обещал её папа.

Все эти дни охотники возвращались в лес, чтобы найти своего товарища. И каждый день из леса возвращались ни с чем. У каждого из них по очереди начинала гаснуть надежда, и с каждым днём, один за другим, они хотели скорее остаться дома, в тепле, уюте, пусть и с тяжёлым сердцем, но со своей семьёй. И тем не менее, поиски продолжались. Руководство на себя взял верный друг Теодора, поэтому ещё месяц они без устали повторяли одно и то же, заходя в лес то в одном месте, то в другом, пытаясь пройти всё дальше и дальше, но за целый месяц они не нашли и следа. А лес тянулся бесконечностью на далёкие мили. Как бы далеко они не зашли, им не удавалось увидеть и края.

Александр, являясь ещё одним близким другом отца Эмили, главой данного баронства Капитайбура, а также отцом Маркуса, по итогу до последнего не распускал охотничий отряд, отправляя их снова и снова на поиски в лес. Он также неоднократно приходил к Нине, чтобы поддержать её в столь непростые времена. И вместе с собой вскоре начал приводить своего сына, чтобы Эмили не было одиноко. Так, постепенно мысль об утрате приедалась, и боль начинала утихать.

– Мама, почему мне нельзя на Грома? Я бы нашла папу, честно, – стоя на табуретке, пододвинутой к окну, Эмили вздохнула и опустила голову на руки.

– Гром слишком большой конь для тебя. Ездить на нём будет не так уж и легко, – Нина погладила дочь по волосам.

– Ну тогда я могу пойти пешком, – Эмили повернулась к матери и посмотрела ей в глаза.

– О дорогая, – Нина подхватила свою дочь на руки и, сев на табуретку, посадила Эмили к себе на колени, – я боюсь, ты не сможешь его найти. Бескрайний лес очень длинный, и раз уж охотники не справляются, то такая малютка, как ты... – она ненадолго замолчала, не зная, как лучше подобрать слова.

– Папа что, правда не вернётся? – опустив взгляд себе на руки, тихо спросила девочка.

– Боюсь, что нет, милая, – слёзы навернулись на глазах у обеих. И обе они замолчали, крепко прижимаясь друг к другу и чувствуя себя единственными людьми в целом свете. Теперь они вдвоём. Теодора нет, но они есть друг у друга. И они найдут способ жить дальше, не теряя света внутри себя.

Глава 3. Ярмарка

Эмили росла и развивалась довольно быстро. Её светлые рыжеватые волосы к восемнадцати годам уже достигали поясницы, и ей приходилось постоянно обрезать их короче. И поскольку она сама себе была цирюльником, не учась прежде нигде этому ремеслу, выходило у неё кривовато, одна сторона всегда оказывалась немного выше другой. Но она не обращала на это никакого внимания. На лицо Эмили также преобразилась. Круглое детское личико чуть вытянулось и стало лицом настоящей девушки. Эмили не была первой красавицей в Капитайбуре, и уж тем более во всём королевстве. Но она определённо была миловидной внешности, и даже её чуть больше нужного оттопыренные ушки не портили внешнего вида, а только добавляли ему необычности в хорошем смысле этого слова. Единственное, пожалуй, что не изменилось в ней с тех пор, как она была ребёнком, это её ясные глаза и внимательный любопытный взгляд.

За время своего взросления она научилась всему, что умела её мать: полоть землю и сажать растения, готовить – хотя она сама себе признавалась, что у неё ни разу ещё не вышло такого же вкусного пирога, которые запросто готовила её мать, – следить за домом и ухаживать за скотом. Можно сказать, кое в чём она преуспела даже больше Нины. Она научилась езде верхом. Сначала, путём проб и ошибок, а также падений, она пыталась овладеть этим навыком самостоятельно. Однако позже всё-таки прибегла к помощи своего друга детства – Маркуса, который был превосходным наездником. Таким образом, Гром снова ощутил себя настоящим конём, вспомнив, каково это – рассекать по земным просторам, следуя за своим человеком. И пускай на охоту он уже не выедет, да и он был слишком стар для долгих скачек, ему было достаточно того, что он не простаивал свою старость в одном только стойле, изредка разминая ноги, будучи запряжённым в плуг.

Эмили же, обучившись езде верхом, в первый раз, когда они проносились галопом мимо многочисленных домов, почувствовала себя свободной. Она могла дышать полной грудью и, когда от ветра приходилось прикрывать глаза, чувствовала, что летит. Но со временем ей перестало хватать знакомых протоптанных дорожек и такой же знакомой местности. Ей хотелось большего. И это большее она видела в огромных могучих деревьях, прорастающих неподалёку от Капитайбура. Жители называли этот лес Бескрайним, поскольку ещё никому из них не удавалось его пересечь и увидеть, что там – за ним. Точнее, может кому-то из давно пропавших без вести и удалось, и они не вернулись потому, что уехали достаточно далеко и, может, не нашли дороги назад. Но о них было некому рассказать, поэтому в лес особо никто не совался. Чаще в него въезжали охотники, опытные следопыты, обученные своими предками бродить по этим чащам и не заблудиться. Однако и они далеко не уходили. В этих краях охотники считались поистине героями. Для многих жителей их работа казалась настоящим подвигом, который, более того, кормил весь город. Одним из таких героев был когда-то и отец Эмили. Конечно, ей хотелось быть на него похожей: бесстрашной, сильной, умеющей управляться конём и оружием. Но об оружии и речи идти не могло. Она знала, какой будет реакция её мамы, если она вдруг возьмёт в руки что-то опасное, кроме ножа, которым она могла ловко управляться на кухне.

– Я дома! – оповестила Нину Эмили, вернувшись как-то с очередной прогулки верхом на Громе. Конь, уже сытый и распряжённый, отдыхал в стойле.

– Иди помоги мне накрыть на стол, – отозвалась Нина.

Дом наполнился прекраснейшим ароматом домашней еды прямо из печи. От блюд шёл пар, согревающий своим теплом, а когда становилось даже жарковато, стоило сделать пару глотков свежего прохладного напитка, как вновь можно было налегать на горячий суп.

– Мама, – прервавшись, сказала Эмили, – ты же помнишь, что завтра ярмарка?

– Конечно помню, – кивнула Нина.

– Могу я поехать с Лизой и Маркусом? – Эмили изобразила невинную улыбку на своём лице.

– В этом году я уж и не думала ехать. Поезжай.

Каждое лето ярмарка, о которой они говорили, проводилась между Фенсбуром и Мэйн Тауном. Туда съезжались со всего королевства, чтобы что-то купить или что-то продать. Но это был не какой-нибудь обычный рынок, это было масштабное мероприятие, которое любили все жители королевства. И хотя оно длилось целых десять дней, ни в один из них народу не уменьшалось. Толпы стекались ото всюду, музыка лилась рекой, танцы шутов зажигали народ, и все вокруг веселились.

Эмили обрадовалась, услышав ответ матери. Она думала, что мама не отпустит её, а настоит на том, чтобы поехать вместе, ведь прежде они всегда так и делали. Запрягали Грома в телегу, затем садились в неё: кто-то оставался с продуктами, которые они собирались продать на ярмарке, сидя сбоку, а кто-то из них сидел с краю, держась за поводья. Но в последние пару лет конь слишком уставал от столь долгого пути, сопряжённого с физической нагрузкой, поэтому Эмили решила уговорить маму поехать самостоятельно. И Нина сочла бы это решение ненадёжным, небезопасным, и даже при всём упрямстве своей дочери вряд ли разрешила бы ей поехать одной, но, узнав, что с ней отправится Маркус, в котором она видела надёжного мужчину, поэтому могла «доверить» ему свою дочь, естественно согласилась. Кроме того, им нужно было купить продукты, а также получить выручку за продажу того, что им удалось собрать с огорода. Помимо нескольких видов овощей, у них росла интересная и очень ароматная трава, являвшаяся отличной приправой для блюд и ценившаяся во всём королевстве. Называлась она Перонией. Так они и зарабатывали себе на жизнь. Казалось бы, как может зависеть благосостояние семьи от какого-то растения, но, как выяснилось, может. Не всегда удавалось продать достаточно, да и продавалась приправа по не слишком высокой цене (за высокую цену её никто и не купил бы), поэтому иногда нехватка денег ощущалась сильнее обычного. Но продавался данный продукт не только на королевской ярмарке, так бы Нина и Эмили давно умерли с голоду, но ещё и на местных рынках, устраиваемых в Капитайбуре. Также приправу обменивали на продукты у других жителей, например, на кусочек мяса или тыкву. Вообще, обмен ценился не только в Капитайбуре, но и в прочих герцогствах, кроме Графбура, где отдавали предпочтение исключительно товарно-денежным отношениям.

– Я взяла всё необходимое, мам, – уже на следующий день, перед отъездом, отвечала Эмили с милой улыбкой на лице, пытаясь поскорее выбраться из дома и крепких объятий матери, – ну всё, я пошла, отпускай.

– Так, точно ничего не забыла? Пучки перонии, деньги, – перечисляла Нина, – а что купить надо, помнишь? Мясо...

– Помню, я всё помню, – Эмили быстрым шагом направилась к входной двери.

– Держись поближе к Маркусу! – крикнула ей вслед Нина. – Он всегда о тебе так заботится, – на вздохе произнесла она уже как бы самой себе, но Эмили всё равно её слышала.

– Друзьям принято заботиться друг о друге, – со смехом Эмили скрылась за дверью.

Вообще, у Эмили было не так уж много друзей. А близких всего двое. Это были, собственно говоря, Маркус и Лиза, с которыми она играла, ещё будучи маленькой. С возрастом, разумеется, все трое выросли и преобразились. Маркус из мальчишки с постоянно выпачканным лицом, глуповатой улыбкой и синяками от вечных драк, в которые он вступал с соседними детьми, вымахал в настоящего мужчину с копной светлых густых волос, широкими плечами и крепкими руками, но всё с той же порой глуповато-добродушной улыбкой. По натуре своей Маркус был весельчаком, он всегда находился в чьей-нибудь компании, притом занимал в ней весьма активную позицию. «Прирождённый лидер» – так с трепетом отзывался о нём отец, когда сын был ещё маленьким и не слышал его. Таким он, в действительности, и вырос,

научившись находить общий язык практически со всеми. Однако нельзя было сказать, что он никогда не вступал в конфликты. Иногда он, несмотря на всё, был инициатором, но чаще всего ему всё же приходилось мирить кого-нибудь. А вот в драках он был всегда чуть ли не самым первым. Он вовсе не был задиристым, но если кто-то его провоцировал, или кого-то обижали, он пускался в бой. К его счастью, он давно закрепил за собой репутацию того, кто всегда выходит победителем из конфликтов, поэтому всё чаще ему было достаточно простых слов, чтобы его услышали и поняли. В остальном, с близкими он в любое время был спокоен и приветлив, с чужими – насторожен, и только когда он видел в ком-то угрозу, мог самоотверженно собою заслонять других. В детстве он за это достаточно нахватал тумачков, и с тех пор кое-что в этом да понял. Многолетняя практика, так сказать.

Лиза же в большей степени изменилась внешне. Когда-то она была неказистой девчонкой с щелью между зубов и вечно грязными растрёпанными волосами, но сейчас, вместо неё, с Эмили дружила высокая, с внимательным хитрым взглядом карих глаз девушка, чьи тонкие черты лица вытягивали свисающие локоны чёрных, как вороное крыло, волос. Лиза действительно была красива, и Эмили порой чувствовала себя неуютно рядом с ней, но вовремя отбрасывала эти мысли, говоря себе, что это не соревнование по красоте, главное – их дружба. Что касается её подруги, то она всегда привыкла получать всё, чего хотела. Она была избалованной, но целеустремлённой, вспыльчивой, но отходчивой. Но несмотря на её, порой, вредный характер, она была дорога в равной степени Эмили и Маркусу, поскольку за долгие годы дружбы они сумели научиться принимать отрицательные черты друг друга, что, пожалуй, является ключом к крепкой дружбе.

Таким образом, завсегдатая тройка вновь воссоединилась, решив поехать на ярмарку вместе и провести на ней целый день.

Когда они встретились, в одной руке у Эмили был здоровенный, но полупустой мешок из грубой ткани. В нём была перония и немного овощей, а позже в него должны были поместиться все необходимые домой продукты. Помимо этого, Эмили взяла маленький мешочек, когда-то сделанный её матерью, с голубой ленточкой-завязкой. В нём всегда хранилась любимая и единственная её записная книжка, которая была, в общем-то, вовсе на книжку не похожа. Скорее, это были листы, плотно прошитые друг с другом. Рядом с записной книжкой покоилась баночка, изрисованная узорами, с мутными густоватыми чернилами и толстой крышкой, плотно закрывавшей содержимое.

Другой же рукой Эмили держала за поводья Грома, ведя его за собой. Маркус и Лиза уже ждали их у въезда в Капитайбур на кривой дорожке с кое-где видневшимися выбоинами.

Так как отец Маркуса занимал не последнюю должность в герцогстве, они были достаточно богаты для того, чтобы в стойле содержать трёх кобылиц и двух коней. И поскольку лошадей у них было достаточно, Маркус «одолжил» на время поездки светлую кобылку с коричневыми пятнами по бокам, на ушах и носу Лизе, у которой на тот момент не было животных, кроме кур и пары свиней.

Конь Маркуса был ещё совсем молод, как и лошадь, на которой сидела Лиза, и на их фоне Гром казался Эмили непривычно старым. Или, лучше сказать, просто опытным. Ей не хотелось думать, что его время подходит к концу, ведь он ещё мог ходить и бегать. Бегать, к несчастью, недолго, но мог.

– Твой конь развалится по дороге, – произнесла Лиза своим слегка грубым голосом.

– Ничего он не развалится, он ещё всем вам покажет, – ответила ей Эмили и закусила губу. Ей действительно уже не казалось хорошей идеей ехать на старом Громе. Она волновалась за него.

– Нужно было попросить, я бы дал тебе коня, – направив свою лошадь к лошади Эмили, Маркус оказался справа от неё. Лиза ехала с другого бока, и теперь Эмили оказывалась в середине.

– Гром всегда бывает на ярмарках, как же в этот раз без него, верно, мальчик? – похлопав Грома по шее, сказала она с улыбкой. Маркус весело пожал плечами.

Дорога до ярмарки и вправду оказалась длинной. Им необходимо было доехать до Фенсбура, сделать там остановку, а после двинуться дальше, правда там уже было рукой подать до ярмарки, которую организовали неподалёку, там, где сходятся дороги, по которым часто проезжают торговцы, богатые семьи в каретах, а также обычный люд, переезжающий из одного герцогства в другое.

Привал можно было и не делать, а дотерпеть до конца пути, но Грому нужно было время, чтобы передохнуть, да и так или иначе им всем стоило подкрепиться. На голодный желудок на таком масштабном празднестве делать нечего.

Лиза не восприняла эту идею хорошей, добавив, что так они не доедут и к концу ярмарки, что было заметным преувеличением. Но Маркус поддержал Эмили, а потому решение оказалось очевидным.

Они примостились под старыми деревьями, росшими возле дороги. Эмили села поодаль от Маркуса и Лизы и достала из маленького мешочка свою записную книжку, баночку с чернилами и что-то, похожее на кусок тонкой палки с заострённым концом. Так, она принялась вычерчивать непонятные символы на пергаменте.

– Фто ты делаешь? – уплетая сыр и птичье мясо, с набитым ртом спросил Маркус.

– Пишу, – тихо ответила Эмили, сосредоточенно глядя в записную книжку.

– Ты умеешь писать?

– Отец давно научил, я ещё ребёнком была. Пишу с трудом, но что-то выходит, – она улыбнулась.

– И что же ты «пишешь»? – сделав акцент на последнем слове, поинтересовалась Лиза с недоумением. Она смотрела на отчуждённость подруги как-то недоверчиво, как будто ей казалось это крайне странным занятием. Она не умела писать, но и не считала, что ей это нужно в жизни.

– Не знаю, – оторвавшись от своего дела, Эмили подняла глаза на своих друзей и пожала плечами, – но у папы была книга. В ней я видела записи. Каждая строка равнялась одному или половине предложения, но что самое интересное – строки оканчивались словами, которые... как бы, были созвучны друг с другом. Мама говорила, в столице это зовут стихами. Мне хотелось бы найти на ярмарке ещё одну книжку с ними, – мечтательно протянула она.

– И ты тоже пишешь эти самые стихи? – удивлённо спросил Маркус.

– Пытаюсь. Вот, посмотрите, как вам... Вот это.

Листок упал с вершины клёна,

Кружась, спустился вихрем вниз.

И осень в платье золочённом

Пришла к нам...

Эмили не закончила, задумавшись. Она почесала голову.

– В общем, я ещё не закончила, но там будет – как это называют? – рифма к слову «вниз». Как думаете, что можно подобрать? – она посмотрела на ошарашенных друзей. Невообразимо, они дружат столько лет и только сейчас узнают об этом увлечении своей подруги.

– Понятия не имею, – медленно тянула Лиза, приходя в себя и дожёвывая свою еду, – теперь ты вроде как стала одной из тех чудиков в Келии? Осторожнее, а то будешь с ними в лохмотьях ходить да воздухом питаться.

– Ладно, потом придумаю, – Эмили не обратила внимания на колкие слова Лизы. От неё часто можно было услышать что-то подобное, не очень приятное, в свой адрес, но к этому, кажется, уже все привыкли. Кроме того, Эмили понимала, что стихотворения и подобные занятия, не приносящие деньги, практически не распространены нигде, кроме Литбура и самого Мэйн Тауна. Даже в Графсбуре они не ценятся. Там больше всего ценятся деньги и дорогие

вещи. Но, честно говоря, Эмили, если бы у неё была такая возможность, обязательно бы это исправила. Распространила бы книги, научилась бы лучше писать, сочинять стихи и, может, даже стала бы преподавать их детям, уча их писать, как учил её когда-то отец. Но всё то были мечты. В жизни приходилось сталкиваться с реальностью и вместо славы находить себе пристанище среди таких же «чудиков».

Чтобы не нагонять на себя мрачные мысли, Эмили достала яблоко, которое она взяла с собой на случай, если проголодается, и принялась его есть.

– Яблоко? Ты взяла что-то ещё? – спросил Маркус.

– Нет, я думаю, на ярмарке будет еда, – с улыбкой ответила Эмили. На самом деле, Нина говорила ей взять больше еды. Но для девушки она стала бы лишним грузом, а к чему тащить столько всего туда, откуда ты и так целый мешок поволочёшь?

Маркус растерянно смотрел на свою подругу, а затем, взяв оставшийся сыр, протянул ей.

– Ты не доедешь на одном яблоке, мы будем в пути ещё минимум день, если не больше, с такими-то остановками. Бери и ешь.

Эмили не смогла отказаться. Ей не хотелось лишать Маркуса еды, но она знала, что он может обидеться, если она не возьмёт сыр.

– Эмили, не объедай Маркуса. Надо было брать больше, – Лиза вставила и своё слово, но Маркус лишь добродушно отмахнулся от этого изречения, а Эмили вновь не обратила внимания.

Подкрепившись, они вновь забрались на своих лошадей и поехали дальше.

Эмили нравилось это маленькое путешествие, даже несмотря на то, что всю дорогу она знала наизусть. За многие годы она не меняла пути, не ездила по другим дорогам и знала только этот маршрут. Но её это и не заботило, ей нравилось проводить время с друзьями, и это, пожалуй, было для неё важнее.

Но чем ближе они становились к ярмарке, чем звонче смеялась Эмили с чьих-то шуток, чем ярче она рассказывала свои, тем мрачнее становилась Лиза. Чаще она смотрела на гриву своей лошади или отвлечённо куда-то в сторону, а когда к ней обращались её друзья, демонстративно улыбалась или кивала и переключала внимание на дорогу. Эмили сразу же заметила плохое настроение Лизы и, незаметно для Маркуса, отъехала чуть в сторону подруги, потеснив её, чтобы и она подвинулась на лошади.

– Ты чего такая хмурая? – шепнула ей Эмили.

– И вовсе я не хмурая, – ответила Лиза, – не стоит обращать на меня внимание, просто не по себе, – хоть она и сказала не обращать на неё внимание, но на самом деле она только и хотела, что на себя его обратить. Как говорилось ранее, она была избалованной, и это значило также то, что она любила внимание со стороны. И когда она начинала чувствовать, что что-то идёт не по её плану, тут же становилась мрачнее.

– Я же вижу, что-то не так. Тебя что-то беспокоит? – вновь поинтересовалась Эмили.

– Эй, о чём вы там? – Маркус заметил, что они отделились от него. – Про меня шепчетесь, что ли?

– Да нужен ты нам! – ответила Эмили и рассмеялась.

– Вот как, значит? – он сумел дотянуться до Эмили и легонько пихнул её в бок. Вновь пошла дружеская колкость за колкостью, и вновь смех разнёсся по воздуху.

– Закат скоро, – чуть повысив голос, чтобы её точно услышали, сказала Лиза, – ночью тоже поедem?

– А что плохого в ночи? – Эмили воодушевилась. Ей нравилось иногда сидеть у окна в ночное время суток дома и смотреть на звёзды. Они представлялись ей широким одеялом с жёлтыми и белыми бусами, переливающимися и перезванивающимися друг с другом. Ночь – это время тайн. Это то время, когда раскрываются людские души, становясь маленькими ясными звёздочками на бескрайнем полотне огромного мира.

– Ночью мы ничего не увидим, – пояснил Маркус, – но нам негде остановиться. Придётся либо ехать на ощупь, либо спать на траве, каждый час вступая в караул.

– Предлагаю ехать на ощупь! – Эмили была в восторге от этой идеи. Она понимала, что это небезопасно, но чем безопаснее спать на траве? А так хоть можно почувствовать вкус приключений, в которые она всегда готова была нырять с головой, не зажимая носа.

– Предлагаю остановиться, – Лиза же была человеком-осторожностью. Она не любила рисковать собой или чем-то, что принадлежало ей, и старалась быть рассудительной во всех подобных ситуациях. В этом было ещё одно различие между ней и Эмили. Эмили была наивной, она смеялась со всего и не видела опасности, принимая её лишь за миг неудачи, после которого обязательно случится что-то хорошее. Лиза была, бесспорно, умна и старалась сначала думать, а потом делать. Нельзя сказать, что кто-то из них поступал правильно, а кто-то – нет, в каждой тактике или её отсутствии можно было найти свои плюсы и минусы. Однако если бы черты Эмили и черты Лизы объединились, получилась бы самая настоящая золотая середина. Наверное, поэтому они и дружили. Вместе они были гораздо большим, чем порознь.

– Тут я согласен с Лизой. Если мой конь споткнётся, он ещё сможет встать, но если упадёт Гром, то уже не поднимется, – осторожно напомнил Маркус, стараясь не обидеть Эмили. Но она и не думала обижаться. Она согласилась с друзьями, и они остались ночевать. Костёр разводили было не с чего, поэтому оставалось лишь каждому из них, поочерёдно, прислушиваться к зловещей и одновременно манящей ночной тишине.

Весь остальной путь прошёл для них спокойно. На ярмарку они приехали на следующий день, когда стрелка часов уже перевалила за полдень, но ещё не достигла явной отметки вечернего времени. Хотя даже вечером ярмарка не умолкала. До глубокой ночи люди веселились и развлекались, и лишь потом шум утихал на несколько часов, с утра вновь разносясь по прилавкам.

Перед Эмили, Лизой и Маркусом возвысилась широкая арка, увешанная праздничными украшениями. Эмили расплылась в улыбке и затаила дыхание. За аркой слышались песни, весёлые крики торговцев, задорный смех, было видно мелькающие разноцветные платья, и всё вокруг становилось каким-то чудом, окутывало дымкой удовольствия, которому поддавался, казалось бы, любой вошедший на ярмарку.

Вслед за песнями и криками до них донеслись разнообразные запахи, один ароматнее другого. То пахло свежими пышными булочками, караваями, пирогами с капустой или тыквой, то льняным маслом, то даже соленьями. Запахи кружили в воздухе и смешивались в одну непонятную кашу, которая, несмотря на свою причудливость, была так же маняща, как всё остальное. Правда, чем дальше проходили ребята, тем больше караваи и пироги сменялись сырым мясом.

Здесь было столько народу, сколько Эмили не видела до ярмарки в течение всего года! Толпы людей сновали то к одному прилавку, то к другому, сыпались деньги. Даже те, у кого обычно их не было, старались копить, откладывая всё, что можно было, специально для сегодняшнего праздника.

– Мне нужно не очень много купить, – заговорила Лиза, – только ягоды и мясо. Так что я быстро управлюсь.

– Я тоже не задержусь, – поддержал её Маркус, – ты как, Эм?

– Я тут до глубокой ночи, наверное, буду, – с улыбкой ответила Эмили, пожимая плечами, – мне ещё место за прилавком найти нужно. Но вы можете не ждать меня.

«Как скажешь», хотела ответить ей Лиза, но Маркус первый начал говорить.

– Мы подождём, – он не хотел оставлять подругу одну до глубокой ночи. Мало ли, кто здесь останется вместе с ней, да и как она одна доберётся домой? – Давай я помогу тебе найти место, – он повернулся к Лизе, – ты можешь идти пока, если хочешь.

Лиза цокнула языком и, закатив глаза, удалилась вправо от входа на ярмарку. Лошадей они оставили, как и многие, на лужайке неподалёку. Точнее, конь Маркуса остался на привязи рядом с входом на ярмарку, а Грома и лошадь Лизы отпустили пастись, поскольку что у первого, что у второй были спокойные нравы, и они бы точно никуда не убежали.

– Спасибо. Конечно я бы и сама справилась, но всё равно... спасибо.

– Да ладно тебе, – Маркус положил руку ей на плечо, – пойдём, я вижу, где можно втиснуться.

Сначала Эмили планировала купить все необходимые продукты, пока их не разобрали, а потом уже становиться за прилавков, но она явно не учла тот факт, что все места будут заняты, и везде будет давка и толкотня. Вокруг неё были что женщины, что мужчины, все крупнее её в телосложении, и только Маркус был её щитом от чьих-то здоровенных размашистых рук.

– Я здесь не пройду, – обратилась Эмили к Маркусу, когда тот хотел провести её к заветному просвету между широкими телесами.

Маркус на секунду остановился. Оглядев толпу, он принял другое решение, начав кричать «двигайтесь, дальше, двигайтесь!» и активно махать руками вперёд. Скоро с самого краю для Эмили освободилось место.

– Спасибо тебе, – прижав руки к груди, произнесла она, восторженно глядя на его маленькую победу.

– Да ничего. Я пока пойду, мне нужно по ярмарке пройтись. Встретимся позднее у арки, – он махнул Эмили рукой, удаляясь в сторону, и затем его поглотила толпа.

Эмили же вытащила свой скромный товар на кусочек прилавка и стала ждать. Она не умела зазывать покупателей, но знала, что иногда это очень действенный метод. Когда тебя не видят, единственный способ привлечь к себе людей – это крикнуть им. Тогда она взяла всю свою волю в кулак и, по примеру рядом стоящих продавцов, надорвавших уже своё горло, начала оповещать других о том, что на рынке появилась душистая трава, чьего аромата и вкуса больше не сыскать во всём королевстве. Конечно, наверняка она не знала, выращивали ли где-то ещё перонию, но так, ей казалось, звучало красивее.

Потихоньку к ней начали подходить люди. За весь вечер она смогла заработать небольшую сумму денег, и к тем, которые она взяла с собой, добавились ещё и они.

Маркус в это время, купив всё необходимое, посвятил себя развлекательной части ярмарки. В его стороне проводился спектакль, устроенный добровольцами-актёрами на потеху публики. Всего импровизаторов было трое, плюс к ним добавлялся музыкант, стоящий чуть поодаль. Вокруг всех четверых собрался народ, и Маркусу удалось пробиться ближе к первым рядам этого кривого круга. Вскоре к нему присоединилась Лиза, случайно увидевшая его в толпе. Признаться, ей нравилась музыка. Она не умела ни на чём играть и никогда не стремилась к этому, поскольку в её семье заниматься этим было, как говорил её отец, «неуместно». Он хотел, чтобы его дочь выросла настоящей женщиной, красивой, умной и хозяйственной. Он видел в ней потенциал, но считал, что его нужно направлять в другое русло, например, в семью или вышивку, которую Лиза жутко ненавидела в детстве, но с которой с возрастом примирилась. В их доме на одной из стен самой большой комнаты висело красивое полотно, вышитое её матерью на её седьмой день рождения. Точнее, её мачехой. Мать Лизы давно уже умерла, оставив в памяти своей дочери лишь свои призрачные следы.

– Хорошо играют, а? – смеясь, спросил у Лизы Маркус, толкнув её локтем.

– Да, неплохо, – хлопая в ладоши, вторя толпе, отвечала Лиза, сдержанно улыбаясь.

– Расслабься, нам тут ещё долго развлекаться! – думая, что его не слышно за прочим шумом, Маркус повышал голос.

– Да мне всё нравится, тут... здорово!

Вместе они провели время до глубокой ночи. Привязав мешки, набитые продуктами, к лошадям, они пустились в пляс под незамысловатую песню музыканта, они смеялись и весе-

лились. Мысленно они будто оторвались от всего земного, от родного Капитайбура и всех его хлопот, сейчас вокруг них мелькали лишь тени, не играющие никакой роли в их забавах. Была только музыка, то утихающая, то набирающая обороты и разившая всех, словно гром, и их неумелый, но искренний танец двух людей. В перерывах от танцев, когда сил оставалось совсем чуть-чуть, а жажда ужасно мучила, они останавливались, чтобы попить воды.

– До чего же хороша музыка, – в один из таких перерывов признавала Лиза.

– Тебе нравится музыка? Никогда не видел, чтобы ты так танцевала, – восстанавливая дыхание, отвечал ей Маркус.

– Неправда. Один раз видел. Нам было лет, может, одиннадцать. Я помню, как у нас устраивали праздник. Правда, я не помню, в честь чего он был, вроде как это был праздник урожая, – Лиза тронула себя за ухо, задумавшись, – не важно. Но там играла музыка. Хуже, чем здесь, но терпимо. Ты ещё тогда сказал, что я не умею танцевать, и ве-е-есь вечер учил меня, как делать это правильно, – впервые, кажется, за вечер Лиза рассмеялась.

– Что? Я?! – удивился Маркус. – Не помню такого, – он смущённо почесал затылок.

– А я вот помню!

– Ну тогда понятно, почему сейчас ты так хорошо танцуешь, – он усмехнулся, а Лизу пробрало на смех. И если бы не сгустившиеся сумерки, можно было бы заметить выступивший девичий румянец на её щеках.

Глава 4. Сэнрик

Продав всё, что смогла, Эмили вышла из-за прилавка и с чистой совестью отправилась беззаботно гулять по ярмарке, решив заодно купить продукты, которые были нужны. Она планировала также найти Маркуса и Лизу, чтобы присоединиться к ним, но в огромной толпе они надёжно затерялись. Ко всему прочему проблем придавало отсутствие солнечного света, угасшего недавно где-то за горизонтом. Прохлада обдувала руки и голову Эмили, перебирала её волосы и заставляла иногда ёжиться, так как накидки с собой девушка не прихватила. Она была в одном лишь зеленоватом платье с криво пошитым поясом, обхватывающим девичью талию, да в поношенных ботинках.

Эмили двинулась вперёд, куда её глаза глядели. Она была поражена тем фактом, что народ ещё и не думал расходиться. Точнее, может и ушли несколько человек, но на первый взгляд людей не убавилось вовсе, хотя время клонило к ночи. По-прежнему раздавались музыка, хохот и крики. Танцоры сохраняли свои позиции, и хотя пылу у них поубавилось, они так же старательно отплясывали свои партии, в перерывах между крутыми движениями вставая на руки или выполняя какие-нибудь ещё трюки. Когда Эмили увидела, как какой-то паренёк ходил на руках вперёд-назад, так просто, как она шла на ногах, она ахнула и в восторге прижала руки к груди. Ей казалось всё это чем-то волшебным, и от того всё меньше хотелось возвращаться домой, где день за днём картина окружающего мира не менялась. Люди выполняли свои роли, каждый день мелькали одни и те же лица, а тут... Тут настоящее буйство красок, здесь столько людей со всего королевства! И все разные, на кого ни погляди. Завораживали и вонзившиеся в землю столбы, на концах которых висели яркие огоньки, что делало ночь менее мрачной и давало возможность людям разглядеть друг друга. Признаться, с каждым годом ярмарка становится всё интереснее и желаннее. И, наверное, не только для Эмили.

– Мясо, свежее мясо! – оглушил её чей-то крик, доносящийся со стороны. Он вырвал её из раздумий, и она вздрогнула. Но тут же молния пронзила её память. Ей нужно купить мясо!

Она подошла к прилавку, за которым разглядела пожилого мужчину. В нос ей тут же ударил запах каких-то настоек, которыми обливали туши, чтобы они не портились, и запах самой животной плоти.

Честно говоря, мясо прежде выбирала мать Эмили, и это был первый раз, когда последней пришлось делать это самой. Она не знала, по каким критериям выбирать, поэтому решила положиться на мнение торговца, наивно доверяя его доброжелательным, пусть и громким, зазываниям. В этом седом лысоватом дедушке она не увидела прохвоста, да и разве могут пожилые обманывать? Они все казались Эмили приятными милыми старичками и старушками, которые всегда наставляют детишек и поучают взрослых, при этом заботясь и о тех, и о других.

– Вы мне не поможете, – поправив мешок на плече, попросила Эмили торговца, – выбрать мясо?

– Конечно, душенька! – мужчина подскочил со своего шаткого стульчика и, оказавшись чуть выше, подошёл ближе, показывая руками на лежащие на прилавке куски, – свинина, тут олень, а тут зайчики. Какое тебе по душе?

– Ого, какой выбор. Где же вы всё это взяли? Неужто охотитесь? – с добродушным смешком спросила она.

– Уж есть ещё сила в старых ногах! – торговец сипло рассмеялся, покашливая. Вообще-то, смех его звучал довольно жутко. – Да сын-охотник привозит. Как привёз, так я сразу сюда – продавать, – признался он.

– Хороший сын у вас, – задумчиво протянула Эмили, разглядывая мясо. – Оленину, пожалуй.

– Чтоб отравиться на следующий день? – раздалось где-то позади.

Она обернулась и посмотрела на говорящего, вопросительно вскинув бровь. Это был юноша с копной кудрявых тёмных волос, едва заметными в темноте, но, скорее всего, яркими на солнце веснушками и глазами зелёного цвета. Он стоял, сложив руки на груди, в помятой рубашке, кое-где с вьёвшимися пятнами грязи, поверх которой висел тёмный жилет. Взглянув на незнакомца, Эмили особое внимание обратила на висящий в ножнах на поясе кинжал, который был непонятно зачем нужен этому парню здесь. Может, он охотник? Или один из торговцев, и кинжал ему необходим, чтобы разрезать продукты. Хотя обычно это делают с помощью ножа, но кто мог знать.

– Прости? – Эмили изогнула одну бровь, непонимающе глядя на него.

– У этого старьевщика всё мясо тухлое, ты что, слепая? То, что он его «духами» набрызгал, не значит, что оно не двухнедельной давности.

– Пошёл вон отсюда! Лжец! – торговец начал размахивать руками и кричать, но его крик тонул среди многих других. И хотя Эмили было его немного жаль, она, всё же, решила не брать у него мясо. Конечно, и этому незнакомцу вряд ли можно было доверять в таком выборе, но она решила перестраховаться и взять то, что ей нужно, где-нибудь ещё. Сказав дедушке о том, что она вспомнила, что ей мясо совсем не нужно, она улыбнулась и пошла прочь от этого прилавка. Старик что-то ещё кричал ей вдогонку.

Эмили пошла дальше, думая, что оставила их обоих позади. Но тут она заметила идущего рядом юношу, которому, судя по его выражению лица, всё было нипочём, и эта ситуация, в которой он преследовал незнакомую девушку, казалась ему совершенно нормальной, что пугало ещё больше.

– Зачем ты идёшь за мной? – Эмили резко остановилась. Незнакомец удивился, но тоже затормозил и встал напротив неё. Он поднял руку и непринуждённо выковырнул ногтем что-то из зубов.

«Джентльмен», – пронеслось в голове у Эмили, и она слегка скривилась.

– Ну тебе же нужно было мясо? Я веду тебя к нему, – ответил, наконец, юноша.

– Я и сама справлюсь, это не твоя забота.

– Ну будет моя, – он пожал плечами, а Эмили с каждой секундой всё больше поражалась его поведению, – мы с дядей продаём мясо неподалёку. Он сам охотится, и за наш товар я ручаюсь.

Эмили тяжело вздохнула. Она поняла, в чём дело.

– И ты всех покупателей так отбиваешь у других, чтобы к себе переманить? – скептически спросила она. – Отлично, ещё один мошенник.

– Да стой! Какой я мошенник, ты с ума сошла? – заметив, что она собирается уйти, незнакомец перегородил ей путь рукой, а Эмили просто выпала в осадок от его хамства. Она, конечно, не была леди из высших кругов, но при каком бы то ни было положении не позволит с собой так себя вести! – Зуб даю, мясо свежее!

Да, это, безусловно, звучало куда убедительнее.

– Слушай, я не хочу проблем в виде приставучего незнакомца, я просто пойду, наверное.

– Больше предлагать не буду. Отвожу тебя к дяде, ты берёшь у него мясо, и, если оно окажется плохим, мы вернём тебе деньги, либо мы сейчас же расходимся, и ты натыкаешься на ещё одного старика с тухлыми тушами. А таких здесь полно!

– Тухлых туш? – не поняла Эмили.

– Тьфу ты, стариков, которые обманывают других! – пояснил парень.

Эмили дала себе немного времени на раздумья. Несмотря на то, что этот парень выглядел очень странным и вёл себя крайне развязно с ней, он казался убедительным. С виду он был... простым, что ли. И это определённо подкупало. К тому же, он был прав. Эмили могла наткнуться на тухлый товар запросто, она же не разбирается в этом. Конечно, и у его дяди

могло быть мясо не лучше. Но Эмили решилась. Ей казалось, что если она пойдёт за парнем и увидит его дядю, то по тому поймёт, хороший человек он или нет, и стоит ли у него что-то покупать. В вопросах, в которых она не могла сделать выбор, она всегда доверялась интуиции, и та редко ошибалась. Ну может только с тем стариком.

– Ладно, пойдём, – согласилась она, и парень оживился. Он взял её за руку – кажется, она уже устала удивляться всё новым и новым открытиям, – и повёл через толпу, крикнув, что это чтобы они не потерялись.

Вскоре перед ней предстал его дядя. Увидев Эмили, он не начал зазывать её и улыбаться, как тот пожилой торговец. Он дождался, пока она подойдёт к прилавку, и любезно указал ей на мясо, лежащее перед ней. Потом пояснил, где какое животное, и как давно оно было поймано, а также помог с выбором.

«Была не была» – подумала Эмили и купила мясо. Мужчина помог ей его обернуть в имеющуюся у них ткань, а затем сложить в её мешок.

– Сэнрик, проводи девушку и мешок помощи нести, – обратился он к своему племяннику, а Эмили засмутилась. Она хотела было отказаться от такой услуги, но возражений никто не принял. В любом случае, ей была приятна такая забота.

– Так тебя Сэнрик зовут? – уже в пути спросила она, чтобы нарушить, как ей казалось, неловкое молчание между ними. Парень кивнул. Он выглядел серьёзнее, чем раньше. – А я Эмили.

– Ты одна здесь?

– Нет, со мной ещё двое. Это мои друзья, они где-то здесь должны быть, – она кивнула на толпу. На этом разговор вновь прервался, и ей вновь пришлось его оживить, – так твой дядя охотник?

– Как видишь, – кивнул Сэнрик.

– Мой отец тоже был охотником, – как бы невзначай упомянула она.

– Правда? – он посмотрел на неё, и она улыбнулась в ответ. – А сейчас что не охотится?

– Он умер много лет назад, – улыбка исчезла с лица Эмили. Ей не был неприятен разговор, она уже свыклась с гибелью своего отца, но всё же расстроилась, не услышав слова сочувствия со стороны. Впрочем, она приняла чужаковатость Сэнрика, поэтому не стала на этом заикливаться.

– Я тоже буду охотником, – сказал он с гордостью, и она поняла, что зацепила нужную нить в их диалоге.

– Будешь? А что же ты сейчас делаешь? – Эмили усмехнулась, но в её усмешке не было ни капли злорадства или чего-то дурного. Она сделала это так по-доброму и даже дружески, что это было не замечено её собеседником и не воспринято остро.

– Я помогаю дяде с добычей. Сдираю шкуру, разделяваю, солю или обсыпаю специальным порошком, чтобы дольше хранилось. А что-то сразу готовлю на ужин.

– Ты... Готовить умеешь? – Эмили удивилась этому. Она не думала, что у мужчин есть на такое время. В её семье обязанности делились практически поровну, с учётом возможностей всех сторон, но её отец всегда был очень занят, и у него не оставалось времени на готовку. Она в принципе не знала, умел ли он готовить. В любом случае, ни разу ей не довелось попробовать его блюдо, да и уже не доведётся.

– А что тут такого? – практически возразил юноша. – И кому ещё-то это делать? Мать моя умерла давно, а дядя так и не нашёл себе жену. Мы одни с ним, поэтому он научил меня готовить.

На удивление, услышав это, Эмили даже обрадовалась. Это было странно, но ей нравилась самостоятельность Сэнрика. Она не видела готовящих мужчин, но теперь точно знала, что это повод гордиться.

– А тебя дядя учил охоте когда-нибудь?

– Нет. Но он обещал меня взять с собой в следующем году, – было видно, как Сэнрик немного смутился. Наверное, его задевало то, что он так желает быть охотником, но до сих пор даже не выслеживал добычу, не то, чтобы уж учиться ставить капканы или другие ловушки.

– Мой отец учился этому с ранних лет. Что-то ты запоздал, так к старости только охотником станешь, – Эмили рассмеялась.

– Много ты понимаешь! – Сэнрик махнул рукой, а она замолчала. Она слишком поздно заметила, что эта тема в самом деле задевает его, и сказанного было уже не вернуть. – Я охотник! И охотником делает меня тяга к этому делу, а не количество убитых мной зверей. В следующем году... А может и в этом я поеду и заколю самого огромного оленя, какого только смогу найти в лесу.

– Да, прости, я не хотела тебя задеть, – попыталась уладить всё Эмили. Но, кажется, она распалила своего нового знакомого, и теперь он готов был отправиться в лес за этим чертовым оленем хоть сейчас.

– Я тебе его хоть завтра к ногам брошу! А ты-то что умеешь? Даже мясо выбрать не можешь, тебя отец тоже ничему не научил?

Сэнрик был горд, и этого у него было не отнять. Он был уставшим после трудного дня на ярмарке, где не успел отдохнуть и посмотреть на всё, и злым после колкого замечания Эмили, которая не расценивала это как колкое замечание вообще.

– Да что с тобой такое, – Эмили повысила голос, а на глазах у неё выступили слёзы от обиды. Она совсем не хотела плакать. Ей даже не было грустно, просто обидно, и этот процесс слезотечения она не могла контролировать, хоть и отчаянно пыталась. Как же она могла позволить себе сейчас ещё и разрыдаться, как маленький ребёнок, у которого отняли игрушку?

– Какой ты грубиян, зачем я только пошла за тобой! – сумев-таки сдержаться, она выхватила из рук Сэнрика мешок и зашагала прочь.

– Да извини, я же не хотел! – спохватившись, крикнул ей юноша, но Эмили даже не притормозила. Тогда он закатил глаза и решил вернуться к прилавку, под нос пробубнив отчетливое «девчонки».

Сэнрик вернулся к дяде, и они ещё какое-то время пробыли на ярмарке, до полного её утихания. Затишье длится всего несколько часов, начинаясь с того, что кто-то разъезжается по домам, и заканчиваясь ранним утром, когда прибывают новые люди. Некоторые ещё остаются на ярмарке, чтобы выпить кружку пива или просто отвлечься от серых будней в родном краю. Уезжали же, в основном, торговцы, у которых закончился товар. Выручив за него нужную сумму, довольные, они отправлялись на лошадях, запряжённых в телеги или жалкое их подобие (кому на что хватало средств), жить «на широкую ногу». А к концу года, скрипя зубами от голода, вновь предвкушали десятидневные праздники, в которые смогут разжиться.

Сэнрик же с дядей просто вернулись домой. Они не жили и не собирались жить «на широкую ногу» после того, как получили прибыль, напротив, им приходилось быть достаточно экономными. Основное они тратили на орудия для охоты или новую одежду, которая сейчас стоила весьма недёшево. Еду же они остальной год добывали себе сами, пока позволяла погода, а после лишь пользовались запасами, хранившимися в погребе, который представлял собой вырытую яму под досками пола. Там у них чего только не было! И вяленое мясо, и какие-то овощи в специях и островатой на вкус тягучей жидкости, и ягоды в банках – в общем всё, что они могли только туда положить.

Сейчас же, разобравшись с домашними делами, надёжно спрятав полученные деньги и разложив на столе остатки мяса, а также два купленных пирога да зелень, Сэнрик всерьёз задумался о разговоре с дядей по поводу охоты. Он уже и забыл про Эмили, однако вот про то, что ему двадцать два года, а он так и не научился охотиться на зверей, хорошо помнил. И это было по его мужскому самолюбию. Это было важно для него, и ему хотелось достичь на поприще охотника самых крутых вершин. Чтобы, встречаясь с людьми, его узнавали как

самого ловкого охотника в королевстве, чтобы его признал сам король, а не отворачивался от него, как от черни. Так уж завелось, что королевская любовь к народу проявлялась только на публике, чтобы заслужить всеобщее доверие, а когда же монархи и их потомство запирались за тяжёлыми дверями, они забывали о простом люде, считая их недостойными и иногда даже жалкими. Но такие мысли появлялись не от того, что король с королевой были плохими людьми. Скорее, это было у них врождённое. Вместе с титулом правители тех времён чаще всего ещё и наследовали брезгливость к труду и страсть к богатствам. И хотя прочий люд привык к такой жизни и особо не жаловался, принимая своё положение как данное, Сэнрик хотел всё изменить. Он знал, что Мэйнбургский король славился своими охотничьими умениями и при дворе держал пару «самых отборных» охотников, которые сопровождали его с высшей знатью в леса за оленем или кабаном, и поэтому выбрал именно это занятие.

За ужином он подождал, пока его дядя доест всё, а потом начал подводить к теме.

– Я хотел поговорить с тобой кое о чём, – отодвинув тарелку, он выпрямился и сложил руки перед собой, пытаясь выглядеть убедительнее.

– О чём же? – его дядя взял кружку грушевого сидра и отхлебнул от неё. Он выглядел, как и всегда, невозмутимым. Казалось, ничто не может нарушить его душевного равновесия.

– Ты обещал взять меня на охоту в следующем году, – напомнил ему Сэнрик.

– Обещал. Вот жара сойдёт, придут холода, и можно будет отправляться на зайца, пока снег не выпал. Листья жёлтые будут, в лесу в это время красиво, – дядя Сэнрика имел привычку добавлять в разговор всё, что ему в голову взбрело, даже если это отходит от темы. Он мог задуматься и начать говорить о своём, и его приходилось возвращать к разговору.

– На зайца? – опешил юноша.

– А на кого ж ещё?

– Я думал, мы пойдём... – Сэнрик развёл руками, – на кабана хотя бы, не знаю.

– Кабана? Ха-ха-ха, – его дядя громко рассмеялся, – послушай, мальчуган, ты ни разу не был на охоте, начинать нужно с малого. Пройдёт время, и сможешь на кабана.

– Ты же знаешь, что я прошу тебя об этом с детства, – Сэнрик встал со стула и упёрся ладонями в стол, – я хочу на охоту! А ты говоришь про зайца? Да кто я, чёрт побери? Я только и делаю, что прихвостнем хожу за тобой и выполняю всё, что ты велишь, мне это поперёк горла уже!

– Сел! – его дядя повысил голос, поднявшись со своего места. Он выглядел устрашающе, когда начинал сердиться. Мышцы на крупных мужских руках заметно напрягались, а широкая грудь вздымалась от негодования. Когда Сэнрик был маленьким, его пугало такое настроение дяди, так как разница в росте у них была огромна. Сейчас же они были примерно одинаковы, и Сэнрик продолжал стоять, сопротивляясь тяжёлому хмурому взгляду.

– Почему ты запрещаешь мне это? Все вокруг начинают чуть ли не с пелёнок учиться, а я до сих пор знать не знаю, как заманить даже чёртового зайца в ловушку. Почему, дядя? – Сэнрик тоже нахмурился, и теперь было видно родственное сходство между ними.

– Потому что я наслушался твоих детских бредней о том, как ты будешь прислуживаться перед королём! – он стукнул кулаком по столу. Сэнрик и правда, будучи ребёнком, часто рассказывал дяде о том, как он, когда вырастет, будет жить при дворе, а потом – на что уж хватало детской фантазии, – король назначит его наследником. – Он тебе не отец, он чёртов плут, отбирающий еду у бедных и смеющийся над нашей жизнью с другими богачами! Уж лучше ты будешь не «как все», чем отправишься туда и станешь целовать дураку ноги!

Сэнрик не нашёл что ответить. Он был поражён речью своего дяди, поскольку никогда не слышал ничего подобного в свой адрес. Обычно, когда он заговаривал об охоте, дядя отшучивался или просто направлял разговор в другое русло. А сейчас он впервые почувствовал острое столкновение с тем, кто, можно сказать, растил его с младенчества. И поэтому Сэнрик не знал, как ему поступить. Он не мог нагрубить дяде, несмотря на редкие конфликты между

ними, их соединяла крепкая семейная любовь, которую не разрушишь ничем на свете. Когда мать Сэнрика умерла, он мог остаться на улице и умереть от голода или холода, но его дядя взял его к себе, хоть и был не обязан. Отец же просто отвернулся от ребёнка, не желая его признавать вовсе.

Но несмотря на это, Сэнрик также не мог согласиться с дядей и принять его сторону. Он не видел в своей мечте желания «прислуживаться», он лишь хотел добиться чего-нибудь в жизни, доказать, что не положение в обществе определяет то, кем ты являешься. И на одну ситуацию оба смотрели по-разному. Дядя всю жизнь жил в низших кругах, сначала был простым рабочим, потом занялся охотой. Но это же не значит, что и Сэнрику уготована та же участь? Он верил в то, что у него была своя судьба, и ему хотелось узнать, что же именно его ждёт за поворотом. А чтобы узнать это, ему нужно было попробовать. Сделать шаг вперёд. Это было просто необходимо.

– Я поступлю как знаю, – немного поразмыслив, твёрдо сказал он, и на его скулах забегали желваки.

– Разговор окончен, – отрезал его дядя и ушёл.

Что ж, пожалуй, этот день был тяжёлым для них обоих. Хотя, если подумать, эти пять минут были тяжелее всего дня. У Сэнрика было мерзко на душе. Ему хотелось объясниться, исправить ситуацию, но в то же время он понимал, что уже принял решение. Пусть это будет ошибкой. Но это будет его ошибкой, и ему за неё расплачиваться.

Глава 5. Лиза

Отматывая несколько часов назад и возвращая внимание к Эмили, можно сказать, что после ужасного знакомства она хоть и чувствовала себя некомфортно, но всё же нашла в себе силы вернуться к делам и купила домой некоторые продукты. Первым делом она отправилась за клубничным пирогом, который можно было найти только здесь, на ярмарке (в их краях клубнику не выращивали вовсе). И ей, к слову, очень повезло, потому что она успела взять последний. Затем она купила немного пряностей и ягод, из которых Нина обычно готовила невообразимые вещи! То она сварит вкуснейший компот из дикой вишни и жёлтой малины, то просто сварит ягоды в сахарном сиропе, то сделает ароматные ягодные пирожки, отдающие для Эмили детством и навевающие воспоминания о том, как она маленькой помогала маме их лепить. Конечно, она делала их не обычной формы, а, используя воображение, в виде облака, шара или чего-то ещё, на что только хватало её фантазии.

Теперь мешок Эмили, ранее будучи достаточно лёгким, стал огромным и был довольно увесист.

После она пошла напрямик к арке, чтобы там встретиться со своими друзьями. Но, к её удивлению, там их не было, и ей пришлось подождать какое-то время. Когда они возвращались, Эмили заметила перемены в их настроении, а особенно в настроении Лизы. Она и Маркус были весёлыми, даже слишком, и по румянцу на их щеках было заметно, что они выпили.

– Долго ты здесь стоишь? – поинтересовалась Лиза, положив руку на плечо Эмили. – Бедная, устала наверное.

Эмили изогнула бровь от удивления и непонимающе моргнула. Кажется, так действует на Лизу выпивка: она делает её добрее. А может на неё повлияло окружение Маркуса. Или всё вместе.

– Я в порядке, – она улыбнулась друзьям и поправила мешок на плече.

– Давай, помогу, – Маркус взял её груз, а Эмили его поблагодарила, и все вместе они направились к лошадям. По дороге Лиза воодушевлённо рассказывала, как они с Маркусом танцевали, а потом смотрели на то, как какой-то шут изображал животных и отплясывал пятками странный, но веселящий всех танец, а потом они снова танцевали, и так по кругу. Ещё она рассказала, как ей понравилась музыка, и Эмили было приятно, что её подруга открылась ей. Она тоже не знала, что Лизе нравится музыка, но это было, несомненно, приятным сюрпризом. Когда же Маркус спросил, что Эмили делала, пока их не было, то та решила умолчать об истории с Сэнриком. Она не хотела портить дружескую тёплую атмосферу чем-то плохим.

Вскоре солнце начало подниматься из-за горизонта, и большую часть пути им посчастливилось ехать на рассвете, когда они уже могли не волноваться за то, что случится с пути, или что лошади споткнутся на дороге.

По приезде в деревню Эмили, попрощавшись с друзьями, спешила с коня и направилась в сторону дома. Там её уже нетерпеливо ждала Нина, а на столе стояли вкусно пахнущая тыквенная каша и недавно испекшийся румяный пшеничный хлеб. Сначала они обнялись, и Нина начала расспрашивать про ярмарку, а Эмили выкладывала продукты на стол, чтобы потом их разложить по местам. Они также подсчитали их общую стоимость и вычли из того, что у них было с новыми заработанными деньгами. Как выяснилось, у них оставалось немного средств. Хватит, конечно, чтобы купить сена для Грома и коровы, корма для птиц, да ещё себе немного останется. Какое-то время они протянут, но на новую обувь рассчитывать не придётся. А ведь до наступления холодов нужно ещё брёвнами запастись, чтобы топить печь.

Нина села за стол и, опершись на него локтем, положила голову себе на ладонь.

– Был бы здесь Теодор, – произнесла она. Когда её муж был жив, с деньгами у них всё было куда проще. Он продавал часть имеющегося у них мяса (а в его времена мяса у них

было достаточно), а также пироги, которые пекла его жена, пользовавшиеся тогда спросом. Теперь же им особо нечем зарабатывать, можно сказать, они и живут-то благодаря перонии.

– Ничего, мама, мы справимся, – Эмили сочувственно погладила свою мать по голове. Лишь недавно она поняла, что такое нехватка денег. Раньше она и вовсе не обращала на это внимания, вероятно потому, что Нина старалась не обременять её подобными проблемами. Теперь же всё стало по-другому, и Эмили была уже достаточно взрослой, чтобы думать, чем она может помочь.

Так они просидели несколько минут, а после-таки начали разбирать продукты, чтобы, наконец, расправившись со всем, приняться за остывающую кашу.

Закончив трапезу, Эмили отправилась в стойло к Грому. Первым делом она зашла домой, а о нём и забыла! И сейчас ей предстояло вымыть его, накормить и, конечно же, хорошенько почесать ему спинку, ему это безумно нравилось.

Занятая этим делом, в ходе которого она периодически начинала разговор с конём, она не заметила, как к ним в дом кто-то постучал. Скрипнула дверь, прошло пару минут, и дверь закрылась. Как раз когда Эмили насыпала сено в угол стойла, чтобы Гром мог сытно поесть после долгой дороги, к ней кто-то вошёл.

– Эмили?

Она обернулась и увидела перед собой Лизу. Та улыбнулась и попросила подругу на недолгий разговор. Эмили не знала, что за разговор им предстоит, а потому, ничего не подозревая, спокойно вышла вслед за Лизой, и они, миновав калитку, удалились в сторону полей.

Хотя, как уже было когда-то сказано, земли в этих краях плодородные, участок, который выделялся для посевов, был не таким уж и большим. А всё потому, что рядом находился лес. Пусть, может, не слишком близко, а за пару километров, но нельзя же было сажать что-то вплотную к нему. Там и почва была грубее. Тем не менее, к южной части Капитайбура лес находился ближе всего. И он постоянно манил собой детей, казавшись неприступной крепостью, высоченной громадиной, в которую запрещалось ходить, и которую от этого сильнее хотелось преодолеть. Взрослые чуть ли не с рождения своих чад предостерегали их, чтобы они не ходили туда. Если там и бывал кто-то, то это были либо сильные и ловкие охотники, которые готовились к своей деятельности и перенимали опыт отцов, либо глупцы. Остальные же верили в дурную славу этого леса. В их краях говорили, что тот, кто туда войдёт, никогда больше оттуда не выйдет. Люди не задумывались, почему охотники – исключение, как не задумывались и о многом другом. Они просто верили в это, и их вера была достаточно сильной, чтобы передаваться поколениям. К слову, этот лес назывался точно так же, как назывался лес из сказки, которую Теодор рассказывал своей дочери, когда та была ребёнком. Но Эмили не обращала на это внимания. Помимо того, её никогда особо туда не тянуло. Она думала, что там просто нечего делать, и не видела в этом лесу чего-то зловещего. Там обитали только птицы и звери (в том числе и хищные, которые могли запросто кого-нибудь съесть).

Отойдя подальше от дома, а после и от окраины Капитайбура, Эмили и Лиза добрались до спокойного местечка, где не было ни души, только они и блестящие рыжие локоны поля, выющиеся на ветру. По дороге сюда подруги болтали на отвлечённые темы, вроде семьи и жизни здесь, но теперь же, когда они сели практически друг напротив друга, Лиза замолчала, выдержала небольшую паузу и снова начала говорить.

– Ты извини меня, – она улыбнулась краешком губ.

– За что? – непонимающе глядела на неё Эмили.

– Я не всегда веду себя... правильно. Я знаю, у меня сложный характер, и иногда тебе приходится терпеть меня. Да и не только тебе.

– Лиза, что ты такое говоришь?

– Не перебивай, пожалуйста. Я хочу сказать тебе кое-что, – она вздохнула, сосредоточиваясь. Было видно, что ей сложно извиняться и говорить, что где-то она была не права.

Но Эмили заметила, что в ней что-то поменялось. После времени, проведённого на ярмарке, как будто кто-то подменил её подругу.

– Мне очень нравится Маркус. Но я вижу, как он на тебя смотрит, и поэтому иногда я злюсь. Мне хочется, чтобы он и со мной себя так вёл. И вчера мы танцевали, – она смущённо опустила глаза в пол, улыбаясь всё шире, – мне это нравилось, Эмили. Я просто хочу сказать, что с ним я другая. Мне больше не хочется вести себя так, как я вела себя прежде. Но когда мы все вместе, мне неприятно смотреть на вас с ним. Скажи, Маркус нравится тебе?

Лиза посмотрела Эмили в глаза, ожидая ответа, а та просто не знала, что сказать. Точнее, конечно, ответ она готова была дать, но вся эта ситуация её ошеломила. Она и не представляла, что ей предстоит услышать. Лиза всерьёз переживала за отношения между ней и Маркусом, что казалось Эмили ужасной глупостью. Ей было то ли смешно, то ли неловко за всё это.

– Ну не молчи же, – Лиза потрясла Эмили за руки, и та очнулась.

– Нет, Лиза, конечно мне не нравится Маркус. Мы втроём дружим с детства, и у меня даже мысли не было о чём-то... подобном. Я люблю его как близкого друга, а тебя – как близкую подругу. Я и не думала, что тебя волнует это.

– Создаётся впечатление, что ты только о себе и думаешь, – Лиза пожала плечами и на пару мгновений отвела взгляд в сторону, – извини, я не со зла. Я рада, что мы всё выяснили.

– Лиза, – Эмили придвинулась ближе к подруге и положила голову ей на плечо, – вы мне очень дороги, и я буду счастлива, если вы будете вместе. Просто дай Маркусу узнать себя. Такой, какой ты была с ним на ярмарке. И тогда он влюбится в тебя без памяти.

Они обе засмеялись.

– Не могу поверить, что это происходит, – спустя какое-то время снова начала Лиза, – что с нами стало, Эмили? Никогда бы не подумала, что буду равнодушна к Маркусу. Но теперь я думаю о семье, понимаешь? Моя мать родила меня, когда она была примерно одного со мной возраста. И я чувствую, что хочу, чтобы у меня был муж, наш общий дом, может быть пёс у крыльца, – она положила свою голову на голову Эмили. Они редко говорили по душам. И тем более проявляли друг к другу такую теплоту. Их нельзя было назвать теми подругами, которые целыми днями болтают о всяких девчачьих заботах, пьют чай с имбирём, а по вечерам делятся друг с другом всякими секретами. Пожалуй, их сплотило не столько что-то общее между ними, сколько время. Они были подругами, потому что всегда ими были. Для них вошло в привычку находиться рядом, и сейчас быть по «разные стороны баррикад» казалось дикостью. И тем не менее, они обе были рады этому разговору, хоть он и заставлял поначалу их смущаться. Безмятежность купала их в своих ласковых волнах, качала на руках и пела колыбельную, а ветер, шевелящий поля, ещё больше укачивал. Можно сказать, Эмили и Лиза впервые за долгое время вспомнили, что значит быть настоящими подругами.

– Мы выросли, – произнесла Эмили, – вот что случилось, – они взялись за руки. И хотя Эмили с пониманием относилась к словам Лизы, ей были чужды её желания. Она не задумывалась о том, что уже давно в том возрасте, когда принято создавать семью. Ни она, ни Лиза, ни Маркус уже не были детьми, и это было замечательно и печально одновременно. Возможно, кто-то из них действительно скоро обвенчается с кем-нибудь, и у них будут дети и даже пёс у крыльца. А что же ждёт Эмили? Она не видела себя в будущем. Она просто плыла по течению, как будто жизнь сама проживала себя за неё. А время летело так быстро, что теперь она была вынуждена смотреть в это будущее. И всё равно ничего там не видела. Никакой её собственной семьи. Она с детства думала о том, что это произойдёт не скоро, и так привыкла к этой мысли, что теперь у неё не укладывалось в голове, что время пришло.

– Так значит ты не против, если мы с Маркусом... ну, станем не друзьями. Наш дружеский круг тогда разорвётся, – пошутила Лиза, но в тайне знала, что всё, скорее всего, будет так на самом деле.

– Мне вы всегда будете друзьями.

Лиза внезапно дёрнулась, распрямилась и, сощурившись, внимательно посмотрела на подругу.

– Кстати говоря-я, – медленно протянула она, – а что ты делала на ярмарке?

Эмили вздохнула. Раз уж у них пошёл такой душевный и откровенный разговор, то она решила рассказать Лизе и про Сэнрика. Она начала со старика, у которого хотела купить мясо, и закончила своим уходом. Эмили даже постаралась в полной мере описать не только события, но и чувства, которые владели ею в те минуты. Как она была удивлена, как была напугана, а потом и обижена. Лиза выслушала её, не перебив ни разу, а после, немного помолчав, выдала следующее:

– Так ты значит с парнями гуляла? – она рассмеялась, а Эмили в очередной раз была поражена происходящим. Неужели Лиза не слышала ни слова из того, что она ей сказала?

– Ты меня совсем не слушала? Это не смешно! – возмутилась она.

– Да ладно-ладно, я же шучу. Просто я беспокоилась, что тебе было скучно, пока мы с Маркусом так веселились. А, оказывается, я зря волновалась.

– Он обидел меня, а тебе всё равно? И это я думаю только о себе, – Эмили отпрянула от Лизы. Она поняла, что та не видела сейчас ничего, кроме Маркуса, и всё остальное казалось ей сущим пустяком.

– Да чего ты злишься-то, это же шутка, – с лица её подруги улыбка сошла, и перед ней появилась обычная Лиза, которую все знали.

– Забудь о том, что я сказала, – попросила её Эмили.

– Ты делаешь проблему из ничего, Эмили. Я тебе тут душу изливала.

Эмили чуть не задохнулась от возмущения, но промолчала. Ей не хотелось ссориться, но определённо хотелось убежать и от Лизы, и от этого разговора подальше. Теплота, душевность, ощущение близкого друга рядом – всё в миг улетучилось, как будто этого и не было пару минут назад. В голове Эмили даже промелькнула мысль о том, что если бы она говорила обо всём с Маркусом, то он бы действительно слушал её и отнёсся ко всему с участием. Но она быстро выгнала подобные мысли, поскольку не хотела ставить никаких граней между Лизой и Маркусом, уверяя себя в том, что у них просто разные характеры, и ни в коем случае их нельзя сравнивать друг с другом.

– Мне пора домой, – сказала Эмили.

– Ладно, иди, – Лиза невозмутимо пожала плечами, но когда её подруга уже встала и сделала несколько шагов в сторону дома, внезапно спросила: – значит ты не против? Насчёт того, о чём я говорила?

– Из вас выйдет отличная пара, – Эмили поджала губы и вытянула их, изображая некое подобие улыбки. Она говорила это отчасти искренно, отчасти и просто так. Для неё было важнее, что Лиза теперь будет чувствовать себя гораздо увереннее. И, возможно, Маркусу действительно удастся умирить её вредный характер.

Глава 6. Свадьбе быть

После небольшой, но довольно неприятной ссоры с Лизой Эмили захотелось побыть в одиночестве, быть может прогуляться и подумать обо всём. Разногласия были не частым гостем в их дружбе, однако они всегда неизбежны, если вы близки с кем-то на протяжении многих лет. Несмотря на это, Эмили была уверена, что совсем скоро они помирятся, и всё станет, как прежде. Она старалась держаться подальше от всяких сцен.

Направившись домой, она соорудила в голове подобие плана. Сначала она возьмёт Грома и отправится с ним на прогулку. К тому же, ему полезно будет пройтись и подышать свежим воздухом, а не спёртым в стойле, которое как раз можно будет проветрить за время отсутствия в нём коня.

– Эмили! – Нина вышла к ней во двор, не дождавшись дома и, к счастью, успев застать её.

– Я здесь, только прогуляться иду, – Эмили уже положила на спину коня мягкий вальтрап, но, когда услышала голос матери, отвлеклась и отошла к ней.

– Конечно, только прежде нужно поговорить, – улыбнувшись, произнесла Нина, погладив свою дочь по руке. И хотя это неосознанное действие скорее было направлено на то, чтобы расслабить Эмили и не дать ей повода для волнений, оно произвело обратный эффект.

Нина зашла в дом. Эмили последовала за ней, и они, пройдя к столу, сели друг напротив друга.

– Что-то случилось? – изогнув брови, взволнованно спросила Эмили.

Нина отвечать не спешила. Она нервно тёрла руки, не зная, с чего лучше начать.

– Понимаешь, – подняв глаза на дочь и улынувшись, продолжала она, – я желаю тебе только лучшего, ты же знаешь это. Ты моя любимая дочь, моё главное сокровище.

Эмили слушала молча.

– Но с финансами у нас совсем стало туго. Да и в хозяйстве нужна сильная мужская рука, вон уже который год с покошенным забором живём, а поправить некому.

– Ой, ты не переживай по этому поводу, я попрошу Маркуса, он и поможет, – заверила её Эмили. Само собой, она сомневалась, что дело было в одном заборе.

– Я как раз об этом, верно, – Нина положила свою руку на руку дочери и несильно сжала, – пока вы были на ярмарке, ко мне приходил Александр. Мы говорили с ним о всяком. Ты же понимаешь, как нам повезло с ними, правда? Александр всегда нас поддерживал, а Маркус с детства за тобой бегал, защищал, – она нежно улыбнулась.

– Конечно, и я благодарна им за это. Но к чему ты ведёшь?

– Дело в том, мы тут... Может, тебе пора подумать о будущем?

Сердце Эмили пропустило удар. Ладони вспотели от волнения, хотя она всё ещё не до конца понимала, в чём дело, либо же просто не хотела верить своим догадкам.

– Что это значит?

– Маркус прекрасный мужчина, сильный, смелый, хозяйственный. За таким ничего не страшно, будешь за ним, как за каменной стеной. Тебе уже почти восемнадцать, ещё пару годков, и как бы тебя не окрестили старой девой. Эмили, я не хочу, чтобы ты была одна. Ты юная и красивая, у тебя столько всего впереди! Я уже не могу дать тебе всего, что тебе нужно, – Нина с надеждой на понимание взглянула в глаза дочери.

– Но мне ничего не нужно, – чуть ли не перейдя на шёпот, произнесла Эмили. В горле запершило, и это отдавало лёгкой хрипотцой в голосе. Руки начало потряхивать. Теперь она предельно ясно осознавала, чего хотела её мама, и её это напугало. Она не думала ни о чём настолько серьёзном, более-менее довольствуясь нынешним положением вещей и живя в настоящем. Возможно, отчасти это был неправильный взгляд на мир, учитывая времена,

в которые она жила, но так уж она была устроена. Ей скорее нравился образ жизни, который она вела, чем столь глобальные перемены относительно замужества.

– Эмили, подумай об этом, – умоляла её Нина, – ты уже совсем взрослая. Когда же думать о семье, как не сейчас? К тому же, никто не сватает тебе незнакомца, это Маркус, вы знаете друг друга так хорошо, как не знают некоторые мужья с их жёнами.

– Но мы друзья, – продолжала стоять на своём Эмили, – я люблю его как старшего брата, а он меня – как младшую сестру. Разве ты вышла за папу не по своей воле и не из-за вашей любви?

– Всё так, – кивнула Нина, – я встретила твоего отца как раз в твоём возрасте. Да и Маркус... Он ведь тебе не брат, милая. И кто знает, может, стоит получше присмотреться к нему?

– А что он скажет? Вы вообще его спросили? – сама того не замечая, Эмили начинала злиться. Этот разговор случился совершенно не вовремя, а перетянуть одеяло на себя и убедить Нину в своей правоте, как назло, не удавалось. Ситуация стала ещё хуже, когда Эмили вдруг услышала в ответ, что Маркус обо всём уже знал. Как оказалось, Александр поговорил с ним, вот только неясно было, чья именно была идея замужества. Последней каплей, ставшей в последствии причиной того, что Эмили подорвалась с места и выбежала из дома, стало известие о том, что Маркус был не против их женитьбы.

«Они всё решили! Без меня!» – пронеслись одна за другой мысли у неё в голове, а в груди пылало негодование. Она бежала прямо к дому Маркуса, даже, признаться, поначалу не зная зачем. Но появилось ощущение, будто её предали, и оно стремительно росло, от чего становилось тошно. В голове выстраивалось множество вопросов, перед глазами всплывали последствия, которые могли бы возникнуть, будь эта новость известна уже всему Капитайбуру. И что будет с Лизой? Буквально сегодня она призналась ей, что влюблена в Маркуса, и Эмили заверила её, что будет счастлива за них, а теперь... Эта новость разрушит их дружбу, как уже, казалось, разрушала дружбу Маркуса и Эмили.

Свадьбы всегда были делом пышным. Даже если их не на что было праздновать, когда двое решали пожениться, вся их родня, все знакомые и соседи помогали всем, чем можно, в том числе и деньгами. Таковы были традиции, следуя которым было принято праздновать подобное торжество на широкую ногу. Когда решение о помолвке принималось окончательно, новость об этом тут же разносилась по всей округе, и люди радовались празднику, как собственному. Все желающие стекались поглядеть на жениха и невесту, хлопали им, играла музыка, молодожёнов осыпали на удачу пшеном, и за ними из всех гостей образовывалось, можно сказать, шествие, которое провожало их до места, где позже они должны были быть обручены. Рядом с женихом и невестой, которые по традиции должны были не идти перед шествием гостей, а ехать верхом на двух лошадях, также шёл балагур, чья роль была поддерживать весёлое настроение, шутить и развлекать молодых. Шествие вело до так называемой «Святой обители», куда уже ступали только двое будущих супругов. Обряд венчания, вероятно, как раз из-за того, что на него никто не мог поглазеть, и никто на него не приглашался, назывался «Таинством». После него уже муж и жена выходили к народу под бурные рукоплескания, и вечером начинался пир. Гуляния длятся обычно всю ночь, и только к рассвету люди начинают расходиться. В целом, свадьбы были очень нарядным и весёлым праздником, и провести его скромно было невозможно, а тем более невозможно было избежать свадьбы вовсе. Все молодые девушки и юноши ждали своих собственных свадеб чуть ли не с детского возраста, когда они впервые на них приглашались и видели всё собственными глазами.

Впервые Эмили побывала на свадьбе их соседки через три улицы, когда ту выдавали замуж за приезжего адвоката лет тридцати или, быть может, больше. К своим годам этот адвокат добился совсем немногого, поэтому решил перебраться из Графбура в Капитайбур, подальше, где конкурентов было поменьше. Поначалу он планировал увезти девушку с собой, но родни у него не было, только пара друзей, поэтому свадьбу сыграли в Капитайбуре и здесь же

остались жить. Эмили никогда прежде не веселилась до позднего вечера, но именно в тот день ей было разрешено остаться на начало застолья, когда все ещё были трезвы, балагур держался на ногах, а музыку играли специально подходящую для заводных танцев. Сказать, что ей понравился праздник – значит ничего не сказать. Конечно, тогда она понимала, что однажды и она будет виновником торжества, но что в детстве, что теперь ей казалось это событие далёким, будто она всё ещё маленькая девочка, которую только стали отпускать одну на ярмарку.

Эмили недолго топталась у порога дома Маркуса. Поднявшись по ровной, мастерски сделанной самим Александром лестнице, она тут же постучала в дверь.

Ей открыл Маркус, и, когда она увидела его, вся смелость тут же куда-то пропала. Она ощутила неловкость и волнение, выливающееся в неприятное чувство где-то в животе. По лицу Маркуса было заметно, что он тоже был смущён. Молча, не сказав ни слова, он жестом пригласил её в дом, после чего закрыл за ней дверь.

– Отца нет сейчас, – первым решил заговорить он, нарушая неловкое молчание.

– Ничего страшного, – ответила Эмили и села за стол, положив перед собой руки.

– Будешь чего-нибудь? – отвлечённо спросил Маркус. Но получив отрицательный ответ, глубоко вздохнул и всё же сел рядом с ней. – Вы говорили с Ниной?

Этот вопрос заставил кровь прилить к щекам Эмили, но также он разжёл огонь внутри неё, распалив, как прежде, когда она только бежала сюда. Она будто вспомнила, зачем здесь, и давящее на неё почти решённое кем-то будущее угрожающе нависло над головой.

– Чем ты думал?! – неожиданно для самой себя она вспыхнула. Маркус удивился, вытаращив на неё глаза, не понимая такой реакции.

– Маркус, ты представляешь, что теперь будет? Если все узнают об этой... Новости, что прикажешь делать?

– Эм, я не понимаю тебя, – растерянно произнёс Маркус.

– Не понимаешь! Вы предали меня, вы все всё решили, сговорились! – Эмили, не сдержавшись, начала плакать, закрывая лицо руками. – Как ты мог так со мной?

– Да как «так» -то? Неужели выйти за меня замуж так уж ужасно? Я что, противен тебе?

Эмили не могла сдержать слёз. Она понимала, что ведёт себя неподобающе, она ведь и хотела поговорить, как взрослые люди, разъясниться и отказаться от решения о женитьбе, она думала, что Маркус сразу её поймёт.

– Ты же мой друг, – Эмили убрала руки от лица, вытерев слёзы, – ты мне как брат, Маркус.

Маркус только открыл рот, чтобы что-то сказать, как Эмили начала заваливать его вопросами.

– Скажи, ты вправду хочешь, чтобы мы поженились?

– Я...

– Ты любишь меня?

Повисла пауза. Маркус почесал затылок, взъерошив волосы, и снова взглянул на Эмили.

– Люблю. Мы всегда были как брат и сестра, у меня и нет-то никого ближе тебя, кроме отца. Поэтому я хочу, чтобы именно ты была моей женой. Мы знаем друг друга сто лет, что изменится, если мы сыграем свадьбу?

– Так ты любишь меня, как сестру? – в словах Маркуса Эмили разглядела тонкую соломинку, за которую теперь пыталась ухватиться. Скорее всего, отец убедил его в правильности этого решения, как её пыталась убедить Нина. Может, до этого Маркус и не думал ни о чём таком.

– Сестра, брат, что ты заладила тоже, – он отвёл взгляд в сторону, – я подумал, что мы будем хорошей семьёй. Крепкой.

Эмили шмыгнула носом и снова протёрла глаза рукой. Она почувствовала, как успокоилась.

– Я не думала о замужестве. Вообще. Понимаешь, я не чувствую, что готова, Маркус. Ты замечательный человек, но из меня не выйдет хорошей жены, не сейчас. Да и потом, как же Лиза?

– А что с ней?

– Ты не видишь, как она смотрит на тебя? – Эмили не хотелось раскрывать секрет подруги, но внутри теплилась идея о том, что, если она откроет Маркусу глаза, возможно, он и Лиза сблизятся.

– А как она смотрит? – будто недоверчиво спросил Маркус.

– Как влюблённая девушка смотрит на своего жениха, – пошутила Эмили и даже засмеялась. Их беседа перетекала в дружелюбное русло, и уже не чувствовалось витающего в воздухе напряжения.

Маркус улыбнулся, но покраснел. Он и не предполагал, что Лиза может испытывать к нему какие-то чувства. Определённо это добавляло больше поводов для размышлений. Но обдумать всё не дал грохот входной двери. Александр вернулся домой, и тут Эмили снова заволновалась.

Отец Маркуса услышал, что в доме кто-то есть, и прошёл к столу. На его суровом лице заиграла непривычная для Эмили улыбка, когда он увидел её и своего сына вдвоём.

– Ну что, уже назначили день свадьбы?

«Не в бровь, а в глаз» – пронеслось в голове у Эмили, – *«да, начинать издавна явно не в его духе»*.

– Мы как раз говорили об этом, – начал было Маркус, но, заметив взгляд Эмили, тут же поправился, – точнее, мы не про день свадьбы говорили, а про саму свадьбу. Отец, может, мы поторопились?

Эмили была счастлива, как никогда, услышав, что её друг решил принять её сторону. Она смущённо улыбнулась и кивнула, смотря на Александра, который, однако, теперь не разделял её радости.

– Что это ещё значит? – хмуро спросил он.

– Просто мы ещё молоды, да и не думали о помолвке, может стоит сначала, как бы, всё как раз и обдумать?

– Чего здесь думать? – Александр плюхнулся на свободный стул, рядом с ними, и смерил каждого своим строгим взглядом. – Ты ещё вчера был не против, а теперь что, струсил? В нашей семье так не делается.

– Я не струсил! – Маркус распрямился, а Эмили вновь ощутила только недавно покинувшее их напряжение. Она боялась вступать в их разговор, поэтому пыталась подобрать нужные слова и выждать нужный момент, когда сможет высказаться.

– Тогда и думать не о чем, – Александр по-хозяйски откинулся на спинку стула, – день свадьбы выбирайте сами, остальное я решу. К нашему Отцу я уже ходил, он дал добро.

У Эмили внутри будто сердце упало куда-то в пятки, а по рукам прошёл холод. Она, в волнении, посмотрела на Маркуса, поймав его взгляд, в котором отчаянно искала поддержки. Но тот лишь едва заметно пожал плечами, показывая, что сделать ничего не может.

– Да что это с вами? Эмили, не понимаю, тебе не по душе мой сын?

– Нет, дело совсем не в этом, Александр, – выпалила Эмили, чувствуя, как сбивается её дыхание, – я не уверена, что хочу замуж. Если бы хотела, то, конечно, Маркус был бы лучшим женихом на свете, но... Я не хочу.

– А чего ты хочешь? – тут же спросил Александр. И Эмили поняла вдруг, что именно этого вопроса боялась. Если бы она сама знала, чего она хочет. Любой ответ, который она могла бы придумать, разбивался о твёрдость намерений отца Маркуса, о его уверенность, которой так не доставало сейчас ей самой.

– Отец, я не хочу заставлять её, – вмешался Маркус.

– Никто и не заставляет. Скажи, дитя, чего ты хочешь? Чему мешает замужество? Твоё положение только возрастёт, хочешь куда-то отправиться – с моим сыном тебе не придётся ехать одной. Ты пойми, я желаю тебе добра, как дочери своего лучшего друга, – Александр, как и всегда, звучал крайне убедительно, и ему невозможно было что-либо противопоставить, – да ты и мне как дочь! Ещё когда ты появилась на свет, Маркусу тогда было три, что ли, четыре... Так вот мы с твоим отцом шутили, что однажды можем побрататься, – он рассмеялся.

– С моим отцом? – повторила Эмили.

Александр кивнул ей.

– Эмили, сейчас самое время подумать о своём будущем.

Эмили вспомнила слова матери, которая сказала, ровным счётом, то же самое. Извинившись, она кивнула Маркусу и его отцу, встала из-за стола и, сказав, что ей нужно подумать, вышла из дома. Чувство, что ей отрезали все доступные прежде выходы из этой ситуации, не покидало её. Даже если бы она смогла внятно объяснить, почему не хочет замуж, и убедить в своей непоколебимости Александра, новость о том, что Отец дал им добро, встала бы на пути. Отцом они называли служителя Святой обители, к которому шли просить благословения жених и невеста, либо же их родители, и только после этого мог быть назначен день свадьбы. Конечно, по сути, это было только знаком уважения к служителю и Тому, кому он служил, потому что за всё время, что Эмили жила в Капитайбуре, ещё никто не уходил без благословения. Однако раз Отец знал о предстоящей помолвке, это означало, что скоро узнают и все остальные, и одна мысль об этом пугала Эмили. Что она могла сделать? Как ей объяснить всем, что стать старой девой страшит её гораздо меньше? Как объяснить Лизе, что она не хочет и никогда не хотела её ранить? Казалось, грядущее событие доставляло радость всем, кроме неё, и от этого казалось, что именно с ней что-то не так. А что – Эмили понять не могла.

По возвращении домой её ждала Нина. Она обеспокоенно глядела на свою дочь, ожидая услышать хоть что-нибудь.

– Видимо, – на выдохе начала Эмили, – свадьбе быть.

– Что случилось, дорогая? – Нина подошла и обняла её. – Ты говорила с Маркусом?

– И с ним, и с Александром, – Эмили обняла маму в ответ, – мне страшно, мама. Тебе было страшно перед замужеством?

– Ещё как, – она ласково погладила Эмили по голове и тихонько рассмеялась, – я целый день спрашивала себя, точно ли люблю Теодора, до самого утра, пока он не приехал ко мне чуть ли не со всем королевством. Только когда нас обвенчали я поняла, что желала выйти за него больше всего на свете.

– Может и со мной будет так же? – Эмили не думала получить ответ на свой вопрос, который был высказан, скорее, в пустоту, или для самой себя.

«*Может, я просто себе надумала?*» – крутилось у неё в голове. У неё получился эмоционально насыщенный день, и теперь ей хотелось отдохнуть, но разные мысли ещё долго не оставляли её. В самом деле, – думала она, – не всем девушкам так везёт, как ей. Знать своего жениха чуть ли не с пелёнок, иметь такие тёплые отношения. Кто-то вообще выходит замуж по расчёту, без каких-либо страсти и чувств. Да и потом, в её возрасте это было совершенно нормально, и чуть ли не каждая девушка выходила замуж не позже восемнадцати-девятнадцати лет. И все они вроде как были счастливы. Так с чего она решила, что не будет счастлива?

– Чего я хочу? – уже лёжа на кровати, ночью, шептала Эмили. – Я вообще чего-то хочу? Что со мной не так? – две слезинки упали из её глаз, но она не хотела позволять себе снова плакать.

– Да что же со мной, чёрт возьми, не так?

Она никогда не выражалась и не любила, когда выражаются при ней. Однако сейчас это облегчало назойливое чувство страха и отчаяния внутри. Злость более не кипела в ней, но ей было одиноко. У неё не было никого, кто помог бы ей противостоять всему и указать правиль-

ный путь. Вне всяких сомнений, если бы кто-нибудь сказал ей, что нужно делать, что будет сделать правильно, она бы послушалась. Но единственным её советником сейчас была тишина.

Глава 7. С Днём Рождения, Эмили!

Нина с пониманием отнеслась к чувствам своей дочери, а потому сказала ей, что сможет дать несколько дней на раздумья. Она сходилa к Александру, и тот поддержал идею дать молодым немного времени, чтобы взглянуть друг на друга по-новому. К тому же, скоро у Эмили должен был быть день рождения, поэтому свадьба была отложена. После дня рождения у неё было ещё четыре дня, а после уже о следующем празднике узнает весь Капитайбур. Поэтому, проведя целый день дома, Эмили пришла в себя и решила отбросить волнующие мысли до лучших времён. Всё-таки не хотелось портить день рождения, свой праздник, в который стоило дать себе хороший повод расслабиться.

Прежде день рождения был знаменательным праздником скорее для Нины, чем для неё, но в этом году всё было иначе.

«Последний день рождения свободной девушки» – так Эмили его назвала, а потому и не отпраздновать не могла себе позволить. Гостей приглашать она не стала, не желая никого видеть, но, по их семейной традиции, ей хотелось отнести ближайшим соседям по кусочку пирога.

Эмили встала пораньше, чтобы самой испечь пирог с брусникой. Она чувствовала себя невероятно воодушевлённой, словно герой перед совершением подвига.

Достав пирог из печи, Эмили поставила его на стол и накрыла тканью, давая ему немного остыть. Увлечшись праздничными хлопотами, она не заметила, как на кухню вошла Нина.

– Я хотела приготовить что-то вкусное для тебя, а ты меня опередила, – с улыбкой произнесла она, – мне очень стыдно.

Ей было радостно видеть свою дочь не отвернувшейся лицом к стенке, а даже занятой домашними делами.

– Мне совсем не тяжело! – пожалуй, это было в характере Эмили. Даже в самые трудные времена она найдёт время, чтобы хоть немного забыть о неприятностях и дать себе улыбнуться новому дню. Сегодня она поступила именно так. – Представляешь, мне уже восемнадцать!

– Что? Ты в этом уверена? – Нина нахмурилась, посмотрев на дочь.

– Абсолютно!

– Я думала тебе ещё лет тринадцать. Ты что-то явно путаешь.

– Ну хватит тебе, – Эмили улыбнулась, – мне ещё нужно нам что-то приготовить к столу. Чего бы тебе хотелось?

– А вот этим займусь я. Надо же и мне что-то сделать. Так что, – Нина взяла в руки большую деревянную ложку для смешивания ингредиентов на тесто и торжественно подняла её в воздухе, – чего бы хотелось тебе, юная леди? – она сделала акцент на слове «тебе».

– Ну тогда-а, – Эмили приложила палец к губам, задумчиво глядя куда-то в сторону, а потом воскликнула, – сахарный пирог с яблоками. Сегодня день пирогов!

– Как скажешь, дорогая, – Нина поцеловала Эмили в лоб, – но сначала подарок, – она вышла из кухни, сказав Эмили, в которой разгорелось любопытство, оставаться на месте и не подглядывать. Они всегда дарили подарки друг другу на день рождения, чем бы они ни были, даже если это недавно сорванные полевые цветы. И нехватка денег на что-то дорогое совсем не мешала этой устоявшейся традиции.

Из другой комнаты послышался шорох, топот и скрип то ли маминого сундука, то ли чего-то ещё. И скоро Нина появилась в дверном проёме с красивой шкатулкой в руках. На её лице играла хитрая улыбка, и Эмили поняла, что это явно что-то особенное.

Когда шкатулка оказалась прямо перед именинницей, та смогла рассмотреть интересное изделие. Оно было смастерено из дерева, красивые резные узоры завораживали, а металлические замочки и вставки по бокам были выкрашены краской, которая хоть и была потрескав-

шейся и тускловатой, что выдавало «возраст» шкатулки, всё равно вписывалась в общую картину как нельзя лучше.

Глаза Эмили заблестели, она, заинтригованная, медленно подняла крышку. На мягком бардовом бархате, очень приятном на ощупь, лежал кулон в виде лисьей морды. Он также был выполнен из дерева, но при этом был покрыт чем-то, что придавало ему блеска и жёсткости. Наверное, именно благодаря покрытию кулон сможет существовать без видимых дефектов ещё долгое время. Ближе к верху, к лисьим ушам виднелось отверстие, через которое была продета настоящая цепочка, выглядевшая явно дороже самой деревянной головы и никак с ней не состыковывалась.

Нина наклонилась к дочери, обнимая её, и, пока та разглядывала кулон и перебирала его в руках, сказала:

– Это наш с отцом подарок для тебя. Он собирался отдать его, когда тебе исполнится восемнадцать. Он бы хотел тебя видеть в этот день, – последнее она произнесла тише.

Эмили молчала. Нина не видела её лица, но сейчас оно отражало тоску, возникшую в душе.

– Милая, что бы ни случилось в твоей жизни, я хочу, чтобы ты знала, что ты не одна, – продолжала её мама, – мы с отцом всегда будем рядом, – она поцеловала дочь в затылок.

– Он очень красивый, – проглотив стоящий ком в горле, прошептала Эмили, передав кулон матери и как бы жестом попросив помочь его надеть, – почему лис?

– Это корсак, если быть точнее, – пояснила Нина, застёгивая цепочку на шее Эмили, – у нас они не водятся, но твой отец видел их – ненадолго она замялась, – в других краях, за пределами Мэйбура. После этого он стал считать корсаков своим талисманом. В других народах это бы назвали тотемом. Теодор верил, что кулон будет оберегать тебя так же, как дух корсака оберегал его.

Эмили переваривала услышанное. Она не знала прежде о тотемах и прочем и никогда не думала, что люди могут так тесно связывать себя с животными. Впрочем, в их культуре такого не существовало, не считая детских сказок о том, как какой-нибудь колдун оборачивался зверем, чтобы обмануть путников на дороге. Но, тем не менее, верила она в силу «духа корсака» или нет, кулон был напоминанием об отце. Теодор вложил в него любовь к ней, и уж, по крайней мере, эта любовь будет оберегать Эмили. Она прикрыла глаза, нащупывая рукой кулон на своей шее, и улыбнулась. За все её восемнадцать лет это был лучший подарок на день рождения, который, ко всему прочему, сейчас был как раз кстати.

Пока Нина готовила сахарный яблочный пирог, Эмили разносила ближайшим соседям свой, брусничный. Люди благодарили её и поздравляли, а кто-то даже сделал ей подарок. Вечером к ним на огонёк сначала заглянула Лиза, чему Эмили удивилась и обрадовалась одновременно. Она принесла с собой собственноручно сплетённый красивый венок, назвав его «праздничной диадемой», и булочки с вкусным повидлом, которые она всегда пекла на свой день рождения. Сидя за столом и разговаривая, они помирились. Но Эмили не чувствовала от этого облегчения. Напротив, на сердце словно висел тяжёлый камень, и ей жутко хотелось рассказать Лизе обо всём. Но, в то же время, ей не хотелось снова портить с ней отношения. Да и сегодня она обещала себе провести день, не думая ни о чём, беззаботно, радуясь всему и не позволяя себе расстраиваться. Лиза ушла довольно скоро, и секрет Эмили так и остался секретом.

Надеясь никого больше не увидеть, Эмили собиралась провести время с мамой, но спустя некоторое время после ухода Лизы в дверь постучали. Опять же, не с пустыми руками – а с пустыми руками в гости было ходить не принято – к ним пришли Маркус и Александр. Эмили стало неудобно. Но она всё ещё отвлекала себя всем, чем можно, чтобы не омрачить сегодняшний день. Выслушав пожелания, она приняла подарок. Это было платье. По одной из старых традиций, которая уже практически не существовала, за день до свадьбы жених дарил невесте свадебное платье, а та, в свою очередь, дарила ему рубаху, в которой он должен был

появиться перед алтарём. Чтобы укрепить любовь друг к другу, на платье и рубаше обязательно должна была быть вышивка молодых, не важно, какая и где она будет расположена, даже если это будут несколько стежков. Эта традиция уже уходила корнями в прошлое, и к ней возвращались в основном состоятельные люди, либо же те, кто видел в этом что-то крайне романтическое.

– Оно не обязательно свадебное, – когда родители их уже не слышали, сказал Маркус, – но оно, как по мне, очень тебе подходит.

Платье, подаренное Маркусом, было вне всяких сомнений прекрасно. С одной стороны, оно было достаточно простого кроя: закрытое, с длинными рукавами и расклешённым от талии подолом, который придётся придерживать, чтобы не споткнуться о него и не упасть, горло же прикрывало ключицы, но позволяло шее оставаться обнажённой. Помимо этого, на платье была вышивка, сделанная, определённо, рукой мастера. Бежевая ткань струилась легкими волнами, на лифе были видны контуры вышитых цветов с лепестками, цветом чуть темнее, нижняя юбка была достаточно плотной, подобно остальным частям платья, а вот верхняя юбка вместе с рукавами от локтя были сделаны из более прозрачной и гладкой ткани, которая развивалась на ветру.

Ужин прошёл в более или менее спокойной, расслабленной обстановке, но длился он недолго. За столом в основном говорили Нина и Александр, иногда даже начиная вести диалог, но позже, всё-таки, обращая внимания на молодых. Однако отвечал им, по большей части, Маркус, а Эмили предпочитала молчать. Это было на неё совсем не похоже, но периодически она улыбалась гостям, а потому поводов для волнений, похоже, не было.

Когда же Маркус с отцом ушли, Эмили помогла матери убрать со стола и отпросилась к себе в комнату, сославшись на то, что очень устала. Оставшись же наедине с собой, она смогла, наконец, облегчённо выдохнуть. День выдался не совсем таким, каким, в её представлении, должен был быть.

Она взяла в руки платье, разглядывая его и ощупывая ткань. Оно явно стоило не малых денег, от чего ей было неловко. Никогда она не получала подобных подарков.

– Красивое, – озвучила она мысли вслух. И только приблизив его к лицу, она смогла разглядеть тонкий, кривоватый узор на поясе, розового цвета. Волнистая линия, огибающая талию, была слишком тонкой, чтобы её можно было заметить издали, не присматриваясь, но сразу стало понятно, откуда она там. Искусный мастер, выполнивший цветы на лифе, не мог её там оставить, поскольку она совершенно не вписывалась в общую картину.

– Маркус.

Эмили упала на кровать и уставилась в потолок. Маркус, вероятно, решил следовать старой почти забытой традиции до конца и сам вышил эту линию. И если бы Эмили была влюблена в него, скорее всего, она с ума сошла бы от счастья. Но сейчас её сердце сжалось. Ей казалось, что Маркус достоин кого-то лучше неё, кто оценит его старания по достоинству, а она только всё портит. Кошки скребли на душе, и она ощутила пока ещё едва уловимый укол вины, который подталкивал её к тому, чтобы выйти за Маркуса.

Рукой она потянулась к шее. Кулон всё ещё был на ней. Она с силой сжала его в кулаке, надеясь отыскать в нём утешение.

– Папа, пожалуйста, – закрыв глаза, шептала она, – что мне делать?

Она шептала ещё некоторое время, прося невидимого духа дать ей ответ на свой вопрос, помочь ей, поскольку обращаться больше было не к кому. Ей хотелось кого-то рядом больше всего на свете. И хотя вокруг неё и так всегда были люди, даже теперь, она всё равно ощутила себя одинокой. Странное чувство, оно долго не оставляло её этой ночью, пока она, наконец, не заснула.

Эмили повзрослела ещё на один год. И она точно знала, что этот год будет чем-то особенным. В отличие от многих предыдущих, в нынешнем году в её жизни грянут большие перемены, и она пока не могла понять, к лучшему они случатся или же к худшему. Но, наверное,

подобным образом чувствуют себя все в её возрасте, когда они оказываются на пороге в новую жизнь, когда детство остаётся позади, но не кончается, а лишь перерастает в необыкновенную и таинственную дорогу. И Эмили искренне надеялась, что эта дорога не кончится замужеством, а будет продолжаться ещё очень долго, и на всём её пути ей будут встречаться люди и события, которые подарят ей что-то новое, покажут ей то, чего она не видела прежде, и откроют то, чего она никогда не знала. Таким было в этот день её пожелание самой себе.

День. Солнце было скрыто за облаками, и ветер становился прохладнее и сильнее. Эмили стояла посреди пшеничного поля, смотря по разным сторонам, а рядом, по левую сторону от неё, пасся Гром. Ей вдруг показалось неправильным, что она вывела его пастись именно сюда, где растёт еда для всего Капитайбура, поэтому она решила отвести его к дому, окружённому зелёной сочной травой, которой он смог бы наестся. Эмили взяла Грома за поводья и повела в сторону. Погода становилась всё мрачнее, и скоро должен был пойти дождь, если судить по чёрным грозовым тучам, виднеющимся вдали.

– Пойдём, малыш, – сказала Эмили Грому, но чувствовала, что что-то не так. Всё было как в тумане. Может, она заболела? Нужно было как можно скорее вернуться домой, чтобы не простыть сильнее. Но как только она, вместе со своим конём, развернулась и сделала несколько шагов в сторону дома, какой-то зверёк выскочил прямо перед ними. Гром попятился назад, и Эмили начала его успокаивать. Но конь не слушался. Он вырвался из нежных девичьих рук и ринулся вперёд.

– Гром! – крикнула ему Эмили, но он быстро растворился впереди. Тогда она обратила внимание на сидящего перед ней зверька, – надо было тебе это сделать! – рассердилась она, и только потом поняла, что это была лиса. Серая, со светлыми, пшеничного цвета пятнами на груди и кое-где на лапах. Но что здесь делает лиса? Они здесь не водятся. У Эмили заболела голова. Она схватилась за неё и села на землю. Когда она смогла снова раскрыть глаза, зверька перед ней уже не было.

«Да что же это такое» – не понимала она.

Полил дождь. Тяжёлые, будто свинцовые серые капли били ей по плечам, голове, стекая с волос на подаренное Маркусом платье, которое почему-то было на ней надето, и на лицо, а после падая на землю и растворяясь в сухой почве. Эмили съёжилась, а дождь, подобно немилостивому господину, только усиливался, закрывая собой дорогу, как будто специально, чтобы она не смогла ничего увидеть и выпутаться из его ледяных объятий, сковывающих её. Но Эмили не сдалась и пошла вперёд, часто моргая, чтобы капли не попадали в глаза, и шурясь. Ноги сами вели её.

– Кто-нибудь! – крикнула она, но крик её разлетелся в пустоте, и вряд ли кто-то её мог бы услышать. Наверняка все сидят сейчас в тёплых домах, греются у своих печей или под тёплыми пледами.

– Эмили, – призраком донеслось до её ушей. Голос был так ей знаком. Она резко обернулась и застыла, как вкопанная, опустив руки, которыми минуту назад пыталась себя согреть. Дождь более не мог помешать ей. Её глаза были распахнуты, как будто небесная вода уже не попадала в них, хотя ливень и не думал утихать.

– Папа...

Эмили прошептала это так тихо, что сама вряд ли слышала сказанное. Но зато она четко видела стоящего перед ней Теодора, улыбающегося любимой дочери. Слезы покатились из глаз девушки, смешиваясь с дождём. Их отличие было лишь в том, что они обжигали кожу, а не охлаждали.

– Это я, милая, – глаза Теодора заблестели, и он закрыл их руками, чтобы вытереть ненужную влагу, которая вот-вот готова была покатиться по щекам, – это я, – повторил он,

убеждая Эмили, что это всё взаправду. После долгих лет разлуки они действительно стояли друг перед другом, вновь друг друга нашедшие. Это было невероятно.

Сон. Эмили теперь понимала это, отчего лишь сильнее хотелось плакать. Она готова была поверить в любую магическую силу, вернувшую отца, лишь бы это не было сном. Но реальность порой бьёт сильнее, чем ивовый прут, которым наказывают самых непослушных детей.

– Я так скучаю по тебе, – шептала Эмили, и Теодор слышал её. Даже если бы она молчала, он бы понял всё, что бы она ни захотела ему сказать.

– У меня мало времени, Эмили, – сказал он, – но мне нужно сказать тебе, – его лицо вдруг стало серьезнее, – найди красный дуб. И оттуда следуй за лисом. Тебе нужно найти его.

– Что мне нужно найти? Я не понимаю, папа, о чём ты говоришь?

– Я говорю о...

Последнее слово Эмили не услышала. Земля начала трястись прямо под их ногами. Везде появлялись трещины, как будто сейчас они с отцом провалятся прямо вниз.

– Мне страшно, – громче сказала Эмили, с надеждой посмотрев на то место, где должен был быть её отец, и где его в этот раз не оказалось, – нет, нет, нет, папа, не бросай меня! Не бросай меня, пожалуйста! – она плакала, не сдерживая себя. – Я не хочу снова потерять тебя! Папа!

Земля разошлась под её ногами, и Эмили провалилась в зловещую бездну, в отчаянии, зовя на помощь Теодора. Ей было страшно. Последний раз она ощущала такой животный страх, когда видела, как её мать падала на колени рядом с охотничьей группой. Эмили закричала.

И проснулась. Когда она только открыла глаза, она поняла, что Нина сидит перед ней и трясёт её за плечи.

– Моя девочка, – Нина обняла свою дочь, крепко прижимая к себе, – что случилось? Что тебе снилось?

Эмили не сразу ответила, пытаясь восстановить дыхание. Она вдруг почувствовала жгучую боль чуть выше груди и посмотрела туда. Там был кулон, подаренный её матерью вчера утром, и он ощущался раскалённым металлом на бледной шее. Эмили пришлось сорвать его, и лишь тогда боль отступила.

– Просто кошмар, всё хорошо, – постаралась убедить Нину Эмили, – кулон шею передал, видимо, – решила соврать она. Ей не хотелось рассказывать про отца. Она знала, что этим лишь расстроит мать и заставит её переживать.

– Ты уверена?

– Уверена, мама, – Эмили легла обратно на подушку, – я хочу спать. А кулон надену утром.

Нина поцеловала дочь в лоб и вышла из комнаты, пожелав ей добрых снов. Но Эмили больше не хотелось спать. Всю оставшуюся ночь она провела в глубоких раздумьях, так и не сомкнув глаз.

На утро она надела-таки кулон снова, чтобы проверить сложенную за ночь теорию о том, что кошмар ей приснился из-за него. И в следующую ночь догадка подтвердилась.

Она крепко уснула, а, когда оказалась в каком-то лесу, где повсюду пели птицы и слышался шелест густой листвы, была уверена, что находится уже в завтрашнем дне, даже не задумываясь, что не помнит из него ничего до этого самого момента. Как и в первый раз, она не сразу осознала, что всё ещё спит. Пока события не охладили кровь в венах, сон казался улучшенной версией реальности, сладкой и манящей, тихой, где хотелось остаться. Перед Эмили находилось высокое дерево с толстым выющимся стволом и листьями интересного узора. Оно было тёмно-красного цвета, будто облитое кровью, что создавало не самое приятное впечатление. Когда она обратила внимание на висящие на ветках жёлуди, то узнала в этом дереве дуб. Красный дуб. И вот тогда кошмар начал проявлять себя. Эмили ущипнула себя за руку, надеясь проснуться, но это не помогло. Ей сильно хотелось выбраться из этого сна, чтобы не чув-

ствовать страха и боли, которые настигают каждого, кто видит кошмары. Ей не хотелось, чтобы всё повторилось вновь.

– Эмили, – послышалось сзади, и она закачала головой, пытаясь не сосредотачиваться на этом голосе, – Эмили, посмотри на меня.

«Это всего лишь сон, это не мой отец, это просто сон» – отчаянно убеждала себя она.

– Милая, кулон не навредит тебе, – продолжал голос, – он защищает тебя. Тебе нужно найти дуб, я не смогу постоянно приходить к тебе. Найди дуб, и лис проведёт тебя к реке. Помнишь сказку про Волшебное королевство? Я был там, Эмили. Я был там, милая.

Эмили, наконец, решила повернуться. Она снова увидела перед собой отца, но теперь она не была так доверчива, как в прошлый раз, хотя её сердце больно покалывало.

– Оно существует, – говорил её отец, – найди его, ты должна закончить то, что не смог я. Следуй за лисом.

– Прекрати, пожалуйста, – Эмили схватила за голову. Она не понимала, о чём говорил Теодор, что это вообще за чепуха про Волшебное королевство?

– Не веришь мне, так проверь. Найди красный дуб и лиса. И ты убедишься в том, что я говорю правду.

«В прошлый раз сон был гораздо короче, что не так?» – думала Эмили, бегая взглядом по окружающей её местности, состоящей, в основном, из каких-то сухих коряг, торчащих из земли, и деревьев.

– Я не знаю, Эмили, я не должен тут задерживаться, – сказал Теодор, словно прочитав её мысли, и от этого ей стало не по себе, – но помни, что ты должна сделать. И помни, что я люблю тебя. Что бы ни случилось, ты моя маленькая храбрая девочка, которая со всем справится, – мягче добавил он.

У Эмили вновь брызнули слёзы из глаз, которых она не смогла удержать. Во сне, а тем более при виде её мертвого отца, которого, с момента его смерти, она так долго не могла отпустить, веря, что он попал в дурацкую волшебную страну, ей были неподвластны эмоции.

– Я тоже тебя люблю, папа, – прошептала она, и затем её резко выдернуло из царства Морфея. Она подскочила на кровати, вся в холодном поту и с мокрыми волосами, прилипшими к щекам. Она дотронулась до своих глаз и ощутила влагу на пальцах. Кажется, она плакала. Ей стало невероятно грустно после того, что она видела. Конечно, страх не овладел ею, и она не падала в тёмную бездну, но её сердце сжималось. Она всегда будет тосковать по своему отцу, но всё это время она продолжала жить дальше, а теперь эти сновидения напоминали ей о давно ушедшей боли, оживляя её. И чтобы не чувствовать этого, Эмили не легла спать, но вышла на улицу и пробралась в стойло к Грому, после проведя с ним рядом всю оставшуюся ночь.

Глава 8. Новости

Кошмары ещё преследовали её, даже тогда, когда она ложилась спать без кулона. Разница была лишь в том, что с ним она помнила всё до мельчайших деталей, и весь день ходила измотанная, точно после какой-нибудь погони. У Эмили было плохое предчувствие. Свои кошмары она считала дурным предзнаменованием, но, к сожалению, не могла их разгадать. Ей хотелось рассказать об этом кому-то, возможно, свежий взгляд подскажет, что с ней происходит. Что значит этот дуб, который она видела каждую ночь, и почему именно отец является ей в сна-видениях.

Волновать маму не хотелось, с Лизой они не виделись уже несколько дней, к Маркусу идти также не было ни малейшего желания, поскольку Эмили предчувствовала, что стоит ей ступить за порог их дома, как разговор снова пойдёт о свадьбе, а сейчас было уж точно не до неё.

Тогда оставался один вариант, который прежде показался бы Эмили диким и нелепым, а может быть даже и не пришёл бы ей в голову. Однако, за неимением другого, она отважилась на страшашую не хуже кошмаров затею.

Дело в том, что в Капитайбуре, ближе к восточной его части, жила старуха. Насколько Эмили известно, в молодости та была повитухой, да при том одной из лучших в своём деле, а потому к ней шли все живущие неподалёку беременные женщины, чтобы она приняла роды. Но, как говорят, из-за того, что она была одинокой, и у неё не было своих детей, она впала в глубокую печаль, и отчаяние пробудило в ней какие-то магические силы, с помощью которых она могла видеть будущее человека. Некоторые ходили к ней, чтобы та открыла им грядущее, из-за жгучего любопытства, кто-то – от безвыходности, но многие жители боялись её и запрещали детям ходить к её дому, опасаясь, что она заберёт их или их души. В общем, вокруг неё ходило много дурных слухов, но не всем из них стоило верить. Кто-то вообще полагал, что она просто старая одинокая женщина, сошедшая с ума, и угрозы не представляет. Что до Эмили, то она хоть и слышала об этой старухе, но никогда не интересовалась её историей. Более того, она не сильно верила в подобные магические силы и тем более в то, что кто-то может увидеть будущее. Но теперь она была как раз одной из «отчаявшихся», и старуха была хоть небольшим, но всё же лучом надежды.

Эмили направилась к ней незамедлительно. Дорога заняла куда больше времени, чем хотелось бы. Эмили поехала на Громе, сказав матери, что ей нужно увидеться с Лизой, однако на всём пути приходилось делать некоторые остановки. Был обычный будний день, и в это время все жители работают вне дома. Первым из встретившихся на пути соседей стал недалеко живущий старик, поджарый и очень бодрый для своих лет. Он с внуками шёл работать в поле. Завидев его, Эмили поздоровалась, а он махнул ей рукой и с приветливой улыбкой произнёс:

– Повезло друг с другом, дочка! Ну вы и молодцы! – смеясь, он прошёл мимо неё.

Эмили не понимала, о чём говорил сосед, но не стала брать в голову и поехала дальше. Второй на пути встретила её подруга её матери, с которой они иногда собирались вечером поговорить обо всём насущном. Эмили поздоровалась и с ней. А увидев, что женщина растопыривает руки, идя ей навстречу, пришлось слезть с коня и позволить крепким загорелым рукам сжать себя до хруста в спине.

– Моя деточка! Хорошая! – распялялась мамина подруга, а Эмили пыталась ей улыбаться, всё ещё не понимая, о чём сговорились сегодня местные.

– Спасибо, – неуверенно отвечала она.

– Красавица такая! Как же мать одна останется. Ну и ничего-ничего! Переживёт! В конце концов, сама была такой, понимает. Эмили, как я счастлива!

– Как это «одна останется»? – переспросила Эмили. Всё происходящее уже начинало казаться ей какой-то плохой шуткой.

– А как же ещё? Нечего с ней оставаться, вы чего это, чтобы молодые, да и с матерью невестки жили. Нечего-нечего! Маркус вон парень на все руки, красавец, умница, ещё какой дом построит!

Эмили стояла, как вкопанная, уставившись на знакомую.

«*О нет*» – проносилось у неё в голове в мольбе, – «*нет, нет, нет*».

– Вы уж там не затягивайте, я вам на праздник таких пирогов напечь собралась, ум отъешь!

Эмили смогла поехать дальше только после того, как выслушала все новости из жизни маминой подруги. Но теперь ехать никуда не хотелось. Судя по всему, сосед, встретившийся ей первым, тоже говорил о помолвке. И если уже двое о ней знают, знает и весь Капитайбур. Это означало, что свадьба уже готовится. Эмили вдруг вспомнила, как мама говорила, что выкроит четыре дня, стараясь держать помолвку в тайне, чтобы Эмили могла собраться с мыслями. Как она могла забыть об этом! Четыре дня прошли, и теперь новость за одно утро разнеслась по всей округе. Видимо, Александр, как старший в семье, а также как глава их городка оповестил людей о предстоящем событии. Ещё бы, его сын женится. О таком, вне всяких сомнений, должны знать все.

На пути Эмили встретилось не мало людей, и она выслушала от них столько поздравлений, сколько не слышала, пожалуй, за всю свою жизнь. Ей вновь пришлось задуматься о собственном будущем и столкнуться с пугающей неизвестностью. Сейчас она готова была отдать всё, лишь бы у неё было ещё немного времени. Но разговоры соседей и знакомых напоминали о стремительно несущихся на неё переменах в жизни, которых, казалось, невозможно было избежать.

Дом старухи выглядел, откровенно говоря, не очень, и его вид вызывал сочувствие. Сразу было видно, что у неё нет никого, кто навещал бы её и тем более помог выправить крышу, отделать порожек, который вот-вот развалится, поправить завалившийся забор.

Эмили передёрнуло.

– Ну нет, я такой точно не буду, – на фоне всех событий, она представила себя такой же старой и одинокой, но тут же отбросила эти мысли.

Поднявшись по ступенькам, она громко постучала в дверь, предварительно оглянувшись. Если кто-то узнает, что она была здесь, то люди тут же начнут шептаться о всяком, придумывая самые разные причины её визита, и кто-нибудь точно свяжет это со свадьбой, а Эмили не хотела, чтобы слухи касались Маркуса. Поэтому она старалась быть осторожной.

Никто не открыл ей. Тогда она постучала второй раз, громче прежнего. За дверью послышались шаги и тяжёлое дыхание, от которого мурашки бежали по спине. Вскоре дверь открылась, и перед ней предстала та самая старуха из рассказов. На вид она была совершенно обычной, только запах, исходящий от неё, отталкивал. Но волосы её были причёсаны, глаза, хоть и затуманенные, как у всех стариков, живо бегали, и у неё даже не было острых длинных ногтей.

– Проходи, – не дав Эмили сказать и слово, старуха развернулась и ушла вглубь дома, оставляя дверь открытой. Девушка последовала за ней.

В доме тоже стоял терпкий запах старости, неприятно бивший в нос. Но его вполне можно было стерпеть.

Старуха ждала её в кресле, закутавшись в поношенную шаль, которая была уже вся в дырках. Эмили села в кресло напротив и сложила руки на коленях, не зная, с чего начать. Она успела подумать, что, возможно, прийти сюда было не очень хорошей идеей.

– Поздравляю со свадьбой, – пожившись в кресле, начала говорить старуха, – жених у тебя хороший. Дети будут красивые.

«Даже она знает. Поверить не могу»

– Спасибо.

– Что привело тебя ко мне, дитя?

– Я... – Эмили отвела взгляд в сторону, – честно говоря, я и сама не понимаю. Я слышала, вы можете видеть будущее?

– Ты хочешь узнать своё будущее? Разве о нём не говорят сейчас на каждой улице? – старуха хрипло засмеялась.

«Ещё и смеётся надо мной»

– Не обижайся на бабушку, – добавила она, – ко мне нечасто заходят, дай хоть посмеяться.

– Не беспокойтесь, – продолжала Эмили, – я не за будущим пришла. Но, вы знаете, меня каждую ночь стали мучить кошмары. Мне так страшно. И я не знаю, с чем они связаны. Может, это какой-то знак?

Старуха попросила рассказать сны подробнее, что Эмили и сделала, а затем задумалась. Она сидела в кресле молча довольно долгое время, прикрыв глаза, от чего казалось, что она просто-напросто уснула. Но вскоре она резко распахнула их, напугав Эмили, и начала говорить.

– Жених у тебя хороший, но замуж ты не хочешь. Рано тебе детей. Ты просила помощи, избавления, хотела судьбу изменить, вот тебе и помогли. Сама навлекла ты на себя кошмары. И они не покинут тебя, пока ты не последуешь за Духами.

– Какими духами? – Эмили испугалась не на шутку. И от слов старухи, и от её интонации. Она говорила, будто заговорщица, хрипя и наклоняясь всё ближе, практически не моргая.

– Молись, девочка, чтобы это были добрые Духи. Кулон не снимай с шеи. Иди туда, куда отец твой показывает. Только так узнаешь, его добрый дух отозвался или что-то иное, – выделив «иное», старуха закончила свою устрашающую речь и откинулась на спинку кресла.

Эмили хотелось рвануть отсюда и бежать домой как можно быстрее, но последний вопрос не давал ей покоя.

– Скажите, мне суждено выйти за Маркуса?

Старуха уставилась вверх, словно что-то там разглядывая.

– Хороший у тебя жених. Ты будешь хорошей женой. Но быть ей сейчас или потом – тебе решать. Я не могу за тебя этого сделать. Только ты знаешь, как поступить правильно.

– В том-то и дело, что я совершенно ничего не знаю, – печально вздохнув, ответила Эмили.

Старуха встала и прошла на кухню, к шкафу. Порывшись там некоторое время, она принесла Эмили какие-то травы и коренья.

– Завари с этим чай и выпей на ночь. Он успокоит твоё сердце, и тогда ты сможешь отыскать в себе ответ. Глаза тебе твои не помощники, но смотреть придётся внимательно.

Эмили, хотя и не до конца понимала сказанное старухой, поблагодарила её, взяла травы и отправилась домой.

Но и там её ждал очередной сюрприз, который звали Лизой. Эмили и не пришло в голову, что раз все знают об их помолвке с Маркусом, то и Лиза тоже, очевидно, узнала. Хуже всего то, что она узнала об этом от посторонних лиц, из разговоров, а не напрямую от кого-то из их компании, которая разваливалась на части.

– Выйдем поговорить? – предложила Эмили, потирая руки, не желая, чтобы Нина услышала хоть что-то из их разговора, который обещал быть неприятным. Но Лиза будто проигнорировала её слова.

– Как ты могла?!

Эмили не помнила, когда последний раз видела, как Лиза плачет. Но сейчас она смотрела на красные припухшие глаза подруги и слёзы, катившиеся по её щекам.

– Я тебя спрашиваю! Что я тебе сделала? Как ты могла?!

– Лиза, прекрати сейчас же, что между вами произошло? – встряла Нина, пытаясь успокоить подругу своей дочери.

– Мама, не нужно, я сама, – Эмили хотела увести Лизу подальше, но боялась её тронуть и усугубить ситуацию.

– Лиза, дай мне объяснить. Я не хотела, клянусь тебе!

– Не хотела? – сквозь слёзы она издала нервный смешок. – Это не то, что может выйти случайно, Эмили! И – вот странность! – ты решила выскочить замуж за Маркуса сразу после того, как я призналась тебе во всём.

– Да не хочу я выходить за Маркуса! – от безвыходности положения выпалила Эмили.

– Эмили! – осекла её Нина.

– Я не знала, что родители собираются устроить эту свадьбу!

– Надеюсь ты простишь мне, – хмыкнув носом и задрав подбородок, говорила Лиза, – что я не приду на торжество. Желаю Маркусу всего наилучшего. А тебе... Тебе я желаю найти своё достоинство, которое ты где-то обронила.

С этими словами Лиза ушла.

– Стыдно ей должно быть! Какая же она грубая, но ты не бери в голову, милая, она не в себе, – Нина хотела обнять дочь, но та отпрянула и зашагала в комнату, желая побыть одной.

Голова разрывалась от всего, наплывшего на неё. Помолвка с Маркусом, день свадьбы, который ещё не определён, разговор с Лизой. К счастью, к ночи Эмили вспомнила про слова старухи, заварила чай из трав и корней, выпила получившуюся горькую субстанцию до дна и легла с тяжёлой головой спать.

Почему-то в этот раз ощущение того, что всё происходящее – сон, не покидало её с самого начала, несмотря на то, что всё вновь казалось вполне настоящим.

Эмили очутилась у дверей дома Маркуса. Она не понимала, почему именно здесь, и только ждала, когда же всё начнёт идти не так, и земля разверзнется под её ногами или случится что-нибудь ещё.

Она решила постучать в дверь. Всё было как в тумане. Вдруг Эмили увидела большие глаза своего друга, но остальное лицо будто бы не могла разглядеть.

– Тебя что-то беспокоит? – спросил теперь уже её жених.

– И да, и нет, – ответила Эмили и дотронулась до своего кулона, – с тех пор, как мама подарила его, мне каждую ночь кошмары снятся.

Маркус взял украшение и покрутил в пальцах, внимательно разглядывая.

– Это же просто безделушка. Не обижайся, но мой отец сделал бы лучше, – поскольку по профессии отец Маркуса был плотником, весь их дом был уставлен всякими приспособлениями, вещами и предметами мебели, сделанными им собственноручно из дерева. Он также работал на продажу, так как товар его всегда пользовался большим спросом, будь то выструганные стулья с резным узором на спинке или детские игрушки. Маркус также научился отцовскому ремеслу и часто помогал с работой.

– Это не безделушка, – возразила Эмили, – мне это отец подарил. Точнее, хотел подарить.

– И что именно тебе снится? – поинтересовался Маркус, и его подруга достаточно ярко описала все свои сны, подробно рассказывая не только про события, но и про чувства, которые охватывали её.

Маркус, выслушав всё, немного помолчал, потирая шею.

– Не знаю даже, что сказать, – растерянно выдал он.

– Не нужно ничего говорить, – Эмили улыбнулась, – мне хотелось поделиться всем с кем-то. И я рада, что ты меня выслушал.

– Я всегда готов помочь, Эм, ты же знаешь, – Маркус приобнял её и улыбнулся в ответ.

– Просила же, никакой Эм! – Эмили несильно толкнула его локтем. Хотя даже если бы она сделала это в полную силу, он бы не почувствовал.

Во сне она не ощущала никакого дискомфорта или неловкости, они сидели друг рядом с другом словно друзья, как в старые добрые времена, и ей было так хорошо и спокойно. Этот сон не был похож на кошмар. И Эмили подумала, быть может, снадобье старухи действительно помогло, и она сможет спать спокойно.

– Как скажешь, Эм, – передразнил её Маркус, – кстати, могу предложить хорошее лечение от кошмаров. Зайдёшь на торт? Я сам пёк. Он, правда, подгорел снизу, я, всё-таки, не повар, но... – он смущённо потёр затылок, а она, зная об отсутствии кулинарных способностей у друга, понимала, что из его инициативы могло выйти.

– А что за повод?

– Так у отца день рождения.

– День рождения?! – Эмили подскочила на месте. Со всеми этими кошмарами у неё напрочь вылетело из головы такое событие! Она чувствовала себя сейчас виноватой в том, что заиклилась только на своих переживаниях. – А я и подарка не принесла, – расстроено сказала она, забыв и о том, что всё ещё спит. Сон окутывал её всё сильнее и казался всё более реальным.

– Шутишь, что ли? Какой подарок, мы тебе всегда рады, – Маркус поднялся. – Идём же, – он взял её за руку и потянул за собой.

– Ну ладно, – согласилась Эмили, – ты меня уговорил, – она весело поднялась за ним по лестнице, и они, забыв обо всём неприятном, с улыбками зашли в дом. Эмили сидела за столом напротив Александра, которого, в отличие от Маркуса, она видела очень чётко. Он был точно живой: на вид строгий, в потёртой рабочей рубашке и с грубыми руками, которые практически всегда были заняты работой и держали либо сухое дерево, либо плотнические орудия. Его можно было назвать неоднозначным человеком. У него была добрая душа, и все знали об этом, но при этом многие его боялись из-за порой чрезмерной серьёзности и должности главы. Тем не менее, не было в Капитайбуре никого, кто не уважал бы Александра. Конечно, люди видели в нём надёжного человека, на которого можно рассчитывать. Он любил работать, и этого у него было не отнять. Он не мог весь день просидеть, ничего не сделав в поле, дома или где-то ещё. Всё кипело у него в руках, и Маркус втайне восхищался этой отцовской способностью.

– С Днём Рождения, Александр, – с улыбкой сказала Эмили, не смущаясь строгости мужчины, давно привыкшая и к ней, и к нему в общем. Они всегда обращались друг к другу по имени, отчасти и из-за их близких отношений, но в большей степени потому, что в Капитайбуре так было принято между знакомыми и тем более близкими людьми. Даже молодёжь обращалась к старикам по имени, и это вовсе не считалось неуважением. Главное было назвать полное имя, а не сокращение. А вот дети чаще называли старших не по имени, а по их социальной роли, то есть: «дедушка», «бабушка», «мама», «папа», «сестра», «дяденька», «тётя» и т. д. Правда, допускалось и сочетание названия социальной роли и имени, если то было известно, к примеру: «Бабушка Зоя».

– Мне так жаль, – продолжала Эмили, – но я не принесла подарка.

– Эмили, ты здесь всегда желанный гость, – Александр отпил из чашки крепкого чая, – так что на этот раз, так и быть, я тебя прощу, – он едва улыбнулся и подмигнул, но Эмили и так поняла, что это была шутка, на что добродушно усмехнулась.

Маркус разрезал торт и разложил всем троим на тарелки.

– Угощайся, Эм, – сказал он ей, и Эмили, вскинув бровь, окинула его скептическим взглядом, как будто говорящим: «Опять ты меня назвал Эм». Маркус же это проигнорировал.

Время минуло быстро и незаметно, за разнообразными разговорами и бесконечным кипятком с травами Эмили и не заметила, как стемнело. Она поняла это только тогда, когда все сделали паузу, в доме наступила тишина, и, отпив самодельного чая, она подняла глаза к окну.

– Ой! Мне же давно пора, – она подскочила с места, беря глиняную тарелку в руки, чтобы убрать, но Маркус жестом остановил её, сказав, что уберёт всё сам, – очень рада была провести с вами время. Ещё раз с днём рождения, – она кинула взгляд на Александра, и тот встал из-за стола, чтобы проводить гостью. До самой двери он шёл молча, и только когда девушка переступила через порог, напоследок сказал ей.

– Я всегда уважал твоего отца и верил ему, несмотря ни на что. Береги себя, – он развернулся и скрылся за одной из деревянных стен, в проходе, ведущем в его мастерскую.

Эмили нахмурилась, не понимая, что значат его слова. Но спросить она не решилась, поэтому просто направилась домой.

– погоди! – Маркус догнал её через минуту, чтобы проводить. – К чему это он сказал? – задал вопрос он, имея в виду своего отца.

Эмили пожала плечами.

– Может, он слышал, о чём мы говорили на лестнице?

Маркус кивнул, и они на какое-то время замолчали. Пройдя какое-то расстояние, Эмили вдруг остановилась и выпалила на одном дыхании.

– Я хочу уехать.

Маркус остановился и вопросительно посмотрел на неё; складка выступила между его бровей.

– Куда это?

– В лес. Туда, куда меня отец и позвал. Хочу найти этот красный дуб и убедиться, что это всё были глупости из кошмаров.

– Ты с ума сошла?! – Маркус заметно повысил тон, и его басовитые нотки в голосе теперь звучали устрашающе. – Да ни за что я тебя туда не пущу!

– Маркус, пойми, – она взяла его за руки, скорчив многострадальческую гримасу, пытаюсь объяснить ему правильность своего решения, – я должна рискнуть. Я знаю, что это опасно, но со мной ничего не случится, поверь мне! – сказала она, по правде сама себе не веря. Она не боялась леса, смотря на него издалека и не смея туда входить, но когда пришло время решаться на такой безумный поступок, в её голове засели мысли, полные сомнений и страхов, которые пока ещё она могла перебороть.

– Нет, ты не знаешь! Это ОЧЕНЬ опасно, – выделил он, – что бы ты ни задумала, ты не пойдёшь туда.

– Почему? Потому что меня могут съесть злые серые волки? Или потому что я могу заблудиться? Или это потому..., – она не успела закончить, как Маркус прервал её.

– Потому, что там погиб твой отец.

Эмили резко замолчала, стоя с открытым ртом. Она хотела что-то ответить, но то, что сказал Маркус, напрочь выбило её из колеи, и она не могла произнести и слова. Она была поражена услышанным и даже напугана. Отдалённо разумом она понимала, что Маркус просто переживает за неё, но не могла пустить эту мысль на первый план.

– Эм. Твой отец был великим охотником среди нас, он был ловок и силен. И он не вернулся. Теодор мог заблудиться, угодить в ловушку, выставленную другими охотниками, или его могли загрызть звери. Если его поглотил этот лес, как, к слову, многих до него, то тебе уж точно там не место. Ты понимаешь это? – он приобнял её за плечи, приводя в чувство.

– Понимаю, – тихо ответила Эмили и кивнула. У неё начинала болеть и кружиться голова, а земля будто размякала под её ногами. Она приложила ладонь ко лбу, взглянула на Маркуса, но тот будто проигнорировал её жест.

– Я просто хочу, чтобы всё стало нормально. Как раньше.

– Ничего уже не будет как раньше, Эм, – сказал ей Маркус, и она взглянула на него, словно на какого-то незнакомца, – оставайся здесь, со мной. И тогда всё будет хорошо. Тебе будет спокойно.

Внутри себя Эмили ощущала разрастающийся ураган эмоций. Она вдруг ощутила ужасную тоску, как будто её жизнью управлял невидимый кукловод, а она должна была повиноваться. Ей было страшно. Страшно от неизвестности, в которую она погружалась. Страшно от того, что её разрывали на части: кошмары, отец в них и, казалось, всё существо твердило ей бежать непонятно куда, и в то же время Маркус, такой знакомый, убеждал её остаться.

Эмили не помнила, как простилась с Маркусом, как не помнила и обратную дорогу. Уже смеркалось, когда она скрипнула дверью и переступила порог. В доме было тихо, видимо, её мать куда-то ушла.

Дверь бесшумно закрылась за её спиной, и она поняла, что ничего не видит. Было слишком темно, поэтому Эмили на ощупь пошла к свече, чтобы зажечь огонь. Холодок пробежался по её коже. Отчего-то дрожь охватила руки.

Трясущееся пламя ненадолго согрело её. Приблизив свечу к груди, Эмили осторожно начала разворачиваться, чтобы уйти с ней в комнату, но не смогла сделать и шагу, застыв от ужаса. Напротив неё стояло высокое зеркало, с её рост, в нём она видела себя и стоящую за ней фигуру своего отца.

– Твоя судьба не здесь, – сказал он, и тень пламени танцевала на его левой щеке, – следуй за лисом.

Эмили закричала. Так пронзительно и истошно, как не кричала никогда. Ужас застыл в её жилах. Крик прорезал воздух, зеркало треснуло, и от эмоционального и физического напряжения она резко проснулась на кровати, снова в слезах и холодном поту. Кулон, как и прежде, жёг ей шею, и ей пришлось снять его. Голова раскалывалась на части. Эмили не сразу опомнилась и осознала, что она только что проснулась. Она бросила взгляд на пустую чашку и поморщилась. Снадобье должно было помочь ей найти ответ, но сон был таким запутанным и долгим, что Эмили не понимала, где именно этот ответ искать.

Утром Эмили застала маму за готовкой. Как выяснилось позже, сегодня к ним должны были приехать Александр с Маркусом, чтобы договориться о дне свадьбы. Эмили, услышав эту новость, не могла сказать ничего, только тяжело вздохнула и пошла готовиться к приёму гостей.

Нина достала последний мешочек муки, который у них хранился в кладовке, и взяла часть для капустного пирога. За эти дни праздников тратили продуктов они много, и Эмили думала, что скоро им нечего будет есть. Но когда она говорила об этом матери, та лишь смеялась и отвечала, что ей хватит, а дочь у неё скоро заживёт как принцесса.

Гости прибыли ближе к вечеру, когда утренние работы были закончены, и начиналось время отдыха. К этому моменту Эмили успела привести себя в порядок, отдохнуть и выглядела теперь свежо и бодро. Хотя небольшие мешки под глазами выдавали лёгкую усталость после бессонных ночей.

– Добро пожаловать, – с улыбкой поприветствовала она вошедших и обнялась с каждым.

Вскоре они сидели все вместе за столом, и Эмили не покидало чувство, будто они делали так уже огромное количество раз.

– Чего ж мы тянем, пора и день выбирать, – посреди беседы сказал Александр, и все, несомненно, сразу поняли, о чём шла речь, – мы с твоей матерью не молодеем, ждать долго не сможем, – он громко захохотал, и, казалось, хохот его сотряс стол и стулья.

– Поверить не могу, что скоро мы станем одной семьёй! – Нина поддерживала его весёлое настроение, а Маркус же то и дело поглядывал на свою невесту, пытаясь понять, о чём она думает, и в каком расположении духа пребывает. Он помнил её слова о том, что она не хочет замуж, и очень переживал, что сделает её несчастной. Сам же он о своих желаниях задумываться не привык, поэтому у него даже не возникало вопроса, хочет ли он жениться. Отец сказал ему, что пора бы ему остепениться, и он принял это, как данное. Тем более что сватали ему его близкую подругу, которой он всегда дорожил. Так что он видел во всём этом что-то

само собой разумеющееся и не совсем понимал, почему у Эмили это вызывает столько переживаний. Он бы никогда не решил причинить ей вред.

– Что ты думаешь? – спросил он.

Эмили подняла на него взгляд, и лучи опускающего солнца блеснули из-под её ресниц, растворяясь в морской пучине. Она поджала губы, думая о чём-то своём. Она не знала, что ответить. Точнее, ей хотелось пожать плечами и отвернуться от своих собеседников, но она понимала, что тем самым обидит и Маркуса, и Александра, которые всё это время, несмотря ни на что, были к ней крайне добры.

– Мне подойдёт любой день, – с улыбкой ответила она, – только кроме завтрашнего. Так скоро я не смогу быть готова.

– Сразу видно, наш человек! – весело стукнул по столу Александр. – Тогда в тот день, что пойдёт следом за завтрашним, мы и сыграем свадьбу. Решено!

– Как я счастлива! – воскликнула Нина.

Маркус положил свою руку на руку Эмили, и та вздрогнула от столь неожиданного и непривычного ей касания.

– А ты, Эм? – спросил он. – Ты счастлива?

– Пожалуй, – ответила она.

Глава 9. «Не держите на меня зла»

За день до свадьбы началась настоящая суматоха в виде разнообразных приготовлений. Официальная дата была объявлена, и дел у всех жителей приумножилось. Кто-то убирался в Святой обители, а затем украшал её цветами, венками и нежными шёлковыми лентами, кто-то – готовил лошадей и убирал лишнюю траву с тропинки, по которой должны были проехать жених и невеста, другие готовили как можно больше пирогов, пряников и всевозможных вкусовых, которыми будет украшен стол к ночи, не жалея муки из общих запасов, которые всегда имелись в городке на случай голодных времён и свадеб. И пока из одних погребов доставалась мука не самого худшего сорта, из других – веселящие напитки, начиная с бочек не слишком крепкого хмельного мёда, пива и заканчивая алкоголем покрепче, который по вкусу и крепости можно было отнести к тогдашнему виски. Конечно, были и не хмельные напитки, такие как яблочный сок, но их было меньшее количество, а о простой воде речи здесь совсем не шло. Не принято было тогда воду распивать, как делается в нынешнее время, хотя бы потому, что чистая вода была на вес золота. Да и потом, на свадьбы собирались все слои населения. Где как, но в Капитайбуре было не важно, беден ты или богат, приглашения никому не высылались, а потому на праздник ждали всех желающих. Не прийти без весомой причины считалось знаком неуважения.

У Эмили тоже было полно хлопот. И дом убрать, и наряд приготовить, и, конечно же, невозможно было избежать небольшого пикника. Перед замужеством молодые девушки любили подражать светским девицам, которые собирались небольшой женской компанией накануне вечером где-нибудь на свежем воздухе, брали с собой еды и проводили так время, пока не стемнеет. Конечно, пикник простых девушек значительно отличался, во-первых, едой, поскольку обилием фруктов люди более низких слоёв населения похвастаться не могли, во-вторых, масштабом. Вместе с Эмили на пикнике было ещё пять девушек, и это было совсем немного. Впрочем, ей было это не важно, однако она до последнего надеялась, что Лиза к ним присоединится. Но гордость не позволила бы ей прийти, и Эмили это понимала.

Она сидела с этими малознакомыми ей девушками и болтала на отвлечённые темы. Точнее, она всё пыталась заговорить с ними о чём-то, кроме свадьбы, но по итогу каждый раз они возвращались к утомительной для неё теме, и ей приходилось отвечать на глупые вопросы, заданные из любопытства.

- А как он за тобой ухаживал?
- А Маркус подарил тебе платье?
- Ой, скажи, Эмили, как он на тебя смотрит?
- Каково это, быть невестой? Мне так не терпится узнать!
- Расскажи, ну!

Вопросы перебивались девичьим хихиканьем, и Эмили отбивалась от них, как могла. Ей до сих пор казалось, что всё это происходит с кем-то другим, а она лишь сторонний наблюдатель. Она не могла дождаться, когда стемнеет, и им пора будет идти по домам.

Милая луна сжалась над девушкой и вытеснила солнце с неба, расправив широкие полы своего длинного синего платья, искрящегося тысячами звёзд. Стало прохладнее. Эмили собрала оставшуюся еду в мешок, с которым они сюда и пришли, свернула плед и сложила его туда же, и они вместе, друг за другом, направились по домам.

– Увидимся завтра, счастливица Эмили! – махнула рукой одна из девушек, и остальные подхватили её смех.

- Счастливица Эмили! – повторяли они, точно эхо.

Счастливица Эмили махнула им в ответ и ушла по узкой дорожке в сторону своего дома.

Подойдя к калитке, она услышала ржание Грома и решила его проведать. Она стала проводить с ним всё меньше времени и только теперь поняла, как скучает. Один он остался её преданным другом.

– Ну здравствуй, малыш, – отворив дверцу стойла, она подошла к своему коню и крепко-крепко обняла его за шею. Тот махнул ушами, как бы сердясь на неё за долгое отсутствие, но после прижал голову к её спине.

Какое-то время тишина окутывала их, и ничто не решалось прервать их объятия.

Но когда конь отпрянул от своей хозяйки, они оба услышали шорох в том углу, где была навалена солома. Эмили вздрогнула и не решилась пойти посмотреть, показалось ей, или там и вправду кто-то был. Шевеления продолжились, и, судя по ним, там пряталось что-то небольшое, может, какой-нибудь заяц или другой маленький зверёк.

– Выходи оттуда, – сказала Эмили, будто животное должно было понять её язык.

Она взяла Грома за шею, подтолкнула его вперёд, и он вышел из стойла вместе с ней. С ним ей было не так страшно.

Когда же лунный свет пробился сквозь щели конюшни или, правильнее сказать, конюшенки, поскольку она вмещала в себя только два стойла, Эмили смогла разглядеть чьи-то мохнатые уши и длинный поднятый вверх хвост.

– А ну! – она топнула ногой, чтобы зверёк убежал, но тот, сделав всё наоборот, вышел на свет и приблизился к ним.

Это был вовсе не заяц.

– Лиса? – Эмили была поражена и смотрела на тонкую лисью мордочку, её маленький нос и бегающие глазки. До неё не сразу дошло, что это была за лиса. В общем-то, это был лис, но не это было столь важно.

На свету ей удалось разглядеть его сероватую, а в ночи казавшуюся серебряной, шерсть и едва различимые рыжеватые полоски у шеи и на лапах. По рассказам, которые она слушала в детстве от охотников, она помнила лис рыжими, иногда с чёрными «носочками» на лапах или пятнышками на ушах, но никак не серыми. И только когда она задумалась о странном окрасе представшего перед ней зверька, её словно пронзило молнией.

– Корсак! – выкрикнула она и зачем-то тут же закрыла рот руками. Эмили было трудно поверить во всё происходящее, и она даже начала сомневаться, не очередной ли это сон. Но она глянула на свои руки, потрогала лицо, на всякий случай ущипнула себя и даже проверила ногой землю. На этот раз она никуда не собиралась проваливаться, и ничто вроде бы не собиралось её пугать.

«Это не сон?» – дивилась она. Пальцы сами потянулись к шее, где коснулись кулона, который она надела утром, что уже входило в её привычку.

– Что ты здесь делаешь, малыш?

Стоило только задать ей этот вопрос, как лис дёрнулся, лихо развернулся на лапах и побежал из конюшни.

– Стой! – крикнула ему Эмили. Она быстро, насколько могла, снарядила Грома, как делала перед каждой прогулкой, и, боясь не успеть, вскочила на него, и они вместе ринулись вслед за умчавшимся зверьком.

Не разбирая дороги, она неслась верхом на коне, вглядываясь в сгустившуюся темноту. По ногам бил тот же мешок с едой, который она прежде подвязала на поясе, чтобы не тащить в руках, и который теперь стоило бы перевязать на Грома для большего удобства. Честно говоря, она не понимала ни куда она скачет, ни зачем. Но такое ведь не могло быть простым совпадением? Не зная, чего ждать, Эмили внутри чувствовала, что надеется догнать лиса и увидеть что-то, узнать что-то, что заставит её следовать за ним дальше.

Она, в самом деле, настигла его. Но уже у самого лесного порога. Он сидел и вычёсывал лапкой блох и отреагировал на Эмили совершенно спокойно, будто ждал её. Когда же она подъехала достаточно близко, он вновь поднялся на четыре лапы и направился в Бескрайний лес.

– Подожди же ты! – Эмили побежала за ним, надеясь поймать, но он ловко скользнул в чащу, в которую она не решалась зайти. Она стояла перед могучими деревьями, задрав голову вверх и не видя их макушек, и отчего-то ей стало страшно и дико интересно пройти дальше.

– Что я делаю, – говорила она сама себе, – да что это со мной? Мне не следует сюда ходить.

В голове всплыли моменты её последнего сна, и громко зазвучала фраза: «Потому что там умер твой отец». Эмили поёжилась.

– Нужно возвращаться, Гром. Мне нельзя здесь быть. Наверняка лис просто заблудился, – она вернулась к своему коню, – с чего все взяли, что они у нас не водятся? Как по мне, так обычный корсак, верно?

Конь махнул хвостом.

– Перестань, это ничего не значит, – уверяла то ли его, то ли себя Эмили, – мне нужно домой. Там меня ждёт мама и... Маркус. И вообще у меня завтра свадьба.

Она замерла у лошадиного седла, вцепившись в него двумя руками.

– Я скоро буду чьей-то женой. Мне уже восемнадцать. Мне нужно думать о будущем.

На щеках почувствовался холодный ветерок, обдувающий мокрые дорожки от слёз.

– Это моё будущее.

Эмили уткнулась головой в седло и заплакала. Столько времени она боролась с собой, и теперь оставался последний шаг на пути к новому будущему. Она будто стояла перед камнем преткновения, и от её выбора сейчас зависело, куда заведёт её дорога. Но она не знала ни того, что окажется в конце первой тропы, ни того, что могло подстергать на второй.

Маркус, их общий дом, дети, обидевшаяся на неё Лиза, мама, которая, похоже, была счастливее неё, либо же пугающая мрачная неизвестность, где её вполне могла поджидать смерть.

Сомнения терзали её. Она не могла взять и сбежать, тем более неизвестно куда. Это было безумием и огромным риском. Но в голове крутилось только два слова: «*Что если*».

– Не хочу, – простонала она. Эмили не в силах была вернуться, всё отменить и зажить, как раньше. Даже если бы она с самого начала сумела дать отказ Маркусу, ей бы пришлось ловить на себе осуждающие взгляды отовсюду. И тем более если бы она отменила свадьбу накануне неё... Нет, этого бы ей сделать никто не позволил. В противном случае не было бы ей жизни в родном краю. Но никто не осудит её, если она исчезнет. Напротив, все будут жалеть бедную Эмили, так внезапно пропавшую перед самым счастливым днём в её жизни.

– Ужасная глупость, – твердила она сама себе, – глупость, глупость, глупость!

Эмили ощутила прилив необычайной злости, которая, скорее всего, явилась следствием эмоциональной изнурённости, вскочила на Грома и побудила его к галопу. Через несколько мгновений она уже мчалась в чащу Бескрайнего леса.

– Не держите на меня зла, – сквозь слёзы прошептала она.

• БЕСКРАЙНИЙ ЛЕС •

Глава 1. В лесу

Когда Эмили очутилась ночью в лесу, бесстрашие и безрассудство куда-то в миг улетучились, и она осталась один на один с темнотой. Но осознание того, что её конь всё ещё несётся по чаще, где может подвернуть ногу, споткнуться и упасть вместе с ней, пришло не сразу. Инстинкт самосохранения сработал верно, и вскоре она остановила Грома.

Эмили посмотрела по сторонам и прислушалась. Вокруг будто не было ни единой души, ничего. Даже ветер не колыхал листву, а конь затих, не выдавая никаких признаков своего присутствия. Словно всё умерло, и Эмили осталась совершенно одна.

– Нет, так не пойдёт, – чтобы развеять давящую на уши тишину, она заговорила с собой, разрезая ночной воздух словами, – я точно совершила глупость. Нужно срочно вернуться. Давай, мальчик.

Она развернула коня в ту сторону, откуда прибыла. Но, стоит сразу сказать, что, к своему ужасу, выхода из леса она так и не нашла. Он исчез как по волшебству. Эмили точно помнила, что никуда не сворачивала и не отклонялась от прямого курса, она скакала в одном направлении и возвращалась по той же дороге, если там вообще была какая-либо дорога. Если размышлять логически, она должна была найти путь домой. Но, вероятно, то, что происходит в Бескрайнем лесу, логике не поддаётся. К сожалению, она не знала об этом.

Эмили перепугалась не на шутку. Только она поддалась острым эмоциям, как тут же угодила в крупные неприятности, при том не совершив, будем честны, ничего такого ужасного.

Нельзя было сказать наверняка, сколько времени девушка потратила на поиски обратного пути. Глаза успели привыкнуть к темноте и различали размытые чёрные фигуры со всех сторон, судя по всему, являющиеся деревьями. Но так и не удавалось увидеть полную картину леса, что, само собой, только больше нагоняло страху.

Эмили не знала, что ей делать. Она только теперь поняла, что завтра произойдёт в Капитайбуре. Всё станет вверх дном, её мама, Маркус и Александр поставят всех на уши, и начнётся такая суматоха, которую и представлять не хотелось. Только теперь в груди ощущалось ноющее, ещё слабое, но грозившееся стать сильнее, чувство, что она всех подвела. Взяла, всё испортила, и, ко всему прочему, сама не может выбраться оттуда, куда залезла. Но вместе с этим чувством давало о себе знать другое – чувство облегчения. Кто-то невидимый внутри нащёпывал в ухо: «Зато ты избавилась от проблем», «Зато не нужно больше переживать из-за свадьбы». В какой-то мере это действительно было так, но Эмили понимала, что это очень эгоистичные мысли. И потом, жертвовать собой только чтобы не выходить замуж – как-то слишком, разве нет?

«Впрочем» – нащёпывал тот же эгоистичный довольный голос, – *«я же всё ещё жива»*.

Сбежать одной в лес – не решение проблемы. И не могло бы им быть. Однако Эмили уже была здесь, и ей не удавалось выбраться. Поэтому она заставила себя немного успокоиться и приняла решение остаться до утра. Возможно, она не видела дороги потому, что в принципе с трудом могла увидеть хоть что-то. А с утра, на свежую голову, выход непременно должен найтись сам.

Спешившись с коня, она на ощупь добралась до ближайшего дерева, присела на корточки возле него и прощупала землю. Она была мягкая, под пальцами чувствовался приятный мох. Не обнаружив ничего колючего и нежелательного, Эмили села, прислонившись спиной к деревесному стволу, всё ещё держа Грома за перекинутые через его голову поводья, не столько для того, чтобы он не убежал, сколько для того, чтобы не чувствовать себя одиноко и не так

сильно бояться темноты. Сложив руки на согнутых коленях, Эмили уткнулась в них головой, и собственное тёплое дыхание согрело её ноги. Она была в одном лишь обыкновенном платье, да в поношенных туфлях, которые также не назовёшь хоть сколько-нибудь защищающими от холода, а впереди была ещё целая ночь, то время суток, в которое обычно бывает холоднее всего.

Мурашки, но совсем не от страха, начинали ползть по спине. Сначала они показались жуками, и Эмили вздрогнула. Но вскоре поняла, что это происходит у неё в голове, и на ней нет никаких жуков. Тогда она поёжилась и снова положила подбородок на руки.

– Я совсем одна, – шептала она, крепче сжимая рукой ремень поводьев. Что же она надедала? В голове всплыли образы матери, которая ждёт свою дочь с дурацкого пикника. Совсем скоро, если это уже не произошло, Нина поймёт, что Эмили куда-то пропала, а узнав, что все девушки, которые были с её дочерью в этот вечер, находятся дома, без сомнений побежит к Александру и Маркусу. Тогда поднимут ближайших соседей, и все будут искать Эмили.

И как бы удивительно это ни звучало, но вряд ли кому-то придёт в голову сунуться в Бескрайний лес. У него слишком дурная слава, а потому никто из любопытных детей или, тем более, разумных и правильных взрослых не пойдёт сюда. Размышляя в этом же направлении, Эмили если и пропала куда-то, то уйти в лес ей просто «не могло прийти в голову». Возможно сюда и соберут поисковый отряд, но далеко не сразу. До того обыщут Капитайбур, всё у всех спросят и переспросят, на что, очевидно, требуется много времени.

Эмили не могла заснуть. Она не представляла, как здесь вообще можно спать. Бескрайний лес казался громадным диким монстром, и она была в его власти. Он смотрел на неё тысячью своих глаз, торчащих отовсюду, мелких и больших, спящих из стороны в сторону с расширенными от мрака зрачками. Чей-то едкий, внимательный взгляд чувствовался со всех сторон, само присутствие этого монстра было так явно, что воображение начинало рисовать картинки, образы его, склонившегося над маленькой Эмили с протянутой к ней мохнатой когтистой лапой, из которой торчат острые ветви. Он сам, властитель, побеждающий всех неудобных, возвеличивался над ней не как короли возвеличиваются над подчинёнными, а как чудовища, пугающие трусливого путника, смеющиеся над ним и выжидающие, когда его страх достигнет своего апогея.

Чем дольше Эмили сидела на месте, с обострёнными слухом, зрением, осязанием, тем больше появлялось разнообразных звуков. Постепенно начинали шуршать листья, поскрипывать кроны и потрескивать ветки, точно лес, наконец, пробуждался. Эмили хотелось заплакать, но она боялась, что этим отвлечётся и упустит что-то, не заметит или не услышит. Поэтому она так и сидела в одном положении, как каменное изваяние, иногда подрагивающее от холода, всю ночь.

Утро наступало в лесу очень долго. Встающее из-за горизонта долгожданное солнце не сразу пробилось сквозь плотную чашу. Заиграли первые краски. Точно от зарева, в небе переливались оранжевый, жёлтый и фиолетовый в начале, позднее смешиваясь с голубым и уступая ему ближе ко дню всё свободное пространство. Вершины деревьев же, однако, закрывали обзор, и Эмили не смогла бы вдоволь насладиться прекрасным пейзажем, даже если бы не было омрачающих настроение обстоятельств.

Она покинула свой своего рода ночлег в тот самый момент, когда стало достаточно светло, чтобы можно было разглядеть лес получше. Конечно, было самое раннее утро, и толком на произошедшие с лесом перемены она внимания не обратила. Перед ней была единственная важная задача – вернуться домой.

Гром тоже уже не спал. Взгромоздившись на него и протерев сонные глаза рукой, Эмили двинулась в путь. Но даже в самых отдалённых частях леса ни с одной из его сторон не было видно, где кончаются деревья. Лес был повсюду. Он буквально теперь стал целым миром, вра-

щающимся вокруг Эмили и не желающим её отпускать. Или, может, она не была уверена, что хочет его покинуть?

Она ехала до тех пор, пока солнце не оказалось прямо над головой, и лучи не начали повторную атаку теперь уже не из-за горизонта, а прямо сверху, отчаянно пытаясь пустить в чашу как можно больше своего света. И всё это время не было ни единого следа человеческого, ничего, что подсказало бы Эмили, что она на верном пути.

А тем временем Бескрайний лес преобразился. Из жуткого чудища, каким он был ночью, в обитель волшебства и света, в зелёное благоухающее царство, где в воздухе витают ароматы дикого мха, утренней росы и лесной свежести. Земля действительно была неровной, и Эмили повезло, что она смогла не упасть в кромешной темноте. Более того, в некоторых местах появлялись возвышенности, как некие небольшие скалы: снизу лежали булыжники, выкладывающиеся в своеобразную лестницу, ведущую наверх, налегая один на другой, и заканчиваясь только у земляной дуги, превращающейся в длинный лесной хребет, а после сходящей обратно, вниз. Такие «скалы», если можно было так их назвать, не были частыми гостями в Бескрайнем лесу, а, скорее, были просто хаотично разбросаны по всей его площади, так что и не угадаешь, где можно будет встретить подобное явление в следующий раз.

Единственным, что можно было отметить как особенность леса, то, что встречалось здесь на каждом шагу, были мхи. Они, как богато расшитый ковёр, покрывали землю, камни и даже низы деревьев, пушистые, создавая необыкновенную атмосферу уюта. Более того, они вполне бы подошли на роль мягкой постели, если бы Эмили решила всё-таки попробовать уснуть в первую ночь. Плотные, мхи, на первый взгляд, казались плоским, гладким слоем, но стоило лишь опустить руку на какой-нибудь из камней, она тотчас бы провалилась глубже, и её бы окутало зелёное облако, заботливо не пропуская к ней холодный ветер.

Лес, Бескрайний или какой-либо другой, не может не быть прекрасен. В разные времена года в нём сосуществуют практически все цвета, доступные человеческому глазу, и не любить лес не представляется возможным. Он может быть и комнатой уединения, и невероятным приключением, каким впоследствии он станет для Эмили, и усладой для зоркого глаза художника, и вдохновением для поющей души писателя, и много чем ещё.

Когда же Эмили начала обращать внимание на окружающую её природную красоту, она никак не могла понять, как она или кто-то ещё из знакомых ей людей, живя на земле, ходя по земле и питаясь от неё, знает о ней так мало? Она никогда не бывала в лесу, это было запрещено. Но она никогда и не видела ни таких маленьких каменистых «скал», ни высоких гор, также произрастающих из земли. Вряд ли охотники, единственные, кому было позволено заезжать в лес, и кто в принципе должен был знать его суть, задумывались о том, что есть вокруг них, помимо кабанов и прочих животных, рассматриваемых не более чем как в виде добычи. А может кто-нибудь из них и задумывался, почему знать. Но Эмили ясно ощущала, что её отчаяние сглаживается теперь убаюкивающими объятиями Бескрайнего леса, будто в нём была магия, незримая, но так или иначе воздействующая на человека.

Теперь Эмили точно понимала, что заблудилась. Сколько бы она ни шла, она всё больше сбивалась с пути и не имела представления о том, где находится. Всё определённо вышло из-под её контроля.

– В это время сейчас я бы уже вышла замуж, – подняв голову и посмотрев на расположение солнца, сказала Эмили Грому, единственному её собеседнику, – Маркус, должно быть, ужасно переживает.

Виновато опустив голову, Эмили постаралась отбросить эти мысли. Ей не хотелось чувствовать себя виноватой. Ей также не хотелось, чтобы кто-то из-за неё страдал, но чем больше она будет на этом заикливаться, тем хуже будет ей самой.

– И что мне здесь делать? – всплеснув руками, спросила она. – Покорно ждать смерти?

Гром недовольно зафыркал, и Эмили молча с ним согласилась. У неё тоже не было никакого желания здесь умирать.

В животе вдруг заурчало. Пока ещё тихое, это урчание обещало стать серьёзной проблемой примерно уже к вечеру, а потому Эмили решила подкрепиться. Какое счастье – думала она, – что последний вечер в Капитайбуре перед тем, как уйти в лес, она провела на пикнике, и у неё оставались продукты. Заглянув в мешок, она нашла там несколько яблок, сыр и надломанную буханку хлеба.

– Что ж, не богато, – заключила она, – но, как говорится, чем богаты, тем и рады, верно, дружок?

Эмили взяла для себя немного хлеба и кусочек сыра. Вдоволь наевшись, она откусила несколько раз от сочного красно-жёлтого яблока и позволила полакомиться этим Грому, чтобы и его настроение улучшилось. Она не могла сказать, как он себя чувствовал, но предполагала, что столь резкая смена обстановки не доставляла особого удовольствия. С другой стороны, в молодости он часто бывал в этом лесу, и если он ещё об этом помнит, значит, всё не так уж и плохо. На сытый желудок всё в целом не так уж плохо.

Закончив трапезу, Эмили поднялась с земли, отряхнулась и решила вспомнить все байки, которые доводилось ей слышать от охотников давным-давно. О том, как они выслеживали зайцев или даже оленей, о том, как они оставляли засечки на деревьях, чтобы не заблудиться. Надев невидимую маску охотника, Эмили решила поискать дорогу домой другим способом. Она высматривала свои следы, идя по ним, возвращаясь к началу своего пути; она искала взглядом обломанные ветви или что угодно ещё, что могло бы вывести её из леса. Но в какой-то момент следы обрывались и появлялись совершенно в другой стороне, на некоторых деревьях были заметны старые засечки, которые, на удивление, были расположены не в строгом порядке, но были разбросаны повсюду и вели, опять же, в никуда. А редкие сломанные ветви где-то сменялись на тонкие стволы молодых деревьев, упавшие, видимо, во время урагана. Вероятно недавно здесь проходил суровый ветер, и сейчас лес был в том состоянии, по которому нельзя было сделать полезных выводов. Ну или, по крайней мере, Эмили этого сделать не сумела бы.

Больше ей в голову пока ничего не приходило. Тем временем наступал вечер, и близилась очередная холодная, тоскливая и может быть вновь пугающая ночь. В этот раз Эмили освободила Грома от лишней экипировки, чтобы он мог как следует отдохнуть.

– Только не убегай от меня, пожалуйста, – поцеловав коня в морду, пониже глаз, и почесав шею, она разместилась неподалёку, там, где было больше мха, подложила себе под голову седло и кое-как укрыла хотя бы ноги подстилкой под это самое седло. Мама всегда говорила ей теплее укрывать ноги и не давать им мёрзнуть, так как, по её словам, все болезни овладевают телом человека именно через них. Но, конечно же, этого было недостаточно, и, как бы странно это ни звучало, уснуть требовало больших усилий. Эмили пришлось сконцентрироваться и представить что-то отвлечённое, придумать у себя в голове интересную историю, которая вытеснила бы мысли о холоде, беспощадно к ней пробиравшемся. Как и в первый раз, чем дольше длилась ночь, тем холоднее становилось, поэтому Эмили то и дело просыпалась от собственной дрожи. Только один раз, под утро, она смогла нормально заснуть. Ей снился сон. Очень странный и быстрый, совсем не пугающий, как раньше, но, в то же время, оставляющий на душе осадок. На утро Эмили смутно его помнила, всё плыло, как заволощённое туманом, лишь одну фразу, прозвучавшую несколько раз, она слышала вполне чётко.

– Красный дуб, – повторял голос, похожий на голос её отца, – найди его, Эмили. Найди его.

«Даже здесь одно и то же» – подумала она. Но, с другой стороны, сейчас она была гораздо ближе к своим прежним снам, и мысль о поиске красного дуба засела у неё в голове совершенно незаметно. Она блуждала по лесу, не отдавая себе отчёта в том, что что-то ищет.

Но только какая-то активность, видимость занятости могли отвлечь Эмили от её одиночества и страхов.

Эмили поёжилась. Она заметила, что с каждым днём становилось немного, но прохладнее, а на ней по-прежнему было только платье, и не было даже какой-нибудь шали или шарфа, которыми она могла бы укрыть спину. А чтобы не мёрзли ноги, она прижимала их близко к тёплому телу Грома, когда ехала на нём верхом.

Девушка так же не заметила и то, что чем дальше она продвигалась в лес, чем глубже погружалась в его таинственную атмосферу, тем реже и менее болезненно она вспоминала об опасностях, о семье и всём прочем, что так волновало её в Капитайбуре. Лес будто заботливо вытаскивал из неё лишние тревоги, специально заволаживал и требовал полного к себе внимания, поражая всё больше и больше. Только Эмили захочет подумать о прошлом – сразу же ей запоеют под шум ветра деревья, или она наткнётся на любопытные цветы или даже на ягоды, которые, однако, она не станет рисковать пробовать. Воздух здесь одурманивал и был совершенно не похож на тот, которым дышат в её родных краях, и в скором времени ей стало радостно, что она очутилась здесь, и ночью, когда лес прежде пугал её, мрак постепенно переставал давить на воображение, и пугающая неизвестность, стоящая к ней лицом, начинала рассеиваться. А когда Эмили привыкла к окружающему её новому миру, Бескрайний лес решил преподнести ей несколько сюрпризов.

Как-то раз, когда она ехала верхом на Громе, быстрый тёмный комок мелькнул у неё прямо над головой, заставив остановиться. Эмили подумала, что ей показалось, ведь за все несколько дней, что она уже провела здесь, ей не довелось встретить ни одно живое существо. Но когда то же мимолётное движение повторилось, только уже где-то справа, вверху, она подняла голову, чтобы проверить. Никого. Эмили облегчённо вздохнула, отмечая, как быстро забились её сердце.

«Это шелест листьев, не будь такой трусишкой» – мысленно говорила она себе, подталкивая Грома разными восклицаниями и лёгким движением ноги на продолжение пути. Казалось бы, ситуация разрешилась, но неожиданно тень мелькнула снова, выпрыгнув из ниоткуда и опередив всадницу, словно оно, чем бы это ни было, играло в догонялки. Девушка и в этот раз не поленилась поднять голову. Она посмотрела на одно дерево, на другое, оглядела все веточки третьего и даже...

– Зверёк! – наконец, Эмили заметила пушистый коричнево-рыжеватый комочек, издавка казавшийся невероятно маленьким. Он внимательно глядел вниз, на незваную в лесу гостью. К сожалению, Эмили не знала, что это за зверь, но ей очень хотелось посмотреть на него поближе. Тогда она решила его подманить.

Осторожно и медленно она спешила с коня, развязала свой мешок и достала оттуда небольшой кусочек сыра. Затем положила его на ладошку и вытянула руку вперёд, подзывая рыжее чудо.

Поначалу зверёк сильно сомневался, стоит ли ему спускаться вниз. Он отбежал по крепкой ветке дерева в сторону, намереваясь убежать прочь, но почему-то остановился. Наверняка он видел не очень много людей, либо не видел их вовсе, а потому не думал, что ему стоит чего-то бояться. Так что через какое-то время, когда рука Эмили начинала болеть от усталости, зверёк спустился-таки к ней ближе. И теперь она могла наблюдать перед собой более крупное, чем оно казалось, но всё равно небольшое животное с причудливыми ушками и невероятно красивым пушистым хвостом, загнутым замысловатой буквой. Чёрные глазки смотрели то на угощение, то на неведомое существо в двадцать, а то и больше раз выше их обладателя, и белые искорки плясали в них.

– Какой ты красивый, – прошептала Эмили, стараясь не спугнуть пушистого, и улыбнулась. Но зверёк, тщательно обнюхавший лакомство, выяснил, что ему такое не по нраву, и прямо по дереву быстро вскарабкался наверх, затерявшись в гуще листвы.

– Какая жалость, – вслух озвучила свои мысли Эмили. Она не стала убирать этот несчастный кусочек сыра в мешок и решила отдать его Грому, который на него заворожено посматривал, мотая ушами.

Они направились дальше.

Вскоре Эмили перестала видеть что-либо перед собой. Тьма окутала лес и её вместе с ним, от чего глаза сильно напрягались, пытаясь разглядеть дорогу. Она то и дело вытягивала впереди себя руку, когда подмечала рядом силуэт дерева, а также существенно замедлила шаг. Часть луны было видно над верхушками деревьев, но её свет был так слаб, что ничем не мог помочь.

Ноги Эмили гудели, и всё её тело говорило ей на своём языке, что пора бы отдохнуть. Привыкшая к определённому графику (днём – работа, ночью – сон), она чувствовала себя уставшей. Веки тяжёлыми свинцовыми крышками опускались на ясные глаза, блестящие от скопившейся в них влаги. И если к началу ночи Эмили ещё была достаточно бодрой и чувствовала, что может пройти хоть десять миль пешком, то к середине её пыл заметно поубавился. Ближе к концу зловещего и одновременно маняще-таинственного времени суток девушка сдалась своей собственной природе и решила присесть, чтобы немного передохнуть. Она пообещала себе, что посидит под деревом, облокотившись на теперь кажущийся мягкой периной ствол, совсем недолго, но как только она дала себе слабину, отпустила Грома и слегка прикрыла глаза, из-под ног тут же ушла земля, и Эмили провалилась в глубокий сон, растянувшийся до самого обеда следующего дня.

И в этот раз она встретила ночь в лесу. И в следующий. Больше наслаждаться красотами не хотелось, и страх вернулся к Эмили. Её тянуло домой, в тепло и уют, к мягкой постели, но она всё ещё была в лесу, каждый день переживая одни и те же эмоции, и каждую ночь дрожа от того же холода. Конечно, она ещё не потеряла надежду на то, что ей удастся вернуться, но время шло, а она продолжала блуждать в лесу, уже не разбирая, куда именно направляется. Гром заметно устал. Это было видно, несмотря на то, что он пытался идти так, как идёт молодой отдохнувший конь: с гордо поднятой головой и широким шагом. Но копыта Грома, пусть и не часто, но задевали коряги, торчащие из земли. Поэтому Эмили нашла лучшим решением больше не ездить верхом, чтобы ему было легче. Как бы там ни было, и куда бы они ни спешили, она не могла позволить Грому совсем остаться без сил.

Впрочем, Эмили и сама их лишалась. Еды становилось меньше. Она съела немного хлеба, совсем кусочек, с Громом поделила половину куска сыра. На удивление он и в этот раз его жадно умял. То ли ему действительно нравился сыр, то ли голод заставил его видеть во всём что-то вкусное. Но Грому ещё повезло, он мог есть растущую на земле траву, срывать какие-то, кажущиеся ему вкусными, листья. И в общем он не был сильно голоден, чего нельзя было сказать об Эмили. Но она всё ещё не падала духом.

В очередную наступившую ночь Эмили не уснула. Как бы ей ни хотелось, но она нашла в себе силы продержаться. Они вновь шли медленнее из-за темноты. В какой-то момент у девушки сильно заслезилась глаза, будто она хотела заплакать. Но твёрдой ладонью она вытерла влагу и быстро заморгала, чтобы лучше видеть. От холода ничего не могло её спасти, ноги нещадно мёрзли, и ногти на руках посинели (к счастью, ночью Эмили не могла разглядеть страшную синеву). Её успокаивало лишь то, что рано или поздно должно было взойти солнце. Взойти и согреть продрогшую Эмили, утешить её и отогнать страхи, шепчущие на ухо, что она может не вернуться, может остаться здесь навсегда.

«Потому, что там погиб твой отец...» – резко всплыли слова Маркуса в её голове и с грохотом рассыпались как тысяча острых пик. Слезы хлынули новой волной, которую в этот раз она уже не смогла сдержать. Она поддалась страху, а ночь только усиливала его. Что, если она действительно умрёт здесь, как её отец? Нина останется одна.

Эмили остановилась, обняв себя руками. Гром удивлённо качнул головой, осторожно подошёл к ней и мордой прислонился к её плечу. Он не понимал, что с ней случилось, но как будто чувствовал её переживания. Не зря говорят, что лошади – очень умные существа.

Глава 2. Красный дуб

Всё оставшееся время до рассвета Эмили боролась с навязчивыми мыслями, своими страхами, и при этом отчаянно пыталась не замёрзнуть, топая ногами или подпрыгивая на месте, размахивая руками в воздухе. Прежде наплакавшись вдоволь, ей оставалось теперь смеяться. Уже после того, как успокоилась, она буквально разразилась смехом. Но это был не радостный смех, а, скорее, истерический, трудно контролируемый и возникающий без причины. Ещё позже она ощутила невыносимую усталость в своём теле и не могла даже говорить. Эмили не сомкнула глаз, но присела отдохнуть и на холодной земле просидела до самого утра.

Они с Громом возобновили шаг. Уставшие, они волокли то себя, то друг друга за собой вперёд, поглядывая на землю, чтобы не споткнуться о что-нибудь. У Эмили было чувство, что если она сейчас случайно упадёт, то, как бы больно ей ни было, она не почувствует этого и сразу же уснёт. Так что ей приходилось быть особенно осторожной.

Желудок сводило от голода, но доставать остатки еды, а тем более их есть тоже не было сил. Она и Грома не могла покормить несчастным яблоком, поэтому ему приходилось жевать одну траву. Но он не особо-то жаловался. Однако им обоим ужасно хотелось пить. Они получали жидкость из яблок и утренней травы, на которой оседали капли. Однако, разумеется, организм стал требовать всё больше и больше, поскольку запасы его кончались. И если Эмили могла выдержать жажду какое-то время, то смотреть на измученного жаждой Грома – нет.

«Какая же я дура» – подумала про себя Эмили, – *«не удосужилась взять попить»*.

Конечно, лес – не пустыня, и на первый взгляд здесь жажду выдерживать проще. Может, так оно и есть, но только вскоре отсутствие воды стало главной проблемой, перечеркнувшей собой все остальные.

Таким образом, к Эмили пришло осознание того, что из себя представляют настоящие путешествия и «приключения». Когда прежде ей приходилось о таком думать, ей казалось всё это очень простым и понятным. Вот ты берёшь еду и питьё; далее – идёшь, куда глаза глядят, и наслаждаешься тем, что видишь. Впитываешь в себя красоту природы, а больше ничего и не нужно. На деле всё обстояло совсем не так. Еды осталось чуть-чуть, воды не было, желудок болел, а в горле пересохло; ноги заплетались от усталости, в руках почти не было сил, и побаливающая голова ощущалась в два раза тяжелее. Вот тебе и новые жизненные открытия.

«Таких открытий ещё сто лет бы не совершать» – подумала Эмили, обнадёживая себя только тем, что получает огромный опыт, больше, чем могла бы получить от спокойной поездки в карете куда-нибудь вдаль, как привыкли путешествовать богачи.

Когда наступила очередная ночь, Эмили решила безотлагательно лечь спать под ветвями какого-нибудь лиственного дерева, которое утром защитит её от солнца, а ночью спасёт от ветра. Попав в необычайный, неописуемый и непредсказуемый мир снов, Эмили увидела перед собой родник, где напилась вдоволь, так, что потом забавное бульканье воды было слышно из её живота. И это наслаждение было таким явным, таким сильным, что, проснувшись, девушка пожалела, что вообще спала. Ей овладело отчаяние, мука, которую трудно было стерпеть. Дурацкий, дурацкий сон. Но что ещё мог соорудить её, сейчас оказавшийся будто в клетке, разум?

Эмили села, выпрямив спину и потянувшись. Конечности отдали приятной дрожью, и, пожалуй, это были первые приятные ощущения за долгое время (здесь, в лесу, оно тянулось очень медленно, так что пол дня Эмили казались неделями, день – и того больше). К этому времени Гром был уже сытым и выспавшимся, лишь периодически причмокивал и недовольно дёргал ушами, давая понять, что хочет пить.

– Ничего, мы скоро дойдём уже, – ласково произнесла Эмили, обращаясь к нему, но все меньше веря, что они действительно хоть куда-то дойдут. Она со вздохом поднялась на ноги,

отогнала от себя плохие мысли и подошла к коню. Только она хотела надеть на него узду, как краем глаза заметила что-то необычное, выбивающееся из общего фона. Она повернула голову.

– Ах! – только и могла вымолвить девушка. От неожиданности она прикрыла рот рукой и так стояла некоторое время, удивлённо моргая. Но когда она осознала всю ситуацию и смогла в неё поверить, радость нахлынула на неё волной, дав силы сдвинуться с места.

– Красный дуб!

Выходит, он действительно существует. То есть это не глупые фантазии, не сон, а правда. Самая настоящая правда, которую можно было увидеть своими глазами. Дерево с тёмным, отдающим красным, стволом и яркими, где-то алыми, в других местах бардовыми и каштановыми, листьями. На отдельные их участки падали лучи света, что создавало интересную игру цветов, с бликами и крапинками. Эмили не смогла удержаться, чтобы не расплыться в улыбке. На глаза навернулись слезы, которые тут же были смахнуты одним движением руки. Она не дошла домой, но было гораздо важнее, что она «куда-то», всё-таки, дошла. Находясь постоянно в одной и той же обстановке, какой бы прекрасной та ни была, начинаешь медленно сходить с ума. Когда каждый новый день ведёшь борьбу за выживание, причём совершенно одинаковую, воля, которая двигала тебя вперёд, на поиски, отступает, и появляется желание лечь на ровном месте и позволить себе умереть, чтобы хоть что-то изменилось. Само собой, Эмили не позволила бы себе умереть таким образом, но ощущение себя в ловушке, где-то, где кончилась реальность, в чьей-то картине, где она ходит кругами, становилось назойливее. Теперь же у неё вдруг случился всплеск какого-то беспредельного счастья и облегчения.

Конечно, когда бы восторг Эмили поубавился, и она окончательно пришла в себя, то возник бы логичный вопрос: «А что теперь?». Она нашла красный дуб, но ведь про то, что делать дальше, ничего сказано в её сне не было. Лис якобы должен был её куда-то отвести, но неужели придётся сидеть и ждать, пока он появится? А если он не появится неделю? Эмили всем своим естеством отвергала возможность, предполагающую увлекательное начало той же самой карусели, в которой ей придётся снова проходить всё, что, казалось бы, осталось позади. Но что предпринимать – было непонятно.

Словно верующий, увидев божественное сияние, священный образ, Эмили простирала свои руки к красному дубу, ощупывая его, проверяя, не является ли он её видением, проводя ладонями по гладкому закрученному стволу, боясь коснуться алых мягких листьев и тем более ненароком сорвать хотя бы один. Но вот дуб рос перед ней, самый настоящий и живой. И когда мимо них проносился ветер, его верхушка естественным образом клонилась в сторону.

Гром не был столь же сентиментален. Увидев интерес в глазах своего человека, он решил попробовать чудо-дерево на вкус, сорвав с него пару листьев и съев их, причмокивая. На вкус они были как и все другие листья – ничего особенного.

– Гром, что ты делаешь! – тут же воскликнула Эмили, и он наверняка подумал что-то вроде: *«И чего раскричалась? Если бы я съел какие-то вкусные листья, которые хотела бы съесть она сама, я бы ещё понял»*.

Но Эмили по-прежнему была недовольна, твердя, что нельзя его есть, поэтому он, махнув хвостом, развернулся и отошёл в сторону.

Признаться, она и сама не знала, почему листья красного дуба нельзя есть. Дубы не считались священными деревьями, хотя и были полезны в хозяйстве. Но этот был особенным. И из-за необычного цвета, какого Эмили не встречала у деревьев, и из-за того, что он стал для неё лучом надежды. Он высился перед ней, как герой-защитник, и от одного вида в вальсе сплетающихся карминовых изгибов что-то внутри неё трепетало.

Эмили захотела оставить частицу дуба для себя. В конце концов, если на него указывали её сны, возможно, он мог понадобиться ей в будущем. Но дерево выглядело таким целостным и неприкосновенным, что ломать с него ветки совершенно не хотелось, оно должно было оставаться таким, каким выросло. И тогда взгляд её зацепился за растущие на них жёлуди, моло-

дые, блестящие, словно начищенные кем-то с утра, с идеальным контуром и ровными шляпками, выделанными самым искусным на свете мастером – Природой.

«*Может, они тоже подойдут?*» – подумала Эмили, не задумываясь, для чего именно они вообще должны были подойти.

Девушка потянулась рукой за одним жёлудем, после – за другим, первый крепко держа в ладошке. Так она сорвала четыре штуки, и они как раз поместились в её кулачке.

Довольная, она всё ещё стояла рядом с деревом, когда возникшую идиллию нарушил человеческий голос, внезапно появившийся из ниоткуда и напугавший её.

– Ты?!

Глава 3. Старые новые знакомства

Эмили резко обернулась, и на её лице отразилось удивление. Перед ней стоял тот самый парень с ярмарки, который, как она помнила, её очень обидел. В ней вдруг забушевали самые разные чувства: от негодования и возмущения до странной радости от того, что она кого-то встретила в Бескрайнем лесу, и теперь уже точно не сойдёт с ума от одиночества.

– Что ты здесь делаешь? – задала она прямой вопрос, на который Сэнрик тут же ответил.

– Охочусь, – он гордо выставил грудь вперёд. Ей даже подумалось, что сейчас он больше обычного похож на индюка, расхаживающего мимо сородичей и демонстрирующего свои достоинства, – но что делаешь здесь ты? Если ты помереть решила, то ты выбрала не самый лёгкий способ.

– И вовсе я не собираюсь помирать, – возмутилась Эмили, – я... – признать, она не хотела говорить, зачем сюда пришла, поскольку была уверена, что история про свадьбу, ровно как и история про сны и красный дуб будет звучать очень глупо, – я гуляю, – такой ответ, конечно же, лично ей вовсе не показался глупым.

– Гуляешь? – Сэнрик усмехнулся, а затем и вовсе расхохотался, одной рукой держась за всё тот же кинжал на поясе, который девушка тут же заметила. – Если заблудилась, так и скажи.

Эмили опустила голову, признавая своё поражение. Если бы она была сейчас преисполнена энергией и бодра, то с вызовом ответила бы что-то Сэнрику, но ей было очень грустно от осознания, что она действительно заблудилась, и сил на бурные эмоции у неё не было. Как не было сил даже придумать какой-нибудь ехидный или остроумный ответ, чтобы не казаться нелепой.

Впрочем, она не боялась казаться нелепой. В этом плане она редко слушала советы других и чаще делала и думала то, что ей нравилось делать, и о чём нравилось думать. Что, в принципе, она прекрасно показала, сбежав практически со свадьбы в лес.

Эмили была легка на подъем, но за этим скрывалась и другая сторона медали. По-настоящему она никогда не сталкивалась с трудностями в жизни. Кроме одного-единственного раза, унёсшего жизнь её отца. Когда же она оправилась от потери, ни разу до недавних событий ей не доводилось от чего-либо по-настоящему страдать. И, с одной стороны, это было крупным для неё везением, поскольку она могла жить с улыбкой, которая не скрывала за собой душевные шрамы, а была так по-детски наивна и искренна, что могла заморозить самое каменное сердце. Но, с другой стороны, как показывает жизнь на протяжении долгого времени, с момента её зарождения в первом человеке и до настоящих дней, трудности закаляют нас. Если ты крепко стоишь на ногах, не давая сбить себя волнами неприятностей и всяческих проблем, то становишься способен на большее, чем мог бы себе представить. А Эмили и не задумывалась, на что она способна. Лес стал новой трудностью в её жизни, которая морально практически истощила её. И в то же время она, незаметно для себя, начинала открывать, что ей подвластно находиться здесь так долго, и это, вкупе с беспокойством о Громе, давало ей ту толику сил, на которой она и держалась.

Сэнрику же, хоть некоторые и могли вполне справедливо назвать его невоспитанным чурбаном, всё же сострадание было не чуждо. Как бы ему ни хотелось уколоть или задеть Эмили в другое время, конкретно в эту минуту он мог прочесть её состояние в глазах. И, как ни странно, ему захотелось помочь. Но он абсолютно не знал, как это сделать, поскольку и сам был далёк от родного дома, путь к которому ему преграждали деревья.

– Я оставлял засечки на деревьях, когда шёл сюда, – у Эмили вспыхнула надежда в глазах, – но потерял их из виду, – мрачно закончил он, и девушка устало вздохнула. Со вздохом

она села прямо на землю. За ней, недолго поколебавшись, последовал Сэнрик, а рядом с ним, на их удивление, через некоторое время улёгся и конь.

– Забавно, пожалуй, – произнесла Эмили и, поймав на себе вопросительный взгляд, продолжила, – ну, что мы вдвоём с тобой оказались. Именно мы. И больше никого.

– Я не верю в судьбу, – отмахнулся Сэнрик, скривив губы.

– А я и не говорила о судьбе.

– А о чём тогда?

– Просто так совпало, наверное. Может, если бы мы встретили здесь кого-то другого, мы бы не сидели сейчас вот так. Может, всё вышло бы гораздо хуже. Или лучше, наоборот, – она пожала плечами.

– Кажется, у тебя горячка, – выдал свой вердикт Сэнрик.

– А у тебя имя странное, – Эмили сложила руки на груди.

– Эй, ничего оно не странное! Своё-то слышала?

– А вот и странное!

– Вообще не странное.

– Очень даже.

И так их спор тянулся до вечера. Конечно, они не спорили всё это время об именах, но позже их разговор переключивался то в одно направление, то в другое. Между этими спорами наступали минуты примирения, когда прошлое забывалось и оставалась лишь единственная, а потому приятная, компания. Хоть на небе было бы солнце и повсюду душистые поля цветов, хоть был бы туман и вороны каркали над головой, да хоть бы сыпался с неба ледяной ливень, в любое время человеку нужен человек. В лесу Эмили и Сэнрик уже перестали быть Эмили и Сэнриком. И тем более уж они не были давними знакомыми, которые когда-то повстречались на ярмарке и там же поссорились. Сейчас они были просто людьми. А Гром так и оставался Громом.

День завершил своё представление, пропев последнюю песню заходящим за горизонт солнцем. Над лесом стустилась тьма, и неясно было, где больше померкло красок: небо разлилось ли тёмно-синим океаном, или это деревья опутали весь лес чёрной непроглядной паутиной. Но, всё же, уголок света искрил где-то в потаённой глуши. Это был разведённый умелыми руками Сэнрика огонь, аккуратно обложенный вокруг камнями, которые Эмили старательно искала по лесу, в то время как Сэнрик собирал сухие ветки. Она не умела разжигать костров, а потому за ночи, проведённые в Бескрайнем лесу, привыкла к холоду и подрагиванию замёрзшего тела, греющего себя остатками внутреннего тепла. И сейчас, когда она сидела рядом с ярким пламенем, она чувствовала себя как нельзя лучше. Когда же она достала последние запасы еды и разделила их с Сэнриком, она почувствовала сперва необычайный восторг и блаженство, разливающееся в груди, а после сладкую дремоту, которую не чувствовала уже так давно.

– Спасибо, – произнёс после трапезы Сэнрик.

Эмили была приятно поражена.

– Так ты оказывается знаком с вежливостью?

В ней появились силы, и она могла теперь позволить себе шутить.

– «Ха-ха», – Сэнрик передразнил её.

– Так... – она придвинулась ближе к огню, потирая руки, – ты, говоришь, здесь на охоте? Давно?

– Всего пару дней, – юноша выглядел так, будто сказал не о паре дней, а о половине часа.

– И где же твоя добыча? – искренне поинтересовалась Эмили и заметила, как её знакомый нахмурился. – Что, ничегошеньки нет?

Сэнрик промолчал, и ей стало неловко.

«Он, должно быть, очень расстроился», – подумала она.

– Ой, а хочешь услышать ужасно глупую историю? – резко переключилась Эмили, решив, что, может, её история его подбодрит. В конце концов, они оба оказались в похожих ситуациях.

– А у меня есть выбор? – Сэнрик улыбнулся, и она почувствовала облегчение.

– Внимание-внимание! – торжественно произнесла Эмили. – Господа и кони, – она указала ладонью поочерёдно сначала на Сэнрика, а после на Грома, – история о том, как я оказалась в лесу совершенно одна без воды и, теперь уже, еды!

И она начала свой рассказ, который прежде ей было страшно озвучить самой себе. Однако она исключила подробности про жениха и свадьбу, сочтя их неуместными в контексте повествования, которое должно было поднять кому-то настроение. Да и сама не относилась к этому, как к шутке, и до сих пор не могла примириться со всеми обстоятельствами в её жизни, от которых она бежала.

В остальном Эмили говорила живо, с беззаботной простотой и даже посмеиваясь, не скупясь на разнообразные приукрашивания, которые делали историю ярче и производили большее впечатление.

Сэнрик не выглядел больше столь мрачным. В некоторых моментах он и сам выдавал что-то наподобие смеха или, точнее будет сказать, добродушную усмешку, на которую он был способен.

– И ты серьёзно пошла сюда за красным дубом потому, что тебе такой сон приснился? – веселясь, переспросил он. – Ничего более безумного в жизни не слышал!

– Но я же нашла дуб, – похвасталась Эмили, широко улыбаясь.

– Ага, в наших краях таких как птиц в небе в ясные дни. Могла просто спросить, я бы тебе хоть целое дерево привёз!

– Что, правда? – лицо Эмили резко переменилось. – Я считала, такого нигде не бывает.

– Думала, небось, в волшебную сказку попала?

Эмили закусила губу.

– В общем-то, да, – она пожала плечами, а Сэнрик по-дружески насмешливо покачал головой.

Они просидели за разговорами до глубокой ночи, и только потом легли спать подле костра. Правда, Сэнрик прежде подождал, пока уснёт Эмили, а после в собственных мыслях просидел ещё какое-то время и только на рассвете, убедившись, что ночь не подстерегала их с опасными неожиданностями, смог уснуть.

Неясно, какие сны им снились. Возможно, это было что-то хорошее, возможно и нет, но только проснулись они без памяти об этом, но с ощущением, будто большой булыжник, придавивший им спину, куда-то внезапно пропал.

Эмили проснулась первой. Поскольку она дольше спала, она и чувствовала себя гораздо лучше. Мир вновь начал приобретать яркие краски, пусть и не все проблемы были решены. Точнее, главная проблема – как попасть домой – оставалась всё ещё главной проблемой.

– Сэнрик, вставай, – Эмили аккуратно толкнула юношу в плечо, не подозревая, что ему удалось поспать всего ничего. Для себя она отметила его усталый вид, когда он уже открыл глаза и поднялся на локтях, оглядываясь.

– Солнце встало, – констатировал он и встал на ноги, потянувшись, – пора идти.

– Но куда мы пойдём? – Эмили поднялась следом за ним, глядя на него так, как ребёнок смотрит на всезнающего родителя.

– Куда-то, – он пожал плечами, – мне нужно вывести тебя отсюда, а после я смогу заняться охотой.

– Ты видел себя? У тебя практически нет сил! – возразила Эмили, но ответа со стороны не последовало. Тогда она продолжила. – Нам обоим следует добраться до дома, иначе мы здесь непременно...

– Тш! – неожиданно произнёс Сэнрик, одну руку выставляя в сторону Эмили в жесте, показывающем, чтобы она не издавала ни звука и замерла на месте. – Я что-то слышу, – пояснил он.

Девушка притаилась, практически задержав дыхание. Она напрягла весь свой слух, и спустя пару секунд услышала какой-то шорох в стороне, в кустах. Конечно, она испугалась, но подавать виду не хотела, скорее всего из-за присутствия Сэнрика.

Прошло совсем немного времени, прежде чем из-за тех же самых кустов показался виновник нарушенного покоя. Сначала высунулся один нос, дёргающийся и вбирающий в себя воздух «на пробу», потом показалась мордочка целиком, и, наконец, перед Сэнриком и Эмили во всей своей красе предстал зверёк, невероятно милой наружности, и уже знакомый одному из путников.

Только юноша открыл рот, чтобы что-то сказать, как в этот раз уже его перебили.

– Лис! Это лис, Сэнрик! Лис!

– К нашему счастью, да, это всего лишь лис, – подтвердил он, покосившись на Эмили.

Но её уже было не унять. Она не сразу смогла объяснить, откуда взялась такая буря эмоций, и почему зверь в лесу, где ему, в принципе, и место, вызвал восторг.

Эмили смотрела на Сэнрика выжидающе, изредка переводя взгляд на лиса и обратно, и только спустя некоторое время, прокрутив их разговор в голове, юноша понял, чего от него ждали.

– Думаешь, это тот самый лис? Ну, из твоего сна?

– А какой же ещё! – Эмили по-детски радовалась, восполнившая часть своих жизненных сил и вновь способная на искренние, лишённые тени усталости эмоции. Она внимательно посмотрела на растерянного и настороженного лиса, ожидая его действий. Чтобы не спугнуть зверька, Эмили застыла на месте, как вкопанная.

– Кажется, это корсак, – изрёк Сэнрик, подпирая пальцами подбородок.

– Тебе не кажется, это точно он, – ответила она шёпотом, даже не глядя на своего собеседника.

– Хотя не думал, что они водятся в тутошних местах, – продолжал говорить, будто сам с собой, юный охотник.

А в это время в голове у Эмили эхом раздавалось: «Корсак». Ей ужасно нравилось само название этой породы лис. Она вытащила спрятанный за платьем кулон, висящий на шее, положила его на ладонь и почувствовала, как тепло разливается в её душе.

«Корсак».

– Что это? – тут же Сэнрик заинтересованно взглянул на кулон и двинулся в сторону Эмили, что напугало зверька, и последний быстро юркнул в другие кусты, проскользнув между ветками и скрывшись за деревьями.

– О нет! Сэнрик! – всполошилась Эмили. – Что же ты наделал? Нам скорее нужно за ним!

– Ты же это не серьёзно? – спросил виновный, но, судя по безумному взгляду своей спутницы, понял, что им, скорее всего, и вправду придётся нестись прямо за лисом.

– Давай, залезай! – Эмили быстро забралась на Грома, до того отдохавшего и даже не думавшего о том, что ему придётся скакать галопом после такого перерыва.

Сэнрик колебался. Но оставаться одному ему хотелось меньше, чем следовать желанию сумасбродной девчонки, которая хоть порой и болтала без умолку, зато отвлекала от собственных неприятных мыслей и тем более одиночества.

Итак, Сэнрик, сидя на коне позади Эмили, вместе с ней нёсся за корсаком, который вскоре появился-таки в поле их зрения, словно специально замедлил темп, поджидая погоню, а после разогнался с новой силой.

Гром бежал на удивление быстро и достаточно бодро, и в целом выглядел как молодой резвый жеребец, чьи мускулы переливались под блеском изредка попадающих на них лучей.

– Давай, малыш, скачи, – говорила Эмили Грому, подбадривая его, – мы не должны упустить его из виду!

Так они плутали по лесу в неизвестных направлениях неизвестно сколько, и если до этого в чьей-либо из их голов могла теплиться мысль о спасении, теперь найти дорогу домой представлялось невозможным, поскольку корсак увёл их слишком далеко в Бескрайний лес. Каким-то образом он не оставлял следов, чего не было времени заметить ни у Сэнрика, ни у Эмили, хотя Гром за собой тянул целую вереницу протоптанных ямок в мягкой земле. Помимо того, под его копытами поднимался первый слой пыли, смешанной с почвой, в то время как лис словно парил в воздухе, перебирая лапами.

Вскоре Эмили, пристально следившая за передвижением зверька, непонятно как потеряла его из виду. Ей пришлось остановить Грома. Она потянула поводья на себя и издала характерный звук, который служил коню сигналом для того, чтобы замедлить бег.

– Как же так? – расстроено спросила у самой себя Эмили, озираясь по сторонам.

– Возможно, он спрятался где-то рядом, – Сэнрик спешился с коня и медленной бесшумной поступью прошёл вперёд, пытаясь поймать взглядом животное. Но корсака и вправду нигде не было. После практически часа погони он просто взял и исчез! Это было совершенно несправедливо. Сэнрик обернулся на девушку и заметил её грустный взгляд и поджатую нижнюю губу.

– Не вешай нос, – в своей манере он попытался подбодрить её, – может, это был не тот лис, что тебе нужен.

– Может, вся эта затея была не тем, что мне нужно, – парировала Эмили, сердясь на себя. Она даже не то, чтобы сердилась, скорее чувствовала обиду за безрезультатно проделанный путь.

– Может, – Сэнрик пожал плечами.

– Мне просто...

«... на секунду показалось, что я действительно могу попасть в сказку», – Эмили не прознесла этого вслух и оборвала мысль, не решив рассказывать про это Сэнрику. Он и так, вероятно, считал, что она не в себе.

– Не важно, – с улыбкой заключила она.

Это был первый раз, когда она приблизилась к признанию самой себе в том, что она хотела увидеть Волшебное королевство, о котором ей рассказывали и мать, и отец когда-то давно. После долгого пути, пройдя голод и холод, желание попасть в сказку пересиливало все другие, и какую-то часть Эмили это пугало. С другой стороны, в её голове уже давно связалась цепочка событий, сотканная из снов, в которых отец говорил как раз об этом, а также из побега в лес. Чем дальше она продвигалась, тем больше случайностей, которые она таковыми назвать уже не могла, претворялись в жизнь. И когда она нашла красный дуб, представление о том, что это путешествие заведёт её в счастливый конец было таким реальным и естественным, что даже без озвучивания и признания его Эмили глубоко в душе понимала, что надеялась найти в этом лесу волшебство. Пускай не огромное королевство, где все всегда счастливы, но хоть что-нибудь. Теперь она отдавала себе отчёт в том, что поверила своим снам. А, возможно, они были лишь иллюзией воспалённого разума. И ничем более.

В то же время, Эмили была не той, кто опускает руки и теряет надежду после первой же неудачи. Она была ужасно расстроена случившимся (если говорить верно, то не случившимся), но всё же чувствовала, что всё не может кончиться так по-дурацки. Может она и не найдёт Волшебное королевство, но что-то же должно быть. Где-то в глубине этого необъятного леса что-то должно было быть.

– Что теперь собираешься делать? – поинтересовался Сэнрик.

Эмили только развела руками.

– А что мне остаётся? Похоже, я застряла тут надолго.

– Мы застряли, – произнёс Сэнрик, тут же смутившись и усмехнувшись. Эмили улыбнулась ему в ответ.

– Что ж, тогда пойдём вперёд, может застанем кор... – она сделала небольшую паузу, вспоминая название породы, – корсака, вот.

Так они вновь продолжили свой путь. И когда Эмили смогла сосредоточиться на себе и происходящем, она поняла, что очень хочет есть. В подтверждении этому её желудок запел дифирамбы. Но еды не было. Последнее они съели с Сэнриком буквально вчера.

Эмили предложила ему поохотиться, поймать какую-нибудь мелкую дичь, разжечь костёр и приготовить еду. Но почему-то Сэнрик, вместо того, чтобы согласиться, лишь отмахнулся, ответив что-то невнятное и своим видом выказав нежелание идти на охоту сейчас. Эмили не поняла такой реакции и по своей детской наивности стала его расспрашивать.

– Почему нет? Ты разве не голоден?

– Не голоден.

– А я вот голодная. Сейчас бы целую курицу съела! – мечтательно протянула она. – Ты же охотник, ты пришёл в лес охотиться, значит, сможешь поймать, ну, зайца, к примеру. Наверняка дядя научил тебя чему-то перед тем, как ты сюда пошёл?

– Я всему учился сам! – возразил Сэнрик.

– Так это замечательно! – тут же подхватила Эмили. – Значит, поймаешь нам еду? – онаostroила «щенячьи глазки». Однако в их местности такая гримаса называлась «ёжик». Ёжиков в Капитайбуре было немало, у многих жителей под домами или где-то поблизости жило как минимум одно семейство этих колючих зверьков, собак же было куда меньше. Никто не считал ёжиков вредными, они даже с течением времени превратились в образ-талисман для местных жителей. И от них пошли многие интересные выражения, либо же подобные метафоры.

– Не могу.

– Как же? Почему? – вновь задалась вопросами Эмили.

– Не могу и всё, – отрезал Сэнрик и ускорил темп. Эмили сложила губы трубочкой, изображая обиженного ребёнка, а после догнала юношу.

– Но мы так умрём с голоду, – уже тише добавила она.

– А не будь меня здесь? Что б ты делала? – неожиданно спросил Сэнрик.

– Пожалуй... – Эмили убрала прядь волос за ухо, подумав над ответом, – нашла бы какие-нибудь ягоды. Или грибы. Или ещё что-нибудь. Правда всё это может быть ядовито, но я разбираюсь в некоторых видах, так что у меня высокие шансы выжить, – гордо и с улыбкой заключила она.

– Вот и ищи ягоды свои, – ответил юноша, – «или грибы».

– Да почему ты такой вредный? – возмутилась Эмили.

– Я просто... – Сэнрик тяжело вздохнул, понимая, что эта весьма любопытная особа от него не отстанет, а потому придётся, всё-таки, рассказать, в чём дело, – я не могу этого сделать. Много лет я так ждал этого момента, а сейчас вся смелость куда-то исчезла! Это ужасно раздражает меня.

Эмили немного помолчала, размышляя над ответом. Она не стала больше настаивать на своём.

– В конце концов, – неуверенно начала она. Она не боялась сказать чего-то не того, однако Сэнрик выглядел крайне серьёзным, и ей не хотелось обидеть его своими глупыми подбадривающими шутками, – зайцы не всегда бывают вкусными. Да и наверняка их очень трудно готовить.

Юноша подумал, что и правда стоило бы пересилить себя и добыть им еду. Хоть он и был покрепче, но желудок у них сводило в одинаковой мере. И всё же, он был слишком горд, чтобы признать правоту Эмили, а потому промолчал.

Глава 4. Трудности

Они подкрепились тем, что нашли. Ягод здесь, на удивление, практически не было, грибы всё же попадались на пути, но и их было не очень много, будто Сэнрик и Эмили зашли в какую-то «вымершую» часть леса, где ничего съедобного не росло. Да и добрая часть этих грибов являлась ядовитой, поэтому они её не трогали. И хотя девушка прежде упоминала, что хорошо разбирается в ягодах и грибах, несколько ядовитых она всё-таки пропустила. Если бы не её спутник, она бы вполне могла их по ошибке съесть. Ей даже стало немного обидно за то, что Сэнрик казался умнее неё. В первую их встречу она посчитала его глупым мальчишкой, ко всему прочему ещё и грубияном. Но теперь он открывался ей с новой стороны.

Во-первых, он начинал казаться не «мальчишкой», а достаточно взрослым юношей.

Во-вторых, он больше не выглядел глупым в её глазах. После того, как он запросто узнал в неприметных, с виду совершенно обычных грибах рядовку белую, которая запросто могла бы спровоцировать не только расстройство желудка, но и серьёзное отравление.

И, в-третьих, в перерывах между их молчанием, когда Сэнрик начинал дружелюбную беседу, он мог рассмешить Эмили, а эта черта в людях её всегда подкупала. Она была склонна к оптимистичному настроению, поэтому ей нравилось, когда кто-то заставлял её смеяться.

Однако ветра почему-то не хотели жалеть голодных и снова начинающих уставать путешественников. С каждым часом порывы становились всё холоднее, сильнее продувая одежду, злобно разбрасывая во все стороны волосы Эмили, словно пытаясь выгнать её и Сэнрика со своей территории. К ночи Сэнрик, заметив, что Эмили замерзает, снял с себя плащ, который до этого момента спускался по его спине и сверху закреплялся на шее, над воротом тёмной рубахи, замысловатой пуговицей и прикреплённой к ней плотными шерстяными нитками. Это всё, что он мог предложить Эмили.. Они не могли развести огонь, поскольку это было бесполезно в условиях такой погоды. И всё, что им оставалось делать, – согреться их собственным теплом, которого определённо было недостаточно.

– Я т-так замёрз-зла, – под отблесками печальной луны произнесла Эмили, стискивая зубы и прилагая огромные усилия к тому, чтобы выговорить хоть слово. Её челюсть дрожала, и она не могла членораздельно и быстро говорить, то и дело, когда по телу пробегала новая дрожь, её зубы смыкались, едва не придавливая язык.

– Знаю, – хмуро ответил Сэнрик. Он тоже подрагивал от порывов ветра. Более того, он был без плаща, хотя вряд ли бы тот помог ему согреться.

Грому тоже приходилось нелегко. Он не боялся холода, но ветер был таким сильным, что не знающему как спастись от напасти коню приходилось периодически пригибать голову к передним ногам, словно тянув её к земле, его грива металась то в одну, то в другую сторону, ровно как и волосы Эмили, а сам он беспокойно тряс хвостом. На своём веку он видал и ураганы, но самые зловещие из них были перенесены им в стойле, где приходилось опасаться только трещащих досок и крыши, которая вот-вот готова была обвалиться, либо оторваться и разлететься в разные стороны.

Впрочем, ураган в Бескрайнем лесу отличался от тех, что видели Гром, Эмили или Сэнрик вместе взятые. Трудно объяснить, но это было понятно на каком-то подсознательном уровне, как абстрактный образ, всплывающий в голове, который ты чувствуешь, но не можешь превратить в понятную мысль логической формы. Так было и сейчас. С этим погодным явлением было что-то не так. Хотя чего уж там, с этим лесом, в первую очередь, было явно что-то не так, поэтому не стоило удивляться тому, что туманная атмосфера неизведанного застирала собой не только деревья, но и всё, что попадало в чашу: ветер, животных, путников.

– Мы не сможем долго идти, – Сэнрик остановился, – если мы не согреемся, всё закончится плохо.

Эмили пришлось напрячься, чтобы услышать его за шумом ветра.

Вдалеке, прежде, чем она успела ответить, сверкнула молния.

– Ой! – вскрикнула девушка. – Как страшно, ты посмотри! Сэнрик, что нам теперь делать? – она не сводила глаз с места, где тёмное небо пронзила желтая стрела.

– Она далеко, – заверил Эмили юноша, – нужно сделать остановку и сесть всем вместе как можно ближе друг к другу. Гром больше нас, значит теплее. Мы будем греть его, а он – нас.

Эмили готова была послушаться всего, что бы ей ни сказали, лишь бы это хоть на минуту уняло пока безболезненные судороги в конечностях. Гром всё же сопротивлялся первое время, не понимая, чего от него хотят, но после поддался чужой воле и устало лег на холодную землю.

Они выбрали место, где мох занимал большую площадь, и где рядом с ними возвышался огромный валун, хоть немного останавливающий разъярённые воздушные потоки. Эмили села вплотную к Грому, касаясь его бока и частью плаща укрывая своего коня. Сэнрик приземлился рядом с Эмили, и им пришлось повернуться полубоком друг к другу, чтобы от их положения был хоть какой-то толк.

Гром недовольно фыркнул, но прижал голову к ноге Эмили. Вскоре все трое почувствовали, что стало чуть теплее. Конечно, этого было всё ещё недостаточно, чтобы согреться, но прогресс был на лицо. Под конец ночи Эмили даже смогла уснуть, облокотившись на коня.

К утру ураган затих. В лесу всё ещё было холодно, но появившийся там морозец не сковывал в движениях и не вызывал дрожь в теле. Поначалу Эмили даже чувствовала, будто он согревает её. Наверное, в этом был виноват контраст между погодой вчерашнего дня и погодой сегодняшнего. Но, несмотря на эти значительные улучшения, ими ограничивалось всё приятное, что могло произойти сегодня. Эмили и Сэнрик быстро восстановились, адаптировавшись к климатическим условиям, но вот Гром такую погоду, вероятно, переносил плохо. Когда он попытался подняться на ноги после сна, то сначала чуть не обрушился на землю. Вторая попытка вышла удачной, однако Эмили уже забеспокоилась.

В течение какого-то времени конь выглядел нездорово. Время от времени он раскачивал головой и издавал звуки, похожие на кашель, но, естественно, не человеческий. Ушами человека это воспринималось, скорее, как хриплые вздохи.

– Сэнрик, я очень волнуюсь, – сказала Эмили, – кажется, Гром болен.

Юноша подошёл к животному и внимательно осмотрел его с ног до головы.

– Похоже он простудился во время урагана, – высказал свои мысли юноша.

– Что же нам делать?

– Вряд ли ему сейчас можно чем-то помочь. Он должен сам победить недуг, – сказал он.

– Неужели ничего нельзя сделать? – с не иссякающей надеждой спросила Эмили, при этом в голове хаотично перебирая все свои знания о лечебных травах, которые могли бы помочь в данной ситуации.

– Ему нужен покой, тепло, еда, вода и время. Ничего из этого мы ему дать не можем, – Сэнрик положил руку на плечо девушки, – мы сами уже которые сутки бродим без покоя, тепла, еды и воды. У нас нет сил. Если нет сил, значит нет и времени. Нужно придумать что-нибудь, а не просто шарахаться по лесу, надеясь на чудо. Чудес не бывает. Ну во всяком случае не здесь. Я поверю в них где угодно, но не здесь, – было видно, что Сэнрик сердился на то, что уже который день они не могут выбраться из леса, а также на много чего ещё, в чём он себе возможно не признавался.

– Лучше уж я умру от голода или холода, чем Гром, – с влажными глазами, но гордо приподнятым круглым подбородком с ямочкой заключила Эмили.

– Твоё дело, но я с тобой помирать за компанию не хочу.

Эмили стало неприятно от его слов. Неужели Сэнрик совсем лишён сочувствия? Разве может он думать только о себе и совсем не беспокоиться ни об Эмили, ни о Громе, который был ей безумно дорог?

На самом деле, вполне мог. Эмили до сих пор видела этот мир только со своей колокольни, не представляя, что другие люди могут видеть его по-другому. Если бы она знала, что порой творится в чужих головах, ей бы, пожалуй, пришлось пересмотреть всё, что она когда-либо знала. В целом, разум другого человека – это целый новый мир, неподвластный твоей собственной логике и часто выходящий за рамки твоего собственного сознания. И порой там сам чёрт ногу сломит.

Эмили отвернулась, поджав губы. Но Сэнрик не был таким уж эгоистом. До двенадцати лет у них в доме жил пёс по кличке Нут, лохматый и вечно в чём-то измазанный, с большим пушистым хвостом и острой мордой. И хотя вид его был довольно внушительным, а посторонние, не знающие его доброго нрава, зачастую старались обходить его стороной (к примеру, в случаях, когда его оставляли сторожить дом), практически каждую ночь он шёл к Сэнрику и ложился рядом с ним, под боком. Дядя Сэнрика не одобрял такого поведения пса, и им приходилось всячески ухитряться делать так, чтобы Нут оставался незамеченным, приходя к кровати мальчика. И тем не менее, их можно было назвать самыми настоящими лучшими друзьями. После, незадолго до дня рождения Сэнрика, Нут умер от болезни, поразившей его отважное преданное сердце. И тогда мальчик постиг настоящую потерю, ранящую сердце так сильно, что ещё долго невозможно спокойно спать. Так что, Сэнрик определённо понимал чувства Эмили. Другое дело, что он не хотел этого показывать. Если он проявит сочувствие, она тут же расплачется, и это никак не поможет делу. Более того, на первом месте для него сейчас действительно была их жизнь. Он был не бесчувственным, но всё же более рассудительным, отдавая предпочтение холодной голове, нежели жаркому сердцу. У Эмили же было всё с точностью да наоборот, и то было главным отличием между ними.

– Ладно, – наконец произнёс Сэнрик, – я могу разжечь костёр, чтобы Гром согрелся, но при условии, что ты отправишься на поиски хоть какой-нибудь еды.

Эмили обрадовалась его словам.

– Какой же ты замечательный, Сэнрик! – на радостях она обняла его, от чего юноша на пару мгновений остолбенел. Они прежде даже руки друг другу нежимали, а тут сразу объятия. Признаться, у него никогда не было подружки, всегда он общался с компаниями парней, а потому не знал, как обычно девчонки дружат, поэтому подумал, что подобная экспрессия для них является нормой. – Я сейчас же пойду искать еду!

Эмили уже собиралась уходить, как вдруг остановилась, точно забыв что-то.

– Только, будь так добр, позаботься о Громе, – попросила она, а затем подошла к коню, заглянув в его большие чёрные глаза, в которых блестели капельки света, – с тобой всё будет в порядке, малыш, – она погладила его по гриве, взяла руками за морду и, притянув к себе, прикоснулась своим лбом к его. Это был жест крепких дружеских уз из их секретного языка, который образовался между ними, когда Эмили была ещё маленькой. Тогда она думала, что его может понять лишь Гром, и никому больше не доступен смысл их тайных знаков.

Сэнрик понимал, как сильно ей сейчас нужна была поддержка.

– Обязательно, – кивнув, ответил он и улыбнулся.

За своё отсутствие Эмили смогла-таки найти то, что можно было съесть. Она собрала немного грибов, старательно избегая те, о которых предостерегал её Сэнрик, и даже сумела найти куст сладкой малины, которую она собрала столько, сколько могла унести прямо в подол платья. Так, ягодами и жареными на огне грибами они с Сэнриком смогли вдоволь наесться и до самого утра не чувствовать голод.

На самом деле, Эмили, хоть она и не заметила, похудела за то время, что провела в Бескрайнем лесу. И это отражалось на ней однозначно нехорошо. Её руки высохли, скулы стали более заметными, а живот потерял свою округлую снизу форму, особенно красящую девушек того времени, и стал совершенно плоским. Сам организм её тоже не радовался таким переменах. На одних грибах и ягодах далеко не уедешь, и ещё две-три недели такого питания – нач-

нутя проблемы с пищеварением и усваиванием нормальной пищи. Сэнрик же пробыл в лесу гораздо меньше Эмили, поэтому на нём «ягодно-грибная диета» ещё никак не успела отразиться. Да и желудок у него был куда крепче, поэтому быстро и ловко перерабатывал всю грубую пищу. В общем-то, Сэнрик был стройным, поджарым юношей, ко всему прочему высоким, а потому даже если бы он потерял в весе, это не было бы сильно заметно.

Эмили со всеми собранными сокровищами вернулась к нему, когда солнце уже наполовину зашло за горизонт. Костёр к тому времени всю пылал алым пламенем, распространяя тепло вокруг себя, обдавая им в том числе и Грома, чьё состояние немного улучшилось от этого, хотя он всё ещё периодически нервно подёргивал ушами и зачем-то поднимал одну ногу.

– Как он? Ему лучше? – поинтересовалась Эмили, глядя на своего коня.

– Он согрелся, – сказал юноша, словно отвечая на другой вопрос, – остальное в его руках, – выдержав паузу, он поправился, – копытах.

– Что это ещё значит? – тут же уточнила Эмили.

– Мы ему больше никак не поможем, Эм, – пояснил Сэнрик. Сначала Эмили отреагировала с пониманием, прекрасно зная, что он прав, но позже что-то стрельнуло в её голове яркой вспышкой, от чего она подскочила на месте и удивленно захлопала ресницами.

– Эм? – Сэнрик редко звал её даже по имени, а уж так тем более не называл ни разу. Единственным человеком, который обращался к ней, как к «Эм», был Маркус. Внезапно на неё нахлынули воспоминания, она почувствовала себя так, словно проснулась от глубокого долгого сна, и вместе с этими воспоминаниями к ней пришли или, точнее сказать, вернулись ужас, горечь и вина. Она не в силах была понять, как смогла забыть про свой дом, про маму, про Маркуса, про весь Капитайбур! Она не узнавала себя более. В первые дни своего пребывания в лесу она только и делала, что думала о них и мучилась от сомнений в совершённом поступке. С тех пор же, как она встретила Сэнрика, у неё будто отняли память. И вернулась она весьма болезненно. Эмили действительно была эмоциональной, а потому её глаза тут же наполнились влагой, которая, всё же, не решалась стечь солёными слезами по розовым щекам. Однако в голове её воцарился полный хаос.

– Что я сказал не так? – спросил ошарашенный такой реакцией Сэнрик.

– Нет-нет, я просто... – Эмили вытерла слёзы и улыбнулась, хотя, признать, эта улыбка выглядела натянутой, – меня так звал только один человек. Которого я подвела. О святой Дух, я понятия не имею, сколько здесь провела! – всплеснула руками она. – Как долго я здесь, Сэнрик?

Сэнрик, откровенно говоря, растерялся. Как он мог это знать? Но молящий взгляд его спутницы так и требовал ответа.

– Ну, долго наверное. Очень долго.

– Точно. Очень и очень долго! – вздохнула Эмили. – Как же моя семья?

На какое-то время она замолчала, осмысливая всё, что крутилось у неё в голове. Юноша тоже молчал, не зная, какие слова подобрать. Наконец, она первой нарушила тишину.

– Твой дядя, наверное, очень волнуется. Но ему легче, он ведь знает, где ты.

Сэнрик заколебался. Он не был уверен, стоит ли рассказывать Эмили то, за что ему было стыдно. Но он долго был один и ещё дольше ни с кем не делился. Как позже он заключил для себя сам, если он не расскажет Эмили о себе хоть что-то, ему, скорее всего, не удастся отвлечь её от навязчивых мыслей, соответственно, они застрянут на одном месте, пока она не оправится.

– Не совсем, – нерешительно произнёс он. Как и ожидалось, Эмили посмотрела на него с играющим во взгляде любопытством.

– Если я расскажу эту историю, ты должна будешь рассказать что-то взамен, – потребовал Сэнрик. Ему было в новинку так просто открываться людям. Но он увидел в Эмили, как и она

в нём ранее, неплохую компанию и, более того, человека, которому можно довериться. Ко всему прочему, он не знал, сколько они ещё времени проведут вдвоём в этом лесу, быть может, они и умрут здесь на пару, поэтому какая разница? Что ж, пожалуй, стоит признать, Сэнрик более реалистично смотрел на вещи, и иногда его реализм граничил с каким-то равнодушным пессимизмом.

– Ладно, – тут же согласилась Эмили. Что касается её, она без особого труда открывалась людям. Иногда это могло сыграть с ней злую шутку, но такова была её доверчивая натура.

– Я сбежал сюда, – начал Сэнрик, – дядя ни в жизнь меня бы не отпустил. Ага, конечно. Да и никакой я не охотник. Мой дядя, он всегда был против того, чтобы я занимался его ремеслом, потому-то никогда не учил меня всяким вещам, ну знаешь, охотичьим.

Эмили считала Сэнрика умным, как говорилось ранее, однако полагала, что выражается лучше него. Иногда она замечала, как ему бывает трудно подобрать правильные слова, но поправлять не смела, поскольку не хотела задеть его раздутое самолюбие.

– Он всё обещал меня с собой взять, но не брал. Хоть бы на какого хилого зайца! – Сэнрик нахмурился. – Меня это задевало, я же ещё мальчишкой мечтал стать охотником. Поэтому я решил пойти против дядькиной воли.

Эмили издала звук, похожий на сочувствующее «оу».

– Я и не знала, – она отвела взгляд, а после улыбнулась краешками губ, – выходит, на ярмарке ты был грубияном, потому что был обижен на весь свет?

Сэнрик смутился.

– Каким ещё грубияном! Ну может немного, как ты сказала... Что-то вроде того.

– Но почему ты так хочешь быть охотником? Из-за дяди?

Сэнрик вновь не стал спешить с ответом. Она подумала, что это было что-то личное, и говорить об этом дальше ему было неприятно. Но тогда зачем же он начал этот разговор? Эмили заинтересовал его рассказ, и даже если она не получит ответа на свой вопрос сейчас, рано или поздно она намеревалась всё узнать.

Конечно, любопытство не очень хорошая черта. Ценится, скорее, любознательность, которая позволяет человеку открывать перед собой целый новый мир интересных явлений, да и та нравится далеко не всем и принята не в каждом обществе. Что уж говорить про любопытность, которая многих даже раздражала из-за того, что люди с этим качеством зачастую либо очень напористые, либо постоянно суют свой нос, куда им не следует. Что ж, надо признать, Эмили как раз была из таких.

– Из-за моего отца, – внезапно сказал Сэнрик.

– Почему из-за него?

– Он известен. Важный человек, так сказать. Охота – его страсть. Я хочу стать охотником, чтобы он взял меня к себе. Чтобы, знаешь, вместе нестись по лесам на лошадях, в погоне за каким-нибудь оленем с большущими рогами, – он даже начал жестикулировать, настолько его увлёк рассказ, – чтобы он...

– Заметил тебя, – тихо договорила за него Эмили, когда возникла небольшая пауза, – О Сэнрик, – её тронула его история.

– Теперь твоя очередь, – громче произнёс он, распрямив спину.

Эмили давно чувствовала, что ей необходимо было кому-нибудь выговориться. Для неё разговор служил своеобразной эмоциональной разрядкой, ритуалом, после которого она всегда чувствует себя лучше. И, по правде говоря, ей хотелось рассказать именно обо всём важном, что произошло с ней в Капитайбуре. Но начать об этом сразу она боялась, возможно оттого, что не знала, как отреагирует Сэнрик, поэтому прежде всего рассказала про кулон, подаренный ей на день рождения, про Лизу, с которой вечно ссорилась, а потом уже Эмили перешла к Маркусу и свадьбе.

– Тогда я вернулась домой, и мама сказала, что нам нужно поговорить о чём-то важном. Не представляешь, как я заволновалась, Сэнрик! Но я попыталась успокоить себя, в конце концов, это могла быть какая-нибудь чепуха, – она попыталась засмеяться, но внутри неё нарастало волнение по мере того, как она приближалась к сути. Ей уже перестало казаться хорошей идеей рассказать про то, что она без двух минут обручена, но отступить было уже поздно.

– В общем...

– Ну, что она? Кто-то умер что ли? Ты чего так волнуешься?

– Сейчас, сейчас, – Эмили сделала вид, что поправляет платье.

– Ты кстати хорошо рассказываешь, – поддержал её Сэнрик, в ответ увидев наигранное удивление.

– Неужели это комплимент? А ты не так самолюбив, как я думала, – подстегнула его она.

– И вовсе я не самолюбив!

– Как же, – Эмили улыбнулась и почувствовала облегчение. Тогда она продолжила.

– Разговор вышел не самым приятным. Мне уже восемнадцать, и у нас так принято...

Полагаю, и у вас тоже, мы же, в конце концов, мало чем отличаемся. Вкратце... Мне предстояло выйти замуж.

Сэнрик не ожидал такого поворота событий. Сначала его брови поползли вверх от удивления, а позже он, осознав услышанное, насутился и неосознанно согнул спину, подперев подбородок ладонью.

– Так ты что же, замужем?

– Нет-нет! Ты всё неверно понял, – Эмили замахала перед его лицом руками, – я так и не успела выйти замуж. Только не осуждай меня, умоляю! Я не вынесу этого. Но я сбежала совсем незадолго до своей свадьбы. Ночью, пока никто не спохватился. А утром я должна была обручиться.

Сэнрик был удивлён ещё больше.

– Так... – он почесал лоб и провёл рукой по волосам, – ты сбежала из-за снов или из-за жениха?

– Скорее, из-за всего вместе, – Эмили опустила голову, – Маркус замечательный человек, мы всю жизнь дружили, но я совершенно не была готова к тому, чтобы стать его женой. Чтобы стать чьей угодно женой! И эти сны, в которых отец звал меня в Волшебное королевство. Мне хотелось верить, что они реальны. Что есть место на свете, где нет всех этих проблем. Всё внезапно навалилось, и я... Я... Не знаю, я струсил, Сэнрик. Просто струсил.

– Вообще, если тебе интересно моё мнение, по-моему ты не струсил.

Эмили взглянула на него, не поднимая головы, исподлобья, не понимая, как он до сих пор не сказал ей ни единого укоризненного словечка, не посчитал её сумасшедшей, и одновременно мысленно благодаря его за это.

– Не каждой хватило бы духу дать дёру с собственной свадьбы.

Он рассмеялся. Конечно, над ней, но он вовсе не насмехался, а смеялся по-доброму, искренне. И смех его пришёлся ей по душе. Впервые она взглянула на Сэнрика с теплотой, уже не считая себя самым ужасным человеком на свете.

В этот самый момент позади юноши она заметила маленькую искорку света. Она тут же указала на неё, никогда не видевшая ничего подобного. Маленький огонёк висел где-то в воздухе, помигивая им, и было не разглядеть, что он из себя представлял на самом деле.

– Волшебство, – инстинктивно подавшись вперёд, прошептала Эмили, только краем глаза заметив хитрую улыбку своего друга.

– Не-а, – он развалился на траве, закинув руки за голову, и не без наслаждения наблюдал, как Эмили пялилась на огонёк и тянулась к нему, точно это было какое-то чудо света. Но он-то знал, чем была крошечная искорка света, и что она должна была за собой повлечь. Светлячки.

Не успела Эмили ничего спросить, как рядом с ней возник ещё один огонёк. Третий появился подальше. Четвёртый. Пятый. Они вдруг десятками появились из сгустившейся к тому моменту темноты, и лес будто наполнился не солнечным, а лунным, прекрасным светом, играющим, отбрасывающим причудливые тени. Всё вокруг засеребрилось, заблестело, и самыми яркими точками в этом вальсе двух противоположностей были светлячки. Они парили в воздухе, точно в невесомости, то подлетая поближе, то отдаляясь. Эмили казалось, что они окружают её, тем самым создавая водоворот, обвивая её вихрем, в котором она была центром. В её глазах загорелись блики их яркого света, её кожа теперь тоже светилась серебристым лунным цветом, а платье из простого, в котором она, бывало, даже убирала дома, превратилось в платье принцессы, особенно когда на него сели несколько светлячков.

Сэнрик смотрел на всё снизу вверх, и ему открывался вид на звёздное небо, проглядывающее сквозь пышные кроны деревьев. Эта ночь действительно отличалась от всех предыдущих. Не только потому, что, как бы странно это ни прозвучало, она была полна света, но и потому, что впервые за время своего путешествия он по-настоящему радовался, что не одинок.

Однако надолго останавливаться на одном месте они не могли. Нужно было продолжать свой путь практически «в никуда», чем они благополучно и занимались вот уже на протяжении нескольких дней. Никто из них не мог точно сказать, сколько времени прошло. Возможно, даже неделя. И хотя время можно было определить по тому, как заходило и вставало солнце, кажется, наши спутники перестали обращать на это всякое внимание. По правде, время в Бескрайнем лесу не поддавалось объяснению. Оно протекало совсем не так, как там, откуда были родом Сэнрик и Эмили.

– Нам пора, – произнёс юноша, поднимаясь с земли после очередного привала. Эмили устало кивнула ему и тоже поспешила встать.

Однако у неё это вышло не особо хорошо. Как только она смогла подняться на ноги, земля перед глазами начала плыть, ноги подкосились, и Эмили не заметила, как чуть не упала. Сэнрик среагировал моментально и вовремя подхватил её на руки.

– Что с тобой?

– Мне... как-то нехорошо, – произнесла Эмили, положив себе ладонь на лоб, – голова кружится. И ноги что-то не держат.

Сэнрик аккуратно усадил её возле ближайшего дерева.

– Отравилась, может, чем? – задумчиво произнёс он.

– Не думаю. Я слишком голодная для того, чтобы чем-то отравиться, – она попыталась изобразить подобие улыбки.

– Голо-одная, – Сэнрик протянул эту фразу, словно что-то обдумывая, а потом резко заключил:

– Точно! Ты голодная! У тебя это... как его, – он отчаянно пытался вспомнить слово, однажды произнесённое его дядей в отношении уличного пса, давным-давно бродившего по их городу и выпрашивающего у всех еду. Конечно, он не хотел сравнить Эмили с тем псом, но полагал, что такого рода недуг может быть и у людей.

– Истощение! – наконец, вспомнил он.

– Истощение? – Эмили выглядела напуганной. Она прежде не сталкивалась с подобным и сейчас очень надеялась, что это не какая-нибудь страшная болезнь. Только подцепить заразу ей не хватало, для полного счастья.

«Если мне и суждено здесь погибнуть, то точно не от этого истощения», – прозвучало у неё в голове.

– Такое бывает, когда ничего не ешь. Ну или слишком мало ешь, при этом ещё и не сидишь на месте. Мы в пути уже долго, а ты съела-то за это время всего ничего. Твоему... ну, организму, не хватает... веществ.

– Вещств? – теперь Эмили уже была, скорее, в недоумении. О каких таких веществах говорил Сэнрик? Она и подумать не могла, что у неё внутри могут быть какие-то вещества. Что это вообще значило?

– Я говорю, ну, о «питательных веществах». Ну знаешь, тех, которые нужны каждому организму.

– Нет, не знаю, – честно ответила девушка.

– Мне дядя рассказывал об этом. Он умный и много знает, – пояснил Сэнрик.

– Хотела бы я его послушать, – Эмили нравилось учиться чему-то новому, и ей действительно было интересно, что же ещё может рассказать ей дядя её друга, – но что же нам делать с моим истощением?

– Тебе еда нужна, – уверенно, точно зная, о чём говорит, ответил Сэнрик, – что-то сытное. Эмили задумалась.

– Но тут из сытной еды только мясо, а его нам не достать. Ты не охотишься, а я просто не умею. Что же делать в этом случае?

Сэнрик почесал подбородок, уставившись себе под ноги. Прошло какое-то время, в течение которого он то хмурился, пытаясь, видимо, что-то осмыслить, то расслаблял мышцы лица, а иногда в его глазах будто загоралась некая искра. Эмили же стояла в нетерпении.

– Идём на охоту, – внезапно, твёрдо, без тени сомнения, сказал Сэнрик.

Глава 5. Преодоление

Как бы ни было это неожиданно, они действительно отправились на охоту. Точнее, отправился Сэнрик, а Эмили же шла вместе с Громом позади, стараясь не закрывать глаза, вопреки налитым свинцом векам от слабости в теле.

«*Что ж, хотя бы с Громом всё хорошо*» – думала она, будучи действительно рада, что Гром выглядел уже как здоровый конь, мог ходить и даже, скорее всего, бегать. Однако последнее она, всё же, пока не решалась опробовать.

Сэнрик искал любые следы, которые могли бы привести его к добыче. Он знал кое-что об охоте, но даже при этом весьма скудном (в сравнении со знаниями настоящего охотника) запасе информации вполне смог бы, как он думал, управиться со зверем. Он надеялся наткнуться на оленя или, может быть, кабана. На крайний случай сгодились бы и зайцы. Если бы можно было выбирать, то кабана, к слову, он выбрал бы в последнюю очередь или не выбрал вообще. Эти животные зачастую очень свирепы, когда защищают свою территорию. Помимо прочего, у них плотная шкура, а потому убить их не так-то просто. Да и в принципе с ними сложно управиться. В охоте на кабана, особенно без лошадей и какого-нибудь более мощного оружия, чем кинжал и смекалка, можно было серьёзно пострадать. Олени тоже бывают разных нравов: те, что живут ближе к людям, чаще пугливые, и вся сложность заключается в том, что их трудно нагнать (хотя всё же стоит опасаться их огромных рогов), а те, что живут в отдалении, гораздо смелее и могут даже атаковать первыми. Тем не менее, охота на оленей, по мнению Сэнрика, была куда проще. Достаточно было лишь выждать нужный момент, подкрасться так, чтобы тебя не заметил их чуткий нюх и острая, как лезвие, интуиция, и – раз! – вот уже олень падает на землю с предсмертным стоном. С зайцами обстояла похожая ситуация. Конечно, они в любом из возможных вариантов развития событий не могли атаковать человека, но их главными преимуществами были скорость, ловкость и умение запутать охотника. Зайцы умело переплетали свои следы, петляя из стороны в сторону, и человеку уже сложно было бы различить, в какую на самом деле сторону убежал зверь. Хищникам, вроде волка, немного проще, поскольку они используют обоняние, но даже здесь у зайца есть все шансы сбежать от незавидной участи.

Поначалу поиски Сэнрика не предвещали успеха. У него даже создалось впечатление, что здесь и вовсе нет животных, максимум – одни птицы, да и те появлялись в поле зрения крайне редко. Впрочем, сгодились бы и они, если бы при себе у юноши был лук с колчаном стрел. Но, как говорилось ранее, из оружия у него был только кинжал, а с ним в охоте далеко не уедешь, особенно если у тебя за спиной нет многолетней практики. Вот как Сэнрик собирался нападать на оленя? Прямо так, чуть ли не в рукопашную, набрасываться на животное, чьей реакции можно было бы позавидовать? Об этом он, конечно, думал, но не нашёл для себя ответов, а потому принял решение «посмотреть по ситуации», что было, откровенно говоря, не очень умно. Даже у Эмили промелькнула тень сомнения по этому поводу, но она ничего говорить не стала. Ей всё же казалось, что Сэнрик в таком деле умнее её, и он лучше знает, что делать.

В конечном итоге, фортуна повернулась лицом к голодным спутникам, и Сэнрик наткнулся на едва заметные, практически уже стёртые с земли, следы. В них он различил отпечатки оленьих копыт и тут же обрадовался. Он всё-таки наткнулся на оленя! Будет огромной удачей, если сегодня они им и отужинают.

– Эмили, – говоря тише обычного, позвал девушку он, – я нашёл кое-что!

– Отлично, – она улыбнулась, пытаясь рассмотреть находку.

– Тебе придётся остаться здесь, – сказал он, – ты не в состоянии охотиться, а Гром ещё слаб. Я пойду один.

– Ты уверен? – Эмили обеспокоенно глядела на Сэнрика. Она не знала, то ли она волновалась за себя, то ли за своего друга, то ли за них обоих.

– Уверен. Ты справишься одна? – неуверенно спросил он. Понимая, что здесь можно уже ожидать чего угодно, мысли о том, что Эмили может попасть в неприятности, не оставляли его. И поскольку он будет достаточно далеко от неё, он не сможет, в случае чего, сразу прийти к ней на помощь.

– Я не одна, – девушка ласково похлопала Грома по шее, – не волнуйся, иди.

Сэнрик без лишних слов развернулся и направился по следам, скупой на проявление излишних эмоций. Хотя, откровенно говоря, в сравнении с экспрессивностью Эмили любой показался бы чёрствым сухарём.

– Сэнрик! – окликнула его вдруг девушка. Он обернулся на неё.

– Если что, это совсем необязательно. Я думаю, со мной всё будет в порядке.

Сэнрик улыбнулся ей. Она уже давно не видела такой улыбки, которая выглядела в точности как у дворовых мальчишек, беззаботно играющих в салочки или что-то ещё. Его улыбка не могла быть сдержанной или фальшивой. Если она появлялась на его лице, то обязательно была искренней и какой-то... доброй. По крайней мере, Эмили сразу становилось от неё спокойнее, лучше на душе.

После Сэнрик всё же отправился на охоту, на настоящую, первую в его жизни, охоту, которая должна была стать поистине чем-то незабываемым, как он себе это представлял. Он был воодушевлён и чувствовал прилив необычайной силы, словно сама отчаянная смелость разливалась по его венам вместо крови.

Пока Эмили с Громом отдыхали на месте, где распрощались с Сэнриком, желая ему удачи, сам юноша открывал для себя собственное, в пределах мирового масштаба может и маленькое, но для него большое и значимое, приключение. Судя по всему, олень был далеко от него, и, скорее всего, был не один, но это не останавливало Сэнрика. Наоборот, это лишь распаляло его. Он был уверен в том, что в ближайшее время доберётся хоть до целого стада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.